

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 1(25), 2015

спецвыпуск

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ — ПЯТЫЙ ПОСТУЛАТ

(специальный выпуск)

Изборский клуб решил предоставить особый выпуск своего издания для тематики и направления, которые видятся нам чрезвычайно важными.

Сегодня не только у нас, но и во всём мире ощущается зияющая ниша литературно-философского течения, которое посмело бы выйти за рамки отраслевого и цехового делания и объявило бы о предельно высоких мировоззренческих целях, стоящих перед народами и культурами — создателями многообразных развитых цивилизаций. Сегодня мы не видим интегральных гуманитарных проектов — собирателей смыслов, которые не идут на поводу у неолиберальных режиссёров глобального мира, не поддерживают влиятельные тенденции духовной деградации, разложения культур, расчеловечивания человека. Есть лишь работающие в этом направлении разрозненные творчески личности и небольшие группы, а также остаточные полуразрушенные институты прежних эпох, руины вчерашнего высокого стиля. Между тем такой альтернативный интегральный проект — светский и имперский, а не конфессиональный или узконациональный, — жизненно необходим.

Мы не сомневаемся, что почва готова и жатва созрела. Посыл к творческому преображению нашей жизни будет встречен многими представителями современной интеллигенции как долгожданное дело. Это направление не должно породить очередной извод «искусства для искусства». Оно будет означать не что иное, как выход на духовную брань в чистое поле смысла. В грозное, предвоенное время, в которое мы живём, очень многое будет зависеть от поэтов и мыслителей. Потому что в испытаниях и катаклизмах человеку крайне важно не потерять свою путеводную звезду, вновь обрести высший смысл своего существования, найти себя в зеркале вечности своего народа, где он соседствует со своими предками, угадывает лица своих потомков и лики небесных хранителей. Глядя в это зеркало, мы узнаём друг в друге себя.

В судьбоносные для России времена многое зависит от того, сумеет ли творческий интеллектуальный слой нашего народа мобилизоваться для постановки задач, соответствующих уровню и масштабу Русской цивилизации. Инициатива в идейном мире, в мире художественных образов, стилистических решений, гуманитарных знаний и пророческого слова может и должна исходить от писателей и мыслителей, от художников и метафизиков, исследователей истории и духовной культуры. Нам необходима плеяда синтетических личностей, сочетающих мышление образами и строгими категориями, сопрягающих религиозное горение с мощью рационального и аналитического подходов к жизни, чутких к богословию и к данным точных и естественных наук. И такими личностями Россия богата.

Понимая всю сложность и неохватность подобных замыслов, мы полагаем, что необходимо делать первые шаги в данном направлении. Таким шагом мог бы стать проект под рабочим названием «Пятый постулат». Это должно быть не просто периодическое издание, но новый духовный поток, вовлекающий в себя лучшие творческие силы.

Данный спецвыпуск — своего рода проба, которая демонстрирует разные опыты гуманитарного творчества. Все наши авторы стремились приблизиться к разгадке таинственного русского культурного кода, к тем или иным слагаемым национального мифа. Русское чудо нельзя вполне предвидеть и объяснить, оно раскрывается всегда в новом и неожиданном переводе на язык каждой наступающей эпохи.

Русские чудеса, Святая Русь, явления национального гения никуда не ушли от нас. Всё это продолжается в нас, дремлет и просыпается, чтобы открылась следующая страница мировой летописи, к которой все мы, родившись в эту эпоху, уже причастны.

Содержание:

- 2 Александр ПРОХАНОВ.
Глаголы Русской жизни
- 8 **На поле Куликовом**
(заседания Изборского клуба в Туле)
- 22 Виталий АВЕРЬЯНОВ.
О ключевом национальном мифе
- 28 Валерий ЛЕПАХИН.
Категории Святой Руси
- 40 Юрий Кузнецов. **Чудотворец русской поэзии**
(вступительное слово Владимира БОНДАРЕНКО)
- 44 Римма СОКОЛОВА.
Философия чуда
(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)
- 62 Диакон Владимир ВАСИЛИК.
«И тьма не объяла его...»
- 68 Александр ЕЛИСЕЕВ.
Русский космос как райский ответ
- 76 Рассказ Александра СЕГЕНЯ.
Черная нить Ариадны
- 88 Сергей ПЕРЕСЛЕГИН.
Нам позарез нужно чудо
- 94 Максим КАЛАШНИКОВ.
Русские чудеса техники: непростая судьба
- 104 Владислав ЖИГАЛОВ.
Невидимая угроза
- 110 Рассказ Натальи РОМАНОВОЙ.
Ясновидец
- 120 Алексей КОМОГОРЦЕВ.
Славянские тайны книги Еноха
- 126 Татьяна ФАДЕЕВА.
«Странствующее царство»
- 134 Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Крым – это судьба
- 138 Иван ОХЛОБЫСТИН.
Аристократический выбор
- 140 Владимир БОНДАРЕНКО.
Русская литература как чудо
- 144 Рассказ Сергея ШАРГУНОВА.
Род Выпряжкина
- 150 Олег ФОМИН-ШАХОВ.
Неизвестная Родина
- 156 Библиотекарь

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» № 1(25), 2015 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА
Над спецвыпуском также работали: Дмитрий ВОРОНЦОВ,
Алексей КОМОГОРЦЕВ, Владимир БОНДАРЕНКО
1-я обложка – Игорь ШУРШАКОВ, 4-я обложка – Олег ФОМИН-ШАХОВ
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751
Подписано в печать: 24.02.2015
Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»
Тираж 1000 экз. Заказ № 0237

/ Александр ПРОХАНОВ /

Глаголы Русской жизни

Святая Русь — что она? Преподобный Сергей среди русских деревень и посадов, окружённых негасимой зарёй? Рублёвская Троица с небесной лазурью ангельских хитонов? Пересвет, берущий в руки своё святое копьё? Или сияющая в вершинах русских берёз мартовская лазурь, от которой ликует душа? Святая Русь — в нашем прошлом и дана нам как божественное воспоминание, однажды случившееся в древности дивное чудо, которому больше не повториться?

А тихие выцветшие глаза волоколамских вдов? А внезапное милосердие, раскаяние и любовь, озаряющие вдруг самую тёмную погибшую душу? А священномученики, которых в годы гонения распинали на царских вратах, а они с креста молились за своих мучителей? А жуткая шахта в Алапаевске, из которой сквозь рыдания и стоны неслись божественные песнопения? Это ли не Святая Русь? А воздевшая меч «Родина-мать» на Мамаевом кургане, вокруг которой по всей сталинградской степи — несметные могилы героев, отдавших жизнь за ликующий свет против чёрной мглы? Не она ли, Святая Русь, обнаружила себя в безбожные годы, озарённая вселенской победой?

«Мати негасимого света, претерпевших до конца — победа».

Наши русские художники-провидцы угадывали Святую Русь, которая открывалась во дни великих торжеств и великих русских скорбей. Барма и Постник, воздвигшие храм Василия Блаженного, напоминающий цветы из райского сада, — это образ Святой Руси. И Нестеров, писавший Святую Русь, помещал среди схимников, отшельников и блаженных Гоголя, Достоевского и Толстого. А Петров-Водкин, написавший алого коня и золотого наездника среди лазурного озера, не он ли узрел Святую Русь в те годы, когда по земле мчались конные армии с окровавленными

клинками? А великий провидец и мистик Александр Блок? Не он ли увидел «в белом венчике из роз» Христа, который шёл по голодному Петрограду, возглавляя отряд матросов?

А праздник Победы, когда в московском небе расцветали букеты победного салюта, и тысячи людей, измученных и истрадавших, ликовали, словно им было явлено чудо? И Крым — Святая Русь. Разве он не был дан нам как чудо? Святая Русь сопутствует русской истории и русской судьбе так, словно она была явлена нам изначально — когда Господь своим кропилом окропил сотворённый им русский народ, обременив и наградив его непомерной ношей: неустанно искать райские смыслы, низводить их с неба на землю, строить Царство Божие на Земле.

Открывшиеся над русским народом небеса больше никогда не смыкались. И свет фаворский, не иссякая, лился в русскую душу, делая её мечтательной и молящейся. Россия поднималась на вершины цветения и славы, когда её украшали великие победы, когда ею правили великие мужи, когда в ней сотворялись великие вероучения и создавались бесподобные картины и храмы. А потом Россия опрокидывалась в чёрную бездну и в ней истиралась дотла так, что от храмов не оставалось камня на камне. Картины и летописи сгорали в пожарах. Могилы мудрецов и воителей осквернялись и предавались забвению. Эти чёрные дыры истории были волчьими ямами, куда падала русская жизнь, чтобы никогда не воскреснуть.

Но она воскресала. И это воскрешение каждый раз было необъяснимым чудом. Потому что Святая Русь не могла погибнуть, как не может погибнуть божественная лазурь, дающая начало всему. Воскрешение государства Российского из чёрных дыр истории объясняется Русским чудом, присутствием в русском мироустройстве Святой Руси.

Сегодня Святая Русь явила себя в Новороссии. Под бомбами, снарядами, среди рукопашных схваток, среди залитых кровью городов и селений, среди гробов и лазаретов ослепительно сияет Святая Русь. В этой крохотной, чудесно возникшей стране русские люди сражаются за вселенское счастье против алчных мировых банкиров, звероподобных фашистов, которые вновь, как бурьян, выросли из коричневых семян гитлеризма.

Новороссия — это русская икона и русская мечта. Новороссия — наш храм и наше будущее. Там, в Новороссии, Преподобный Сергей отправляет на бой Пересвета. Там, в Новороссии, Александр Матросов закрывает грудью гнездо пулемёта. Там, в Новороссии, по разгромленным улицам Луганска и Донецка скачет алый конь Петрова-Водкина. Там, под развалинами Славянска и Шахтёрска, «в белом венчике из роз», не касаясь земли, идёт Иисус. Там, как прихожане единого храма, стоят Достоевский, Толстой и Гоголь, казак-ополченец в косматой папахе, бесстрашный боец Моторола, добровольцы из Сербии, из Каталонии. Там, в этом храме, стоит бесподобный Стрелков — русский мечтатель и воин.

Святая Русь, возникнув однажды в русском народе, объемлет всю Землю.

Куликово поле. Эти волшебные туманы. Эти дали, которые похожи на золотые иконостасы. Река Непрядва с её тёмной осенней водой, которая вдруг сверкнёт серебряным отблеском, будто доспех князя Дмитрия. А там, за дубравами, что-то промерцает, промчитя, словно наконечник копья Пересвета.

Мы с моими сотоварищами из Изборского клуба вошли в церковь, которая построена на высокой горе, где когда-то находился шатёр Мамаю. Этот храм расписан дивными фресками. Прямо под куполом храма, около иконостаса монахи поставили стол, и нас окружали волшебные росписи. Мы вели беседу о святости русского оружия. Здесь, на Куликовом поле, сложилось российское государство — Московское царство. Оно сложилось по воле отважного воителя — князя Дмитрия. Эта воля была озарена таинственным волшебным светом русского православия, светом, который излил в сердце князя и сердца русских воинов преподобный Сергей. Преподобный вкладывал в душу князя райскую молитву, божественную песнь о любви и правде, о неизбежном одолении смерти. Святой озарил своим подвигом, своим

духовным стоянием огромные пространства русской земли. Государство добывалось силой оружия, копьём Пересвета, что сжимала длань священного инока, которого отрядил на этот бой преподобный Сергей.

И здесь, среди волшебных росписей, среди горящих лампад и свечей, у нас родилась метафора, родился поэтический образ. Русское оружие, создавая и защищая русское государство, одновременно защищало русскую мечту о вселенской справедливости, о красоте, о мире, где нет зла и насилия, где цветут райские сады и царит бессмертие. И поэтому русское оружие, будучи святым, является оружием райской мечты, оружием райских садов.

Мы говорили о Великой Отечественной войне, о войне, которую называют священной. Эта священная война увенчалась священной победой. И эта священная победа добывалась священным оружием. Шла битва, которой ещё не ведал мир. Сражались не просто армии, не просто государства, не просто народы, а сражались великие вселенские смыслы. Сражался вселенский свет — такой, каким он исходил из замысла Господа, сотворившего мир, сотворившего русский народ. И сражалась тьма, которая хотела одолеть этот свет. И победил свет, и тьма не объяла его.

Красная армия, советский, русский народ понесли неслыханные жертвы — 30 миллионов убитых. И эта жертва, говорили монахи, соизмерима с Христовой жертвой. Эта жертва делает Красную армию, советский, русский народ Христовым, священным народом. И возникла метафора, возник поэтический образ. Во время священной войны сам Господь пребывал среди сражающихся красных частей. Сам Господь сидел в танках Т-34 и сторал вместе с экипажами. Он ходил в атаки и контратаки под Сталинградом. Он стрелял из «сорокапятка» по немецким крестам на броне. Господь испытывал страшные муки в застенках. Его кидали в шахты Краснодона вместе с молодогвардейцами. Его вешали вместе с Зоей Космодемьянской и обливали на морозе ледяной водой, как генерала Карбышева.

И родилась метафора. Сам Господь Бог присутствовал среди сражающихся. Эта метафора не противоречит русской поэзии, ибо Блок в поэме «Двенадцать» сказал, что Христос «в белом венчике из роз» шёл впереди отряда матросов среди чёрных подворотен, откуда гремели выстрелы и выли бездомные голодные собаки.

*Отягчённый трёхлинейкой,
всю тебя, Земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
исходил, благословляя...*

Мы говорили о русской истории, которая есть история государства Российского. В недрах её живёт, не меркнет драгоценная для русского сознания мечта о справедливости, мечта о благом существовании, мечта о вселенском братстве. Эта мечта делает русский народ неповторимым, мессианским народом. А русская история, история государства Российского и его потаённых христианских смыслов — это священная история. И, перелистывая её драгоценные страницы, мы испытываем благоговение. В современное оружие — самолёты, танки, истребители — чудесным образом перешло хоть по крохотной частичке таинство того древнего русского оружия.

Там есть частичка меча Александра Невского. Есть крохотная молекула доспеха, которым защищался от вражеских мечей князь Дмитрий. Есть там и крупица металла из копья Пересвета. И эта святость — через материю, двигаясь из поколения в поколение, перешла в нынешнее оружие. Мы знаем, что гигантские подводные лодки типа «Борей» носят имена святых русских князей Владимира Мономаха, Дмитрия Донского, Александра Невского. Знаем, что на фюзеляже бомбардировщиков и тяжеловесных самолётов рисуют образы Пресвятой Богородицы и Спасителя. Знаем, что на оружие, которое получает в руки солдат, он молится. Он прижимает к нему свои уста, идёт с ним в бой. Поэтому родилась ещё одна поэтическая метафора. Русское оружие — это стреляющая икона. На неё молятся, к ней прикладываются, и она отражает от наших рубежей напасти, чёрные силы врага.

Сегодня мы строим наше новое оружие в великом напряжении сил. Мы должны успеть, должны построить его до того, как чёрные силы опять нависнут над нашей любимой Родиной. И мы построим его, чего бы нам это ни стоило. Через все труды, через все ограничения, отказывая себе в достатке, отказывая в утехах и развлечениях, мы создадим наше священное оружие.

Приезжайте на Куликово поле. Посмотрите в таинственные золотистые дали. И пусть вам будет откровение о нашей священной земле, о нашей драгоценной истории, о нашем оружии — святом и бесценном.

Слово лежит в основании мира. Словом Господь сотворил мироздание. Слово отожде-

ствил с собой. Слово — это и всеобъемлющая божественная неподвижность, и могучий порыв, сотворивший мир. Словесность — это божественность. Русская словесность — это область духовной жизни, в которой летают божественные смыслы. Русский писатель, создавая образы своих героев, добрых и злых, описывая картины войны и мира, схватки добра и зла, человеческое грехопадение и воскресение, — добывает божественные истины, как это делает молитвенник, стоя у алтаря.

Русская поэзия и проза есть делящаяся непрерывно из поколения в поколение молитва,

произносимая такими словами, чтобы слова эти услышал Господь. Русские стихи, романы и повести — это ответ Творца на молитвенный вопрос, с которым обращается к нему русский художник.

Русская литература — это псалом, обращаемый к Богу. В русской литературе — от самой древней, монастырской вплоть до стихов последней грозной войны — содержатся основы, на которых зиждется идеология государства Российского. Политики, придворные теоретики вычерпывают эти основы из литературных творений, придают им формулировки, соглас-

но которым двигаются полки, осваиваются бескрайние территории, строятся города — вершится народная история.

Красный советский проект начинался с книг. «Разгром» Фадеева, «Оптимистическая трагедия» Вишневского, поэмы Маяковского — все эти книги были идеологическими реакторами, из которых в народную жизнь изливалась красная идеология.

Советский проект завершался книгами. «Белые одежды» Дудинского, «Дети Арбата» Рыбакова, «Печальный детектив» Астафьева, «Пожар» Распутина, а до этого «Архипелаг

ГУЛАГ» — эти книги были наполнены мёртвой водой, которой Горбачёв заливал пылающий красный очаг.

Сначала книги, потом — идеология. Потом — либо великие стройки и военные победы, либо крах страны и Беловежские соглашения.

Три потока присутствовали в советской литературе в последнее десятилетие. «Городская» проза с её лидером Трифоновым, в которой мучительно, как угар, копилась боль беспощадных репрессий, социальных неудач и разочарований интеллигентов, мечтавших о рае земном, а получивших ГУЛАГ.

В «деревенской» прозе, где господствовали Астафьев, Белов и Распутин, была другая боль, связанная с умиранием русской деревни — того огромного тысячелетнего уклада, в котором народ осваивал неоглядные земли, создавал многодетные семьи, выращивал неповторимую культуру и исчах под гнётом непосильных трат и напастей. Войны внешние и внутренние, превращавшиеся в кровавые боины, чрезмерное насилие, которым крестьян отрывали от пашни, превращали в индустриальных рабочих, боевых офицеров, военных инженеров.

Оба направления — городское и деревенское — с двух разных сторон подтачивали государство, иссушали его идеологию.

Третье направление — советский эпос Петра Проскурина и Анатолия Иванова — не смог противодействовать этим двум желобам, по которым утекала прочь государственная идеология.

После исчезновения СССР исчезли все три упомянутых направления. Антисоветизму «городской», «трифонианской» прозы нечем больше было питаться — Советский Союз исчез. «Деревенская» проза, возлагавшая вину за крестьянские беды на беспощадное и грозное государство, исчезла вместе с самим государством, вместе с самой деревней, которая к началу нынешнего века утратила все свои традиционные формы.

Третье направление, состоявшее из певцов СССР, было ненужным и невозможным без существования самого СССР.

Литературный постмодернизм, возникший в девяностые годы, напоминал поле боя, усеянное убитыми воинами, среди которых двигаются проворные мародёры, обирающие хладные трупы, складывают в общую телегу их золотые кресты и полумесяцы, их ятаганы и бердыши, их кольчуги и латы. Постмодернизм исчез, как исчезают грабители, когда грабёж завершён, когда все драгоценности

сняты с мертвецов и на трупы опускаются стаи чёрных клюющих птиц.

Казалось бы, псалмы перестали звучать. Литераторы больше не обращались к небу, а только делили между собой уворованное наследство.

*Но песня — песней всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поёт.*

Среди унылого карканья, среди шелестов распада и тления начинает звучать новая музыка, новое литературное направление, новый духовный поиск. Художника волнуют тайны русской истории. Загадочная природа государства Российского, которое то взлетает до звёзд, то обрушивается в мрачную пропасть. Природа русского страдания, русского героизма и жертвенности, природа русской победы. В чём смысл существования России? В чём историческая задача русского народа? Что делает русских мессианским народом? Что есть русское чудо и русская святость? Почему такую цену платит Россия для искупления греха, не ею самой совершённого? Это направление включает в себя историков, богомыслов, философов и, конечно, художников: литераторов, поэтов и песнопевцев. Начинается новая огромная работа, в которой народившееся государство обретает свой смысл и своё оправдание.

Литература, которая, казалось бы, выведена за пределы общественной жизни, по-прежнему является садом, где взращивается идеология нового государства Российского. Цветы этого сада, порой знакомые, порой поражающие и пугающие своими небывалыми фантастическими лепестками, эти цветы становятся достоянием политических практиков. Их аромат чувствуют самые прагматичные и глухие к духовным красотам люди, как если бы мимо них кто-то невидимый пронёс букет цветущей сирени.

Литература важна государству так же, как важны ему самолёты и подводные лодки, нефтепроводы и лаборатории геной инженерии. Литература — это огромная обогатительная фабрика, сквозь которую пропускаются тонны пустой породы и из неё добываются драгоценные крупички человеческих представлений о бытии.

Новая словесность — не просто сочетание слов, не просто прихоти и забавы изысканных эстетов и утончённых интеллектуалов. Это глаголы русской жизни.

На поле Куликовом

Во время поездки на Тульскую землю Изборский клуб провёл два заседания, второе из них прошло в Туле в Музее оружия, а первое — в стенах храма Преподобного Сергия Радонежского на знаменитом Куликовом поле

ИЗ ЗАСЕДАНИЯ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Александр ПРОХАНОВ,

председатель

Изборского клуба:

— Когда мы ехали сюда по удивительным просторам, среди серебряных и лазурных полей, душа ликовала. И в этом храме всё побуждает нас говорить о возвышенном, о таинственном и прекрасном, с чем связана вся русская жизнь и вся русская история — о Русском чуде, Святой Руси. О том, что есть Святая Русь вчера, сегодня и завтра. Это сложная метафизическая, религиозная, богословская категория, и определение ей до сих пор не дано. Это, конечно, категория очень актуальная, это не категория вчерашнего дня, это не энциклопедическая и не хрестоматийная категория.

Понять, что такое Святая Русь, требует от нас очень острый драматический момент сегодняшней истории. Связан он с тем, что сегодня на Россию направлены очень грозные, страшные воздействия извне. Запад пришёл сюда на этот раз не с копьями, не с мечами и даже не с танками «Тигр», он пришёл с новой агрессивной русофобской культурой, направленной на уничтожение государства Российского. А наш враг знает нас гораздо лучше, чем мы его, и он витает там, где мы его не всегда обнаруживаем.

Принято считать, что Америка является прагматическим государством, что американский ум — это рациональный ум, ум умельца, инженера, конструктора, что вся американская цивилизация — это цивилизация разума, цивилизация, которая основана на причинно-следственных представлениях о мире. Но это заблуждение, потому что с давних пор американская цивилизация про-

никнута культом денег, культом финансов. Американская империя — это не геополитическая и даже не идеологическая империя, это финансовая империя. И это не просто банковские счета, ценные бумаги, перемещение капиталов. Это таинственная, иррациональная система, связанная с культом золотого тельца. Золотой телец — это же религия. В центре мироздания, в котором царит Золотой телец, может быть, царит сам князь тьмы.

В своё время американский президент Рейган назвал Советский Союз «империей зла». Это не была фигура речи. Это был метафизический приговор. И под этот приговор, натравливая на Советский Союз всё остальное подвластное американцам человечество, были задействованы технологии уничтожения СССР. И в недрах этой концепции возникли информационные технологии, организационные технологии, были пробуждены целые слои населения, которые оказались восприимчивы для американской экспансии.

А совсем недавно Обама назвал Россию «главным источником мировой нестабильности», мировой напряжённости, мирового зла. Повторяя Рейгана, он назвал Россию «империей зла». И это тоже призыв к походу на сегодняшнюю Россию, это тоже призыв под эту метафизическую формулу подвергать самые разные технологии. И эти технологии направлены сейчас на нас.

Они направлены в первую очередь на уничтожение государства Российского. А государство государством делают не армия, не флот, не финансовая система, не дипломатический корпус и даже не пространство, а символы, представления, смыслы, понятия. Если эти смыслы крепки, если эти смыслы выработаны в недрах народа, то государство

стоит. Если эти смыслы поколеблены (как это было во времена перестройки), государство превращается в бесформенную жидкую медузу, которая внутренне ничем не связана между собой, — и тогда оно становится добычей стоящего у порога этого государства хищника.

На заседании Валдайского клуба президент Путин выступил со своей речью. И в этой речи, среди других позиций, других постулатов, он обвинил современный Запад в том, что он, Запад, отошёл от традиционных христианских ценностей, что он превратился, по существу, в машину, фабрикующую зло, что вот эти содомитские тенденции современного Запада представляют огромную угрозу для всего остального человечества, не только для христианского мира. И это был наш, русский, путинский метафизический ответ на американскую угрозу.

Дипломаты, военные, конспирологи, конфликтологи до конца не понимают смысл происходящего. Движение флотов, создание американских баз, санкции, «список Магнитского», удары по нашим корпорациям. Они думают, что это и есть основа борьбы и войны. Но это проекция огромных метафизических, космогонических и религиозных схваток, которые происходят в современном мире. Поняв эти схватки, их природу, их закономерность, можно понять сложнейшую полифонию схваток в других сферах, в других зонах сегодняшнего человечества.

Задача современных русских религиозных философов, священнослужителей, проникновенных духовидцев, мыслителей, художников в том, чтобы этот объём позитивного пространства русских смыслов наполнить определениями: какой же образ мы противопоставляем нашему

врагу, какой образ противопоставляем золотому тельцу, какой идеал живёт среди нас, заставляя нас давать отпор этому чудовищу, не подчиняться ему, защищаться.

Что заставило Дмитрия Донского выйти на этот бой? Что он защищал? Свои чертоги? Конечно. Свои нивы и поля? Конечно. Свои великие русские пространства? Конечно. Но он главным образом защищал те великие, прекрасные и таинственные смыслы, которые дарованы русскому народу православием.

Что это за смыслы? Как русский народ чаёт эти смыслы, как он эти смыслы добывает? Ведь не даются эти смыслы даром. Добывать эти смыслы — это задача каждого поколения русских людей и каждого верующего русского человека. Они не есть награда, не есть даром получаемый кошель. Это каждый раз результат огромного труда. Для одного человека — это результат духовного индивидуального труда, а для народа — это результат гигантского исторического труда.

Мессианство русского народа и заключается в том, чтобы постоянно взysкивать эти райские смыслы, пытаться создать здесь, на Земле, хотя бы подобие рая, внести в нашу жизнь благодать, любовь, прощение, красоту, божественную справедливость. Потому что русское сознание ещё даже в языческие времена мечтало о вселенской справедливости. Наши волшебные сказки — жар-птица, молодильные яблоки, живая вода — вот постоянные мечты о чуде воскрешения и бессмертия.

А что такое старец Филофей? Это первый наш религиозный мыслитель, который говорил о том, что задача народа и задача государства состоит во взыскании этих смыслов. Что смысл государства не в том, чтобы содержать казну, создать великое воинство или расширить пространство, на котором солнце не заходит, а в том, чтобы защищать православие. Ведь православие это и есть та огромная мистическая философия и вера, через которую эти райские смыслы нисходят в нашу душу, нисходят в наши дома, в наши гарнизоны, в конструкторские бюро.

А патриарх Никон построил под Москвой Новый Иерусалим как космодром, на который, как полагали, должно свершиться Второе Пришествие. Потому что нет другой такой страны, кроме России, где Господу было бы удобно и угодно опустить свои стопы. Вера в то, что именно русская жизнь, русское сознание, русское православие — это то, куда Господь будет стремиться в своём Втором Пришествии.

А Сталинградская битва? А вся Великая Отечественная война вот этой Красной эры, когда миллионы наших людей были, как агнцы Божии, принесены на алтарь священной, мистической Победы 1945 года, одной из самых справедливых войн, когда уничтожалось это вселенское кошмарное зло?

А что такое Новороссия сегодняшняя? Новороссия — это та же самая битва, это сегодня для нас, для русского сознания и есть Святая Русь. Святая Русь, о которой писал свои божественные картины Нестеров. Святая Русь, которая сверкала в произведениях Пушкина, Достоевского, Толстого, в красках советских поэтов, таких как Твардовский, и писателей, таких как Шолохов.

Что такое эти смыслы? Что такое этот образ, ради которого

мы столько несём страданий, так часто умираем за него, не отдаём на откуп врагу? Что такое Святая Русь? Вот об этом давайте сегодня поговорим.

Александр НОТИН,
руководитель культурно-просветительского сообщества «Переправа»:

— Для меня Святая Русь — это Церковь. Понимаемая в самом глубоком, широком, светоотеческом, евангельском смысле слова. Церковь зримая и незримая, Церковь живущих и прежде почивших и ещё даже не родившихся наших братьев и сестёр во Христе. Церковь — это душа государства начиная со времени Крещения Владимира Красное Солнышко в Херсонесе.

Когда пытаются рассечь эту историю на какие-то куски, выделяя, скажем, советский период, противопоставляя эти фрагменты друг другу, разделяя красное и белое, разделяя эпохи, мы должны понимать, кто этим занимается. Этим занимается дух разделения и дух противления, ибо Господь говорит: «Кто не со Мною собирает, тот расточает».

В то же время, говоря о государстве как теле Святой Руси, я представляю себе это государство как, прежде всего, людей. Сам человек — носитель Святой Руси. Сейчас это стало очень важно, потому что, когда мы заглядываем в глубины русской истории и пытаемся понять, почему она такая неровная, турбулентная, насыщенная таким количеством ям, ухабов, оврагов, почему нас всё время трясёт, почему из тысячи лет семьсот лет мы воевали, — ответить на этот вопрос с рациональной точки зрения невозможно. И вот история Святой Руси — это история скорби.

Как раз в советский-то период произошло фактическое возрождение нашей Церкви после

тех очень серьёзных потрясений и тех болезней, которые она перенесла в период окончания романовской империи, когда, по словам того же Тихона Задонского, православие неприметным образом уходило из России. И когда потом уже в ГУЛАГовских застенках, на Бутовском полигоне, в ссылках, в концлагерях и т.д. начал сиять Фаворский свет мученичества, исповедничества — тогда и был накоплен тот огромный духовный капитал, на котором сейчас стоит наша Церковь, и все мы стоим.

И мне кажется, что сейчас как раз Святая Русь вступает в самый яркий, самый трудный и одновременно самый блистательный период своей истории, поскольку мы выходим из длительного, почти векового пленения, из страшных мучений, страшных испытаний войнами, революциями, социальными экспериментами и вступаем в период победоносный, в период, когда, по преданиям наших старцев и пророков российских, состоится возрождение.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
доктор философских наук, исполнительный секретарь Изборского клуба:

— Святая Русь — это поразительный древний миф, живой миф русского народа, восходящий к эпохе Крещения Руси. Самим этим словосочетанием народ задал нам, своим потомкам, загадку. Поскольку ещё в студенческие годы я очень увлекался русским фольклором — эпическими произведениями, духовными стихами, былинами, — могу свидетельствовать, что формула «Святорусской земли» была важнейшей, ключевой мифологемой для русского народного сознания. Это был пронзительный лейтмотив, проходивший через всю русскую эпическую традицию. А эту традицию я,

Александр Андреевич, ставлю выше даже нашей классической литературы. Я считаю, что это резервуар, из которого питается вся русская речь, хочет она того или не хочет. И Пушкин питался оттуда, и Достоевский, и Лесков, и современные писатели, которые живы, а не вступили на путь разложения, — именно там они находят свой источник.

Русских называли святым народом греки — так именовали их в XIV веке патриарх Филофей, а потом в XVII веке Павел Алеппский — известный архимандрит, путешествовавший по России, повторил это и подтвердил своими наблюдениями, что это святой народ. Что они имели в виду? Они имели в виду, видимо, необыкновенное стремление каждого русского человека, который встречал батюшку, встречал владыку греческого, своим вот этим обращением к православию, своим стремлением поддержать его, радостью, с которой его встречали. В этом было нечто самоочевидное, и действительно они такого в других землях встретить, видимо, не могли.

Наряду со Святой Русью были в Древней Руси такие многообещающие концепты, как «Россия — новый Израиль», известный концепт «Русь — Третий Рим» (это более точная формула старца Филофея, чем «Москва — Третий Рим»), далее это, несомненно, и понятие «Русский Бог» — чрезвычайно загадочное, проросшее через нашу литературу и отнюдь не сводящееся к ироничному стихотворению Вяземского, гораздо более мощное и влиятельное. Однако среди них стоит мифологема Святой Руси, и все эти понятия находят себе основание и объяснение через эту интуицию Святой Руси как своеобразной высшей сущности нашей земли, которая проецируется на нашу грешную землю.

Сакрально окрашенным понятие «Святая Русь» было, по всей видимости, даже в дохристианскую эпоху, мы встречаем сначала такие древние формулы, как «светорусская земля» и «светлорусская земля», предшествовавшие понятию «Святая Русь». Это было органичное восприятие высшего идеала своей земли, своего народа, передаваемого через личное имя. Конечно, это не «самосвятство», не констатация того, что Русь свята. Святая Русь — это некая персонификация высшего национального идеала, некая сущность, с которой мы имеем дело здесь. Достаточно вспомнить многие славянские имена — Святополк, Святослав, которые были князьями и были наиболее известными, а есть и масса других — Световит, Светозар, Радосвет, Добросвет и, заметьте, Пересвет, это тоже старое имя, еще дохристианское. Пересвет — значит «в высшей степени светлый, пресветлейший». Оно особенно сегодня значимо для нас.

Исследователи XX века, такие как Георгий Федотов, Сергей Аверинцев и другие, отмечали, что Святая Русь в наших былинах и духовных стихах распространяется на другие земли, и в особенности на территории и эпохи «Священной истории». С другой стороны, будучи феноменом вселенским, Святая Русь имеет привязку в географическом пространстве и историческом времени к конкретной державе, конкретному народу. И этот парадокс также в эпосе подтверждается. Святая Русь существует как будто в нескольких планах — и высшая горняя Русь проецируется на экран грешной, исторически конкретной Руси. Поэтому, когда происходит отечественная война, для русского человека это означает не просто нападение на его дом, это

фактически посягают на икону высшей вечной Руси.

Мне близко то, что сегодня говорили Александр Андреевич и Александр Иванович по поводу советского периода. Я бы только добавил, что к Святой Руси имеют отношение не только мученики-фронтовики, которые погибли или были ранены на фронтах, и не только те мученики, которые в лагерях преображали свою душу, свою сущность через страдания, но и в тылу наши труженики времён той же Великой Отечественной войны — это тоже Святая Русь. Они тоже совершили невероятный подвиг. И поэтому, когда многие люди возвращались с фронта или из лагерей, преображённые, многие из них, уверовавшие или укрепившие свою веру, они эту же Святую Русь встречали здесь, в том числе среди тех, кто и не сидел, и не воевал. Святая Русь узнавала друг друга. В этом смысле будет правильно сказать, что Святая Русь есть в каждом, просто границы проходят по-разному, у кого-то она занимает больше, у кого-то меньше пространства в душе.

Конечно, идея о прорастании Святой Руси сквозь эпоху атеизма может многих покоробить. Так же как вызвала возражения сомнительная идея отождествлять Святую Русь с Россией синодального периода. Но ведь дело в том, что у нас никогда не было Золотого века, и Святая Русь — в этом ее отличие от мифа о Золотом веке — всегда проявлялась в жизни вопреки, а не благодаря обстоятельствам.

Хотя, конечно, был у нас свой классический век святости, как раз связанный с преподобным Сергием. Мы в Русской доктрине писали об этом как о сетевой Святой Руси, когда, отпочковываясь от преподобного Сергия, от его первых учени-

ков, вся страна преобразилась за короткий исторический период. Тогда были освоены северные пространства нашими пустынноиками, был задан невероятный импульс движения на северо-восток, до пределов материка, до Тихого океана. Россия приобрела тогда вот эту мощь экспансии, что её уже невозможно было остановить.

Святая Русь, в её духовном сосредоточении, представляет собой молитву. Но внешне, в деяниях десятков и сотен тысяч её героев, защитников она проявляется в воинском подвиге, воинствующей справедливости, в праведном гневе в том числе. В этом смысле Святая Русь поворачивается во внешний мир как сила воинствующая, как своего рода кулак.

Я приведу цитату преподобного Иосифа Волоцкого,

который, в свою очередь, отчасти здесь пересказывает, насколько я понимаю, свт. Иоанна Златоуста: «Если услышишь, что кто-нибудь на перекрёстке или на торгу среди народа хулит Владыку Христа, подойди и запрети. Если же придётся и побить его, не отвращаясь, ударь его по щеке, сокруши его уста, освяти руку свою раною». Вот это освящение руки раной, мученической раной за Христа, за идеалы Святой Руси, за святую справедливость — это то, что неотъемлемо в русской истории. И хотя представители либерального направления в христианстве назвали бы такую мысль некими издержками Средневековья, мне кажется, что это воинствующее начало плоть от плоти присуще святоотеческой традиции и нашим представлениям о Святой Руси.

Олег РОЗАНОВ,
предприниматель,
руководитель
аналитического центра
«Копьё Пересвета»:

— Мы переживаем великое время — время собирания земель, время выстраивания новой русской традиции. Мы пережили несколько империй, рушились системы политические, но цельным, единым оставался Русский мир, русская цивилизация, Церковь Православная. И до тех пор, пока наша Церковь жива, будет жить Русский мир. Вряд ли мы построим рай на Земле, Александр Андреевич, но наша задача — не дать утвердиться аду на всей Земле. Россия сейчас тот самый бастион, который не даёт утвердиться мировому аду, поэтому такие удары, такая сила, такая ненависть. Мы стоим Золотому миллиарду. Зо-

лотой миллиард выстроил свою уютную жизнь исходя из практических соображений.

Вот очень яркий пример практического гуманизма я вам сейчас расскажу на примере брянской деревни Хацунь. В октябре 1941 года полевые воинские части вермахта вошли в эту деревню. И отступавшие красноармейцы, открыв огонь по этим частям (полевым, повторяю, это не каратели были), двоих солдат убили. После этого командир немецкого батальона принял решение казнить всё взрослое население. Собрали в сарае и сожгли. А детей до 12 лет оставили жить. Но с точки зрения практического гуманизма оставлять детей страдать в зиму, русскую зиму, не имело никакого смысла, это было негуманно, и было вскоре принято другое решение – этих детей также расстрелять, дабы

они зимой не замерзли. Вот он, пример практического гуманизма. Вот она, картина грядущего мира. Мы с этим не согласны. И пока жива Россия, пока жив последний русский православный человек, мы не дадим утвердиться этому аду – и не только на своей земле, но на всём земном шаре. Такова метафизика и миссия русского человека, Русского мира, Святой Руси.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

– Олег Васильевич представил своё понимание Святой Руси. А я хочу напомнить, что его фамилия Розанов. А другой Розанов (Василий Васильевич), мой любимый русский философ, в 1915 году очень интересные сказал о Святой Руси слова. У него там был длинный пассаж на тему того, что современные радикалы, такие карбонарии

XX века, ведут войну в России за её детей, за её младшее поколение. И там они говорят: «Мы отнимем детей у России, мы восстановим детей против России». И дальше описывается, какой мир они строят. И в конце Василий Васильевич говорит: «Пусть так, но знайте, Святая Русь одолеет и банки, и биржу». Как, каким чудом она одолеет? Но задание есть, оно просматривается, в том числе и у русских философов.

Кирилл ФРОЛОВ,
*руководитель отдела
Института стран СНГ
по взаимодействию
с Русской православной
церковью:*

– Тема, которую хотел бы осветить, – «Святая Русь как реальность».

Святая Русь – это не только философская категория,

это не абстракция. Нет, Святая Русь — это документ Священного Предания нашей Церкви, именно богослужебный текст на День всех Святых земли Русской. «Русь Святая! Храни веру православную, в ней же тебе утверждение!» То есть это богослужение, это предание Церкви, догматическое предание. Святая Русь — это обязательное учение, это часть православия.

В эпоху преподобного Сергия в каждой семье был святой. Это была реальность — общенациональный уклад, в котором всё было устроено так, чтобы человек попадал в Царствие Небесное. И наша задача — создать государство и общество, в котором всё ведет к спасению.

Святая Русь — это и политическая реальность, причём реальность отнюдь не пацифистская. За Святую Русь стояли святые правители, святые воины. И, безусловно, хулой на Святую Русь является изображение Святой Руси как пасторали, исключительно укоренённой в прошлом. Нет, Святая Русь — это одновременно и в самом лучшем смысле мегасовременное общество — технологическое, с новейшей промышленностью, с мощной армией, с атомными ракетами. Это всё Святая Русь, которая должна быть впереди, а не позади мира, что отпадает от Христа.

Святейший Патриарх Кирилл в 2008 году, когда ещё был митрополитом, впервые произнёс: «Россия, Украина и Беларусь вместе есть Святая Русь». Он чётко указал: наша задача — быть Святой Русью в пределах России исторической.

Андрей ЖУКОВ,

кандидат

исторических наук:

— В период правления Иоанна Васильевича Грозного за 50 лет создана была первая русская империя. Именно в эту эпоху «Свя-

тая Русь» как концепция с точки зрения идеологии стала геополитическим оружием. И, на мой взгляд, именно с конца XVI века началась холодная война против России. То есть не в XX веке, не в XIX. Под холодной войной я подразумеваю не противостояние двух держав, а именно противостояние двух цивилизаций — западной и православной. Обе христианские, но западная цивилизация, прикрываясь Христом и Крестом, служит, как сегодня говорили, золотому тельцу.

Вряд ли мы сможем применить термин «холодная война» в отношении России и Китая. Да, конечно, там были периоды дружбы, периоды охлаждения, даже военные конфликты. Но Китайская империя, которая тысячелетия считает себя Поднебесной (а в китайском понятии небо — это Бог), никогда не занималась подрывной работой, направленной на разрушение корней, истоков нашей цивилизации. Поэтому концепция Святой Руси, при всей её многогранности, является ещё и геополитическим оружием.

И второй момент, применительно именно к концепции Святой Руси, я хотел бы упомянуть. Вспомним слова Отто фон Бисмарка, который сказал, что «при построении государства важнейшим является не сила оружия, а школьный учитель». Поэтому для утверждения концепции Святой Руси необходимо внедрять её в нашем отечественном образовании — в школьных учебниках, в вузовских. Я думаю, что сейчас этот термин попросту отсутствует, во всяком случае, в школьных учебниках.

Алексей КОМОГОРЦЕВ,

главный редактор

альманаха

«Волшебная гора»:

— Говоря о Святой Руси и её особой миссии, мне приходит на па-

мять уникальная фреска XII века из храма Св. Георгия в Старой Ладогe. На ней изображены Георгий Победоносец и дракон, которого ведёт на поводу, словно домашнее животное, женщина с княжеским венцом на голове. Характерная деталь — Георгий здесь не вооружён. Этот иконографический сюжет перекликается с малым духовным стихом о Егории Храбром, смиряющем своего супротивника не оружием, а молитвой, и восходит к одному из наиболее древних изводов предания о святом Георгии. Мне кажется, что именно этот сюжет как нельзя лучше раскрывает одну из важнейших граней миссии Святой Руси в нашем мире. Здесь святой Георгий умиротворяет чудовище, спасая пленённую княжну-христианку, после чего приводит это самое чудовище к родным спасённой княжны, которые являлись на тот момент язычниками, дабы обратить их к Христу. Красной нитью сквозь сюжет проходит мысль о том, что зло, с которым мы сталкиваемся на протяжении нашей жизни в самых различных изводах (включая геополитические), не есть какая-то самостоятельная сила, но сила промыслительно попускаемая Творцом для нашего личного и всеобщего спасения. Зло сугубо орудийно, о чём на символическом уровне рассказывает нам фреска из Старой Ладогe.

А теперь я бы хотел сказать несколько слов о своём восприятии природы Святой Руси, вернее, о тех её важных составляющих, которые, как правило, остаются в тени. Святая Русь видится мне древом, которое существует одновременно на нескольких бытийных планах, о чём хорошо сказал Александр Андреевич. Вершина этого дерева находится в грядущем Небесном Иерусалиме, а корни уходят в глубочайшее прошлое. Не следует забывать, что в рам-

ках православной традиции были интегрированы многие элементы древнейших доветхозаветных традиций, которые стали неотъемлемой частью духовного древа Святой Руси.

Взять того же Георгия Победоносца — хорошо известную нам иконографию его образа мы встречаем ещё в Древнем Египте. В Лувре хранится барельеф IV века, изображающий египетского бога Гора, который верхом на коне поражает копьём Сета-крокодила. Иконография этого сюжета совершенно совпадает с образом Святого Георгия, принятого в православной иконописной традиции. Следует особо подчеркнуть, что фигура святого Георгия-змееборца, сочетавшего в себе римского воина и мученика-христианина, стала важнейшим идеологическим мостом между архаическими (солярными) воинскими культами и христианством. Этот момент наглядно иллюстрирует история Константина Великого, предоставившего христианству государственный статус и добывавшегося единства Церкви как неперемогимого условия единения Римской империи.

Сергей ЦЕПЛЯЕВ,
*заведующий отделом
музея-заповедника
«Куликово поле»:*

— Святая Русь — это абсолютно космическое понятие. Да, государство, народ — это неотъемлемые части Святой Руси. Но ещё одна важная часть — это память. Сама Куликовская битва не могла возникнуть без очень важных процессов, которые происходили в тот период. Можно их условно назвать «ментальной революцией». А процессы были связаны с осознанием своей истории, своего прошлого. Важно понимать, что речь идёт не о знании истории, а осознании. Потому что знание истории происходит из нашей

головы — это факты. А осознание происходит из нашей души, это нечто большее, чем знания.

В XIV веке происходит осознание своей истории, и именно это осознание привело в дальнейшем и к Куликовской битве, и к формированию единого русского государства. Ведь недаром именно XIV век подарил нам таких людей, как преподобный Сергий, Стефан Пермский, Андрей Рублёв. Очень важный факт — это осознание, что такое Батыево нашествие. Ведь Батыево нашествие было грандиознейшим потрясением для всего мира.

Именно в XIV веке в недрах русского государства родилась теория, что Батыево нашествие — это наказание за грехи, за грехи братоубийства. Святополк Окаянный убивает Бориса и Глеба, проливается братская кровь на русскую землю. Сюжет абсолютно библейский. А для людей XIV века Библия не была книгой в нашем понимании. Библия — это путь к действию, путь к спасению.

Поэтому, когда пришло осознание того, что Русская земля проклята братоубийственной кровью, пришло и понимание, как действовать. И здесь фигура преподобного Сергия действительно огромна, потому что именно преподобный из рядового военно-политического события, которым могла стать очередная битва, превратил Куликовскую битву в событие не столько военно-политическое, сколько духовное. Историкам известно порядка 150 сражений между русскими и золотоордынцами в разные периоды. Куликовская битва не является самым крупным с военной точки зрения событием. Но с точки зрения духовного содержания — это крупнейшее событие русской истории.

Что же произошло в этот момент? Осознание себя как нации, как народа. Это осознание произошло именно на этой исто-

рической почве, почве памяти и сохранения того, что накоплено, и передачи его дальше.

Благословение преподобного Сергия буквально в нескольких словах содержит очень важную идею. Когда Дмитрий приходит к Сергию, тот говорит: «Если враги наши хотят золота — дай им, если хотят чести — отдай и это, но за землю Русскую и веру православную стоит пролить кровь наподобие самого Христа». И Куликовская битва превращается из рядового военно-политического события в битву-искупление.

Память трансформируется, меняется, это не мёртвая догма, она живёт своей жизнью. Сегодня мы воспринимаем Куликовскую битву уже не как битву-искупление, а как исток русской государственности, как место, где родилась Русь.

Когда мы проводили социологические срезы в музеях, более половины респондентов сказали, что они едут на Куликово поле не за знаниями, не отдохнуть на природе, но чтобы почувствовать память, свои корни.

И хочу пожелать, чтобы наше государство, наша Церковь не оставляли ту работу и ту деятельность, что направлены на поддержание, развитие этой памяти. Если наши поколения не смогут её сохранить и передать, произойдёт разрыв связи с прошлым.

**Игумен
ХРИСТОФОР (Бойчук),**
*настоятель храма
преподобного Сергия
Радонежского на Куликовом
поле:*

— 700 лет исполнилось со дня рождения Сергия Радонежского. Он являлся идейным вдохновителем и Дмитрия Донского, и его войска на Куликовскую битву.

10 лет назад я пришёл к мону-ментам Сергию Радонежскому

и Дмитрию Донскому и почувствовал огромнейший дух Святой Руси, силу благодати. И чаша, которую преподобный наполнил благодатью, всегда полная, она всегда изливается на нас: берите, учите, идите в мир.

Благочестие человека... К благочестию подвигает святой храм. Храм – это здание, которое строится из кирпича, дерева, камня. А Церковь – это люди. Благочестивая жизнь... Когда народ жил развратно, Господь сказал праведному Лоту: «Я сожгу эти города, потому что грехи вопиют к Небу». Праведный Лот начал уговаривать: «Господи! Пощади этих людей». Господь сказал: «Если я найду десять праведников, из-за десяти праведников я буду терпеть это беззаконие». Не нашлось. «Если пять найдётся...» Не нашлось. «Если три найдётся». Не нашлось, кроме праведного Лота. И Господь сжёг эти города.

То есть когда благочестивый человек совмещает жизнь повседневную по мере сил с законами церковными, он может сделать для мира больше, чем человек, стоящий у власти.

Сейчас народ очень сильно соперничает тем обстоятельствам, которые происходят у нас на Руси. И в этом он един. Много записок, которые пишут о здравии, пишут за Владимира Путина. Много таких людей. «Господи, помоги Путину», «Господи, дай ему терпения» – так пишут прямо в записочках.

**Протоиерей
Максим ТРОЕГЛАЗОВ,**
*председатель
издательского отдела
Тульской епархии:*

– Образ Святой Руси живётся прежде всего в самом человеке, в том, сколько Господа я в себе могу уместить. А с дру-

гой стороны – могу ли я этого Бога в себе удержать, по словам преподобного Серафима Саровского – стяжать?

Преподобный Сергей, уйдя в пустыню, не пошёл спасать сразу всю Россию, такой задачи не было – спасать страну, спасать князя. Он пошёл, занятый именно состоянием своей души. А в итоге: «спасся сам и спас тысячи вокруг себя», в том числе и изменил ход истории, исторический ход нашей страны.

Святая Русь – это некий труд человека. Всё зависит от нас, как мы будем декларировать свою позицию, как мы будем заявлять о себе, будем начинать работу с себя или нет. Выбор всегда есть – пойти полежать, телевизор посмотреть или всё-таки пойти помолиться, к Господу воззвать.

Всё в руках Божиих. И я думаю, вот эти все хунты тоже

могут исчезнуть. Господь будет видеть, что такое испытание, которое на нас положил, мы готовы нести. Мне кажется, эти все хунты и эти все Америки — это вразумление нам.

Александр ПРОХАНОВ:

— Мы касались тем, которые недостаточно разрабатывались нашими мыслителями. И нелегко было эту тему поднять, мы в каком-то смысле новаторы; и я убеждён, что молодое поколение, молодые историки не могут развивать своё представление о мире, России, не используя инструментарий метафизических подходов к реальности. Мне кажется, будет создана новая историческая наука, которая одновременно станет использовать как рациональные представления о жизни, представления о государстве и человеке, так и иррациональные

представления, инструментами постижения которых являются поэзия и религиозное сознание.

**ИЗ ЗАСЕДАНИЯ
В МУЗЕЕ ОРУЖИЯ**

Владимир ГРУЗДЕВ,
губернатор Тульской области:

— Хотел бы вас поблагодарить, Александр Андреевич, за прекрасную идею посетить Куликово поле, нашу губернию в юбилейный год 700-летия Сергия Радонежского. Вклад преподающего Сергия в становление государства Российского велик. Без его пасторского слова тех побед, которые русские дружины смогли одержать на поле Куликовом, могло и не быть.

Сегодня остро стоит, как и испокон веков, вопрос сохранения государства Российского. И неслучайно разговор о свя-

тости русского оружия ведётся на тульской земле. Город-герой Тула — оружейная столица России, и до сих пор он играет важную роль в производстве оружия и сохранении оружейных традиций.

Долгие годы страна не производила оружия так называемой ядерной триады. Нас убеждали, что не нужно оружие — наступила эпоха всеобщей любви. Но туляки — великие люди. Они работали ради Родины, вопреки многому сохранили промышленность — 25 крупнейших предприятий у нас работает. И производят в том числе такое оружие, как «Панцири». А ещё около 2 лет назад вопрос — ставить ли «Панцирь» на вооружение — серьёзно обсуждался в Министерстве обороны. И поставили на вооружение только благодаря Сергею Шойгу.

Многие события, которые происходят у нас, отражают со-

стояние страны в целом. И мы понимаем, что впереди у России очень серьёзные испытания, что наша продукция нужна для защиты нашей Родины. Тульская область исконно русская — под русскими я понимаю весь многонациональный народ — православная территория, соль земли Русской. Она всегда защищала Москву как символ российской государственности, столицу великой России. И будет защищать впредь.

Александр ПРОХАНОВ:

— Святая Русь как возвышенная философская и историко-софская категория определяла само явление русского государства и русского народа. Смысл существования русского народа — в создании идеального мирового бытия. Русские не просто пахут землю, строят дома и храмы. Они являются мессианским народом и несут в мир божественную заповедь, чтобы люди жили по совести, по правде, по райским принципам, по новозаветной молитве «Отче наш». В этом смысл русского народа, всей русской истории. И русский народ, русская история, русское государство, при всём иногда крошечном состоянии нашей жизни, при всей жёсткости, а иногда и жестокости нашего правления, при всех бедах и пожарах, которые вокруг нас бушевали и бушуют, всё равно несёт в себе светоносную мечту о божественном бытии. И в этом смысл нашего существования — наших пашен, наших романов, наших песен, наших семей.

С этой проповедью мы обращаемся не только к себе самим, но и ко всему миру. Мы говорим: мир, ты живёшь не по правде. Мир, ты погряз во зле. Мир, ты погряз в богоотступничестве.

Этому была посвящена Валдайская речь Владимира Пу-

тина. Он упрекал Запад в том, что тот отказался от идеи добра, от идеи христианских ценностей, что этот содомитский Запад скатывается во тьму, становится фабрикой зла. И проповедь идеального бытия, проповедь рая очень дорого обходится России: Запад и отчасти остальной мир, слушая эту русскую проповедь, великую укоризну в свой адрес, не смиряется с этим и насылет на нас нашествия. Историки, экономисты, геополитики скажут, что эти нашествия связаны с борьбой за территории. С борьбой за ресурсы, за русские углеводороды. Это всё так. Но метафизический смысл этих нашествий состоит в том, чтобы прекратить проповедь райского бытия, райского блаженства, прекратить укоризну им, постоянно льющуюся из России. Для того чтобы подавить очаг этой мировой проповеди, они присылают сюда Стефана Батория, Наполеона, Гитлера. Сейчас они присылают сюда магистров холодной войны. Им важно закрыть источник божественной проповеди: через русский народ глаголет сам Господь. Богопротивный Запад хочет превратить эту укоризну.

И русский народ отражает эти нашествия огромной для себя ценой. Но само русское историческое время связано с этой борьбой, оно связано с войнами по отражению страшных нашествий. А эти отражения ведутся из века в век — русским оружием. Ведутся копьём Пересвета, стальным наконечником, булавой, палицей, мортирой, пищалю, мосинской трёхлинейкой. А сегодня «Искандерами», подводными лодками класса «Борей» и нашими орбитальными группировками.

Получается — русское оружие защищает райские смыслы. Идёт вековечная борьба за рай. И русское оружие можно на-

звать райским оружием. Святость русского оружия, древнего и нынешнего, объясняется самой святой борьбой, священным сражением, которое ведёт Россия за то бесценное состояние, что даровано человечеству, — за божественную христианскую православную правду.

В советское время шла грозная Отечественная война. Это была одна из самых великих религиозных войн в истории человечества. И в этих войнах советский народ, русский народ понёс неисчислимые траты. Тридцать миллионов погибших на этой войне — это Христовы жертвы, это тридцать миллионов агнцев, которые Россия принесла на божественный алтарь. Это столь великая жертва, что некоторые истолковывают эту войну как войну, которую вёл сам Христос против своих супостатов и противников. И на полях брани под Москвой, Сталинградом, Курском, Берлином совершилось Второе Пришествие.

Все ждут Второго Пришествия, богословы утверждают: да, оно неизбежно. Но небогословское мирознание, которое во мне присутствует, говорит, что это Второе Пришествие состоялось. Тридцать миллионов сражавшихся и погибших — это и был коллективный Христос. И советское оружие — ППШ, трёхлинейки, «Катюши» — было в руках Господа. Это было Его оружие.

Оружие Великой Отечественной войны, советское оружие было священным оружием. Это было всё то же копьё Пересвета со сверкающим наконечником, которым Россия отражала образ тьмы.

Русская история — это священная история. И оружейники, о чём уместно сказать именно в Туле, где из века в век создают в своих КБ русское оружие, создают сегодня системы «Сплав»,

установки залпового огня, создают «Панцири», «Корнеты», а значит, и пишут эту священную историю, — являются своего рода богословами.

Игорь ПИНК,
*заведующий отделом
Тульского государственного
музея оружия, кандидат
исторических наук:*

— Государственное производство оружия зародилось здесь в конце XVI века, во многом на это повлияло расположение Тулы, её значение как крепости на южной границе российского государства. Гарнизону и крепости требовалось оружие, и местные мастеровые и кузнецы поначалу занимались его ремонтом, а потом и производством. К XVII веку в Туле сложилось уникальное оружейное сословие, которое имело многие привилегии, но и выполняло обязанности: снабжало российские войска различными видами стрелкового и холодного оружия. Надо отметить, что в XVIII веке основная роль в снабжении русской армии оружием принадлежит именно Туле.

Особый трудовой подвиг туляки совершили во время войны 1812 года. В этот период они произвели более полумиллиона образцов холодного и огнестрельного оружия. Помимо государственного Тульского оружейного завода в изготовлении оружия приняли участие и частные предприятия, фабриканты. К ним попросту был обращён призыв, на который они откликнулись добровольно, никто их не принуждал, — они самостоятельно приняли решение переоборудовать свои фабрики под производство оружия.

Роль тульских оружейников велика была и в годы Первой мировой войны, и в годы Великой Отечественной. И до сих пор они продолжают занимать лиди-

рующее положение в производстве оружия по тем или иным направлениям.

Кирилл ФРОЛОВ:

— В Новороссии восстание подняли молодые, новые молодоговардейцы. Ещё не познавшие Христа, они — подвижники. Молодая гвардия реально изменила ход истории. Здесь, на Куликовом поле, мы встретили молодую девушку Марию Коляду. Она была брошена в застенки СБУ за то, что хотела поднять русское восстание в южной столице России Херсоне. И она реально здесь приобретает к Церкви, став звонарём, — звонит в колокол в храме преподобного Сергия на Куликовом поле. А преподобный Сергий — это освяtitель русского оружия. Будучи аскетом, он основал 50 монастырей и 50 пунктов тогдашней «индустриализации» и урбанизации Святой Руси (города возникали тогда вокруг монастырей). Он созидал русское государство. Он ходил к русским князьям, пешком до Рязани дошёл, чтобы сказать: прекратите бороться друг с другом, объединяйтесь на борьбу с врагом.

Обама прямо говорит, что главное оружие США — это гомосексуалисты и лесбиянки. Казалось бы, маргинальная периферийная прослойка общества. Почему они стали оружием и так важны для них? Потому что это оружие разрушения христианского миропорядка. Они гордятся, что они — антихристы. Значит, наша борьба за Святую Русь — это борьба с антихристом.

Вспомним, сколько среди наших святых воинов! Есть собор тульских местночтимых святых. А может быть, нужно учредить собор святых оружейников? И в рамках всех русских святых учредить собор святых правителей России, собор святых воинов

Руси: от преподобного Ильи Муромца до Евгения Родионова?

В Новороссии Святая Русь борется. Но без оружия она не победит. Наша задача — выстоять и победить. Потому что мы Западом приговорены. Но без русского оружия убьют нас всех, убьют нашу страну.

Андрей ЖУКОВ:

— Все народы выделяли четыре части света: север, юг, восток, запад. Если представить круговую диаграмму, разделённую крестом на четыре конических сектора, то с точки зрения метаистории на протяжении существования человечества были четыре метацивилизации: восточная, западная, северная и южная. Западная — это Европа, Северная Америка. Северная — это различные цивилизации древности, жившие на территории Евразии, и сейчас это — русская цивилизация. Южная — это Африка и Латинская Америка. Русская цивилизация никогда не воевала с южной цивилизацией. Африка тянулась к нам, сейчас Латинская Америка идёт к нам. Но есть постоянное противостояние вертикальной оси и горизонтальной. Противостояние России и Запада — это противостояние не Востока и Запада, а Запада и Севера. Это антитеза между горизонталью и вертикалью. Россию на протяжении истории давили либо западная цивилизация, либо восточная. Сцепка север—юг идёт по вертикальной оси, вокруг которой вертится земля. Недаром Урал называют «хребтом мира» — он расположен вдоль оси. И русская цивилизация защищает не только северный сектор мира, северную цивилизацию, но и южную. Святость русского оружия, функция русской цивилизации — защита оси, вокруг которой земля вертится.

О ключевом национальном мифе

*Мифологема Святой Руси — загадка,
которую задал русский народ сам себе.
Разгадывая её, мы раскрываемся в истории*

ЗАГАДОЧНЫЙ ОКСЮМОРОН

В самом сочетании «Святая Русь» — оксюморон, совмещение несовместимого. Это слово-кентавр, причём, будучи историософским самоназванием, беспощадное к себе, бескомпромиссное в своей чрезмерности. В формуле «Святая Русь» скрещивается нескрещиваемое: скрещивается святость с рускостью. Не какое-то частичное пересечение, но абсолютное совпадение — мысль о том, что наша земля свята. Отождествляется и соединяется замирное, надмирное, премирное, то, что было до всего, до сотворения мироздания, и конкретное, имеющее географические и исторические очертания, имеющее этнического носителя, в конце концов.

В этом смысле наш народ, который последовательно повторяет эту формулу, задал загадку. Это не выдумка славянофилов, это живой миф, который содержался в творениях старого русского эпоса. Именно в древнерусском эпосе в наиболее чистом и органичном виде были сформулированы ключевые идеи национальной мифологии, ядра русской картины мира.

Такие стержневые мифологемы, как Святая Русь, лежат в самом незамутнённом истоке национальной ментальности, в том её чистом и мудром состоянии, которое нам предстоит восстанавливать. Это образопорождающая модель народного мирозерцания. Пара-

доксальность «святорусскости», «святорусья» (по В. И. Далю) означает, конечно, не «самосвятство», но то, что есть какой-то скрытый апофатический аспект в нашем национальном бытии. Русь очень непроста, и народ, принявший такую ризу, примеривший её на своё грешное тело, очень непрост.

В нашей академической традиции, среди историков, среди культурологов, к сожалению, это недооценивается, потому что говорят преимущественно о книжной традиции. А исследователи книжной традиции — заложники сохранности исторических памятников, большинство из которых утрачено. Спорят о времени первого письменного употребления, договариваются до того, что в фольклорном каноне понятие «Святая Русь» утверждается только в XVII веке. Было время, считалось, что впервые термин «Святая Русь» употребил на письме чуть ли не Андрей Курбский. Такое своего рода забавное и даже абсурдное допущение! Потом установили, что есть и более древние книжные источники, в частности, встречаем формулу «Святой Руси» у преподобного Максима Грека. (Не говоря уже о том, что русский народ задолго до XVI века именовали святым, в частности, это прозвучало из уст греческого патриарха Филофея Коккина.)

«Святая Русь» — это не XVII век, а песни, старины и древние духовные стихи, созданные, безусловно, никак не позднее XIV века, а если

говорить без оглядки на скептиков, то значительно ранее. Поэтому дело вовсе не в том, в каком письменном памятнике это впервые зафиксировано, ведь мифологема «Святой Руси» родилась не в книжной традиции, а в устном творчестве, и постепенно, с трудом и с сопротивлением она усваивалась церковным сознанием, сознанием русских книжников, для которых на первый взгляд эта мифологема должна была звучать не вполне адекватно.

В нескольких своих вариантах — «Светорусская земля», «Светлорусская земля», «Святорусская земля» — оно восходит, скорее всего, к дохристианским временам, к самым первым и старым духовным стихам и былинам. Для нашего народа, для этих десятков поколений сказителей, которые передавали из уст в уста наши эпические произведения, то есть самое духовно ценное в их жизни, самое для них дорогое и сущностное, данное словосочетание оказывается не просто фигурой речи, а главенствующей идеей-концептом.

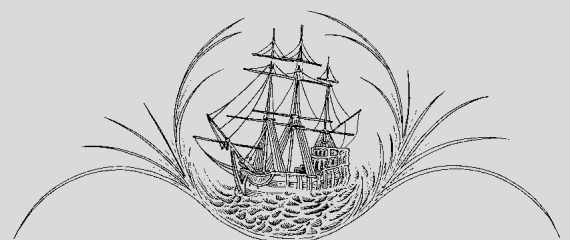
Дерзость этой формулы состояла в том, что, по сути дела, сначала произошла не санкционированная Церковью метонимия (то есть смысловое перенесение) понятия «Святая земля» на Русь. Позднее у патриарха Никона это буквально выразилось в его грандиозном проекте Нового Иерусалима, где Истра повторяла Иордан (кстати говоря, там есть и мистические совпадения, потому что Истра по своим очертаниям и виду берегов действительно очень похожа на Иордан). Подобную же метонимию **Святой земли** мы встретим и у прп. Серафима Саровского, и у других подвижников. Но в наших былинах и духовных стихах мы видим не столько название русских мест палестинскими именами, сколько соединение, синтез и русского, и палестинского, и греческого, присвоение внутрь духовного организма «Святорусской земли» Иерусалима и Царьграда, притом что Киев остаётся Киевом, а Москва — Москвой.

Когда я говорю о древности этой мифологемы, я опираюсь на достоверное знание того, что фольклорная традиция обладает огромной устойчивостью и мощью в сохранении своих смысловых констант и мировоззренческих идеалов. Исходя из духа и смысла этой фольклорной традиции, трудно отрицать, что формула Святой Руси никогда не была чисто поэтической, но была сакрально окрашена, причем, по всей видимости, на самой заре Крещения Руси. И хотя большинство учёных осторожно обходят эту тему, встречаются и исключения.

ОТКРЫТИЕ АНТАРКТИДЫ

Вплоть до второй половины XVIII века Неведомая Южная Земля (*Terra Australis Incognita*) присутствовала исключительно на картах. В качестве небольшой оконечности Африки она изображена ещё на карте Эратосфена (276–194 гг. до н.э.) — греческого математика, астронома и географа, возглавлявшего Александрийскую библиотеку. В 1757 году вышла монография Михаила Васильевича Ломоносова, в которой доказывалось существование Южного материка: «В близости Магелланского пролива, против мыса Добрыя Надежны около 53 градусов полуденной ширины великие льды ходят; почему сомневаться не должно, что в большем отдалении острова и матерая земля многими и несходящими снегами покрыты». В 1772 году английский исследователь, картограф и капитан Джеймс Кук вплотную подобрался к реальным границам Антарктиды, но из-за тяжёлых погодных условий был принуждён вернуться. Подлинная честь окончательного и достоверного открытия шестого континента принадлежит русским мореплавателям **Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену** и **Михаилу Петровичу Лазареву**, в 1820–1821 годах на шлюпах «Восток» и «Мирный» обогнувших весь Антарктический материк.

Например, этой точки зрения придерживался и В.Н. Топоров¹. Поэтому, отождествляя Святую Русь с Церковью, мы будем правы лишь в глубоком метафизическом смысле, но не в буквальном историческом.

Второе важное наблюдение исходя из логики и смысла русской эпической традиции заключается в том, что Святая Русь органически воспринимается как личное имя, а не как соединение эпитета с этнонимом или географическим названием. Это не характеристика Руси, а целостный персонализирующий и мифологический комплекс «земля Святая Русская». Поэтому и писать эту формулу предпочтительно с заглавной буквы — и первое слово («Святая»), и второе («Русь»).

Безусловно, носители былинного сознания понимали, что Русь не свята, Русь есть разная — и грешная, и падшая. Но вот Святая Русь — это действительно некая персонификация идеала, некая сущность, с которой мы имеем дело. И стоит на этом наша эпическая традиция твёрдо, неколебимо, по-богатырски.

Получается, что Святая Русь — это определённый горизонт, который задали нам наши предки и в рамках которого, вернее, даже вне рамок которого, а в свете которого мы, собственно, можем мыслить идеалы развития своей нации, своей цивилизации, своей земли. И в этой перспективе начинают по-новому, не как схематичные и абстрактные метафоры, а полнокровно, раскрываться другие мифологемы: Новый Иерусалим, Новый Израиль, Третий Рим и т.д.

ВСЕЛЕНСКИЙ ХАРАКТЕР СВЯТОЙ РУСИ

Для многих людей, которые впервые с этим сталкиваются, это кажется чем-то поразительным, но русский народ в лице своих эпических сказителей постоянно говорит в былинах, духовных стихах, легендах и сказках о том, что всё, что происходит в истории, происходит на Святой Руси. Иерусалим и то, что в нем происходит, — это на Святой Руси. После Рождества Христова Ирод посылает избивать младенцев

«по земле Святая Русская». Самсон-богатырь назван святая Русская, Егорий Храбрый утверждает веру, ездя по Святой Руси, и т.д. Примеров этого мышления, благодатно присваивающего всю мировую историю, и в первую очередь священную историю, очень много.

Более того, даже басурмане живут, оказываются, на Святой Руси, и она в этом смысле становится вселенской, она охватывает всю землю. Относится это не только к «условному языку» эпоса, это было свойством и частью нашего национального самосознания. Например, в некоторых источниках, зафиксированных письменно, говорится о том, что, когда пал Константинополь, перестали звучать русские колокола, иссякла русская вера.

Безусловно, это не этноцентризм и не какое-то наивное мессианство, здесь сказывается глубинное представление об онтологическом характере стержневого мифа. Святая Русь — это мировая ось, на ней вращается мироздание. У В.И. Даля эта мифологическая идея чётко подтверждается на уровне норм русского языкового сознания:

Русь — в значении: мир, белсвет²;

Светорусье (Святая Русь) — мир, земля, белый, вольный свет на Руси³.

В сказках и былинах встречаются и некоторые суждения о границах «святая Русская земли», но это границы, связанные с сакральной топографией, — за пределами Святой Руси есть некий «нижний свет», который противопоставляется «белому свету». То есть та часть творения, которая не входит в «Святая Русская землю», оказывается территорией с пониженным метафизическим статусом⁴.

Понимаемая в таком ключе Святая Русь была базовой категорией национальной картины мира. И поэтому, когда в XVII веке в ходе реформ был несколько прямолинейно противопоставлен старому церковному укладу уклад греческий, произошло явное и огульное нарушение этих базовых пропорций. Ведь за сто лет до церковной реформы Иван Грозный в полемике с иезуитом Антониом Поссевиным говорил: «На греков нам не указывай: они для нас не Еван-

¹ В.Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 489–490.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 114.

³ Там же. С. 159.

⁴ По мнению исследователя языковой картины мира Колесова, тождество Руси и «белого света» характерно для сказок и раннего эпоса, когда «Русь была относительно изолированным государством». Постепенно понятие «белого света», «света» расширяется, в исторических песнях и балладах оно уже находится в других соотношениях со Святой Русью (Колесов В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. — М., 2014. С. 179–181).

Игорь Шуршаков в соавторстве с Л. Скуповой: «Сирин». Холст, темпера, поталь, кабошоны. 2008

гелие. Мы веру держим истинную, христианскую, а не греческую». В этом смысле Иван Грозный полностью соответствовал базовым принципам русской картины мира, ни в чем не противореча и православной ортодоксии. А в XVII веке противопоставление правильного греческого и искажённого «святорусского» означало подрыв фундаментальных устоев нашей ментальности. Это, конечно, не могло не вызвать определённое духовное потрясение.

В расколе со стороны официальной Церкви было слишком много «холодного», «отстранённого», слишком много от надменного взгляда чужеземца на Святую Русь. А со стороны раскольников была и «ущемлённость» и комплекс собственной ущербности, связанный с темнотой и необразованностью массы русских людей, в том числе духовного звания, — и эта ущербность закономерно перерождалась в комплекс национального величия и переходила в окрашенное в апокалиптические тона противление любой попытке что-либо изменить. Встретились две неполноценности — и породили глубочайший кризис национального менталитета.

Самое поразительное, что народ в своем эпическом сознании предусматривал и подобный кризис. Понятие «Святая Русь» нередко сочетается не просто с присутствием социально-исторического зла, но даже и с его торжеством. В духовном стихе «Туры златорогие» напасти на Родину описываются устами Богоматери как утрата веры:

*Не бывать тебе, вера, да на Святой Руси,
Не видать тебе, вера, свету белого...⁵*

Красноречива и пословица, приводимая В.И. Далем:

Велика Святорусская земля, а правде нигде нет места⁶.

Однако национальное самосознание не отторгает новые, злые и падшие эпохи и явления, а так же, как и географические реалии, и старые эпохи истории, присваивает их, делая их новыми страницами своей летописи. Эпическое сознание приобщает каждую ступень «апостасии» и умножения зла той священной истории, непрерывность и незавершённость которой не подвергается сомнению.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ СВЯТОЙ РУСИ

Ещё в «Голубиной книге», этом архетипе русского духовного стиха, содержится ключевая формула вселенскости Святой Руси. Звучит она следующим образом:

Святая Русь-земля всем землям мати...⁷

Однако при том, что Святая Русь — вселенская, она в нашем эпосе имеет ещё и конкретное географическое воплощение. То есть, будучи одновременно предметом сакральной географии, чем-то выходящим за пределы обычно понимаемого исторического, географического пространства, в то же время она имеет локализацию и привязку к истории конкретного государства. Это ещё один парадокс.

Во многих былинах и исторических песнях враги, получившие на Святой Руси достойный отпор, зарекаются возвращаться когда-либо на Святую Русь. А в былине «Михайло Потык» русские богатыри, разъезжаясь по разным концам света, получают наказ от Ильи Муромца:

Прибавляй земельки Святорусских⁸.

Как это соединение вселенскости и географической конкретности можно объяснить? На этот вопрос можно попытаться дать разные ответы. Мне близок тот ответ, что конкретная географическая Россия оказывается чем-то вроде иконы Святой Руси⁹, она является таинственным пространством, на которую проецируется вечная горняя Русь, своего рода экраном для сакральной Руси. Поэтому, когда идёт отечественная война, когда посягают на Россию, для русского человека это означает не просто нападение на его дом, это фактически посягают на икону вечной Руси, высшей реальности. Может быть, поэтому отечественная война в России приобретает такой размах и такое звучание.

Что же касается приумножения и собирания святорусских земель — то можно прибегнуть и к такому объяснению: Святая Русь тождественна вселенной в вечности, однако во времени и в истории значительная часть этой вселенской территории временно находится не под властью русского государя и русских людей. Иными словами, будучи Святой Русью

⁵ Исторические песни. Баллады. — М., 1991. С. 73.

⁶ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в 3 томах. Т. II. — М., 1993. С. 16.

⁷ Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. — М., 1991. С. 37.

⁸ Былины. — М., 1991. С. 80–81.

⁹ См. работу В. Лепяхина в настоящем номере.

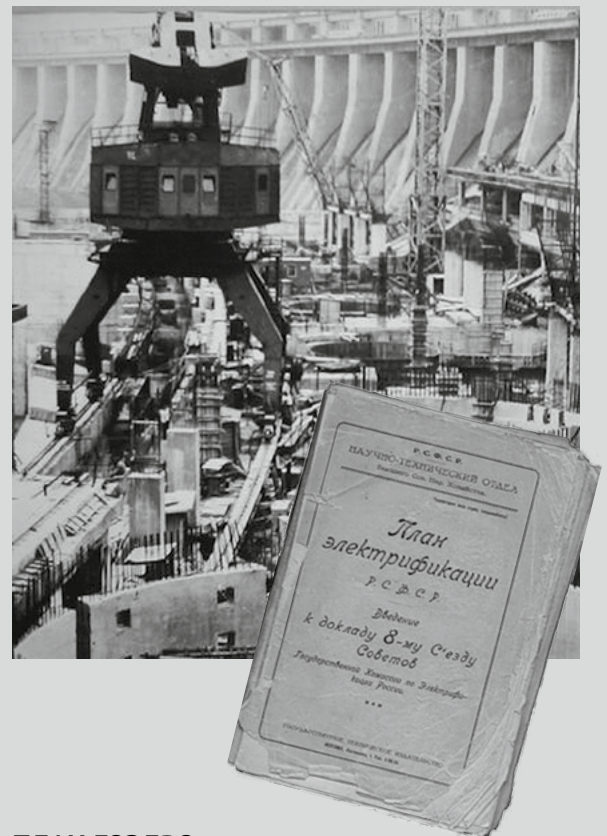

по своей природе, по своему статусу в мироздании, эта территория является русской в политическом смысле лишь потенциально. И отвоёвывание, собирание этой территории — не экспансионизм, а спокойная, уверенная миссия, коренящаяся в священных основах национального бытия. Именно с таким философско-эпическим сознанием мог русский человек в течение каких-нибудь 40 лет преодолеть пространства Евразии и дойти до Тихого океана, нисколько не сомневаясь в своём праве и праве своего государя на эту землю.

Эпическая традиция была пронесена без существенного ущерба через московский и петербургский периоды нашей истории и дотянулась до середины XX века, когда живы были ещё десятки сказителей — хранителей эпического знания. Возникает вопрос: вместе с этой живой изустной традицией, которая прервалась и перешла в конце XX столетия в своё книжное и научное «пакибытие», ушел из нашей жизни и сам ключевой миф или он не мог никуда уйти?

На мой взгляд, такие парадигмы, как Святая Русь, не могут покинуть пространство смыслов народа, хотя народ может опуститься на такой уровень деградации, что иссякнут в нём люди, способные хранить и воспроизводить эти смыслы.

Но неверным было бы считать, что ключевой национальный миф может погибнуть в результате исторических пертурбаций самих по себе. В истории России никогда не было «золотого века», хотя и был классический век святости — эпоха преподобного Сергия. Тогда был явлен труднодостижимый идеал — **на Куликовом поле присутствовали три святых**: инок Пересвет, ставший символическим щитом Святой Руси, князь Димитрий, организовавший и сплотивший Святую Русь на священную борьбу, и, незримо, преподобный Сергий, обещавший князю победу. В сущности же на этом поле собрались десятки тысяч святых мучеников, положивших душу за ближних своих, искупителей грехов нескольких поколений. На Куликовом поле Святая Русь закрепилась как национальный архетип, и многие старые былины о богатырях исполнились и сбылись. Неслучайно многие чуткие историки рассматривают Мамаево побоище как день рождения русской нации. Действительно, в эпоху преподобного Сергия и Димитрия Донского мы как народ перескочили через ту огромную историческую пропасть, которая отделяла Древнюю Киевскую Русь, разрушенную в распрях и погребённую под ордынским игмом, от нарождающейся её приемницы — России.

ПЛАН ГОЭЛРО

Государственная комиссия по электрификации России была создана в 1920 году под руководством Глеба Максимилиановича Кржижановского (1872–1959). К работе комиссии было привлечено около 200 учёных и инженеров. План ГОЭЛРО представлял собой единую программу возрождения и развития страны и её конкретных отраслей — прежде всего, тяжелой индустрии, а главным средством полагал максимально возможный подъём производительности труда. В нём предусматривались строительство предприятий, а также опережающее развитие электроэнергетики. Всё это привязывалось к планам развития территорий и развитию транспортной системы страны. В рамках ГОЭЛРО началось освоение Кузбасса, вокруг которого возник новый промышленный район. Рассчитанный на 10–15 лет, план предусматривал строительство 30 районных электростанций общей мощностью 1,75 млн кВт. К 1931 году план был перевыполнен. Выработка электроэнергии в 1932 году по сравнению с 1913 годом увеличилась не в 4,5 раза, как планировалось, а почти в 7 раз: с 2 до 13,5 млрд кВт.ч.

Категории Святой Руси

(из русской книжной традиции и литературы)

Почти все писавшие о Святой Руси вкладывали в это словосочетание своё содержание, особый смысл, вносили в него дополнительные оттенки — религиозные, философские, историософские, поэтические и даже обыденные. Так же заметно различается и тон написанного: от серьёзного и глубокого до легкомысленного и поверхностного, от восхищённого до пренебрежительного. Условно эту работу можно разделить на три части. В первой анализируются некоторые жанры древнерусской литературы, во второй — произведения, а также отдельные мысли и высказывания писателей и поэтов XIX–XX веков, в третьей — труды русских философов. При этом автор не стремился проанализировать все доступные произведения древнерусской и современной литературы или представить идеи всех философов, историков, поэтов, писавших о Святой Руси¹.

Об этимологии слова «святой». В славянских, балтийских и иранских языках слово «святой» (праслав. *svent*) происходит от индоевропейского «*k'uen-to-*» — возрастать, увеличиваться, цвести — в прямом и переносном смысле, плодоносить (см. Топоров 1995: 441–443). Корень слова ещё в дохристианскую эпоху был *сакрально* отмечен. «Язык сохранил слово и даже его общую семантическую идею, но существенно углубил и «спиритуализовал» по идее его содержание» (Топоров 1995: 489). В язычестве слово понималось в прямом смысле: оно означало любое возрастание, цветение, плодоношение, в христианстве же

образуется понятие «святости» как возрастания, цветения *духовного*.

В Ветхом Завете святы избранный народ, его часть или отдельный человек, а также всё, избранное Богом, — место, колодец, река, город и т. д. В Новом Завете святость скорее божественное *призвание* каждого человека; это цель, которую *обязан* ставить перед собой верующий человек.

В русских былинах и духовных стихах Святая Русь — фундаментальный мотив. Если считать, что собственно история начинается с грехопадения и изгнания из рая, то Святая Русь уходит корнями в метаисторию. Как отмечено Г. П. Федотовым, согласно одному из вариантов стиха «Плач Адама», «даже рай создан на русской земле»:

*Прекрасное солнце
В раю осветило
Свято-русскую землю.*
(Федотов 1991: 96).

Относительно этого стиха мы уточнили бы, что его можно понять и по-другому: не рай создавался на Святой Руси, как пишет Федотов, а Святая Русь, условно говоря, изображается в стихе «ровесницей» раю, она возникает сразу вслед за раем (может быть, вместе с ним) и где-то близко от него, к тому же в тот период, когда географическая Русь ещё не существует. Нельзя ли отсюда сделать вывод, что Святая Русь была сотворена святой и потом была дарована грешному народу, который заселил её. Один из списков «Голубиной книги» подтверждает такое прочтение. После

¹ Так, «за кадром» остались Киреевский, Лесков, Бунин, Бердяев, Лосский и другие писатели и мыслители, не раз обращавшиеся к теме Святой Руси. Особый, не затронутый здесь аспект темы представляет собой Святая Русь в русской иконописи и живописи — от прп. Алипия Печерского, через прп. Андрея Рублёва и Дионисия до Васнецова, Нестерова и Павла Корина.

Игорь Шуршаков в соавторстве с Л. Скуповой: «Алконост». Холст, темпера, поталь, кабошоны. 2008

грехопадения прародители были изгнаны из «светлого раю» и:

*От того колена от Адамова,
От того ребра от Евина
Пошли христиане православныя
По всей земли Светорусския.
(Стихи 1991: 28).*

Осознавая себя совокупностью священных христианских иконотопосов, Святая Русь становится *зонотопосом*: вечность нисходит на её святые места и придаёт им общехристианское и вневременное бытие и значение².

Ещё одна особенность понимания Святой Руси в духовном стихе состоит в том, что святость Руси вовсе не предполагает святости всего и всех. Русь как страна и земля — свята, но ходят по ней и борются друг с другом Правда и Кривда, как повествует об этом «Голубиная книга». Мало того, в конце времен Правда будет взята Богом на небо, а Кривда восторжествует и пойдёт творить беззаконие «по всём земли, по всём вселенныя, по тем крестьянам (*христианам*. — В. Л.) православным»; естественно, Кривда пойдёт и по Святой Руси. Это предсказание навеяно Откровением св. Иоанна Богослова, в котором повествуется о временной победе зла и недолгом его царствовании на Земле перед Страшным судом.

Исторические песни так же, как духовные стихи, часто употребляют понятие «Святая Русь» как естественное, не требующее пояснений, как нечто реально существующее, но без всякой гордости или превозношения, так что иногда создаётся впечатление, будто выражение «Святая Русь» принадлежит лишь поэтике древнерусской литературы. Приведём такой пример:

*Ещё есть ли на Святой Руси такова трава,
Чтоб которая росла, трава, без корени...
(Песни 1986: 422)*

Святая Русь и (или) Третий Рим. Проблема соотношения Святой Руси и Третьего Рима возникает сама собой. Впервые, согласно М. Фасмеру, она была поставлена Л. Майковым (см. *Фасмер 1987: 3,584*), т. е. очень поздно — в конце XIX века.

Сама идея Третьего Рима не была чисто политической или агрессивной; в ней был очень силён религиозно-охранительный аспект. Вследствие известного исторического факта Русь осознала себя наследницей павшей Византии и хранительницей православия. И именно для хранения православия укреплялась государственность. Нельзя забывать, что павший Константинополь был не только Вторым Римом, но и Новым Иерусалимом. Русь приняла также и «иерусалимское» измерение своего нового призвания: Третий Рим был призван хранить Новый Иерусалим. И если отождествлять идею Святой Руси с какой-либо другой — близкой ей по духу и по содержанию — идеей, то таковой может быть как раз идея Нового Иерусалима.

А. В. Карташев отмечает, что понятие «Святая Русь» начинает встречаться в книжной письменности тоже только с XVI века, а до этого его можно найти лишь в фольклоре (см. *Карташев 1956: 29–30*). Государство нуждается в Святой Руси, как тело нуждается в душе; отделение души от тела означает смерть. Но Святая Русь нуждается в государстве лишь относительно. Тело можно убить, но душу убить нельзя, — её можно погубить союзом с нечистой силой. Так же и Святая Русь может жить в симфонии с государством лишь до тех пор, пока оно не потребует от неё вместо симфонии подчинения. Итак, Святая Русь и Третий Рим — два разных нередко конфликтовавших между собой идеала: государственного могущества и святости.

Недоразумения и столкновения при реализации этих идеалов происходили всегда, но заметное разделение между ними явственно обозначилось в XVI веке; подмена же святости государственной мощью совершилась в XVII веке. Идеальный князь в Древней Руси понимался как *служитель* и *жертва* во имя православия, царь стал *хранителем* и *защитником* православия. История России даёт немало таких примеров, когда государство начинало борьбу против Святой Руси. Она же противостояла государству и отстаивала свои

² В одной из статей мы предложили термин *иконотопос* (от греч. εἰκών — икона, образ и τόπος — место, страна, пространство). Иконотопос — это святое, избранное Богом или человеком по воле Божией место, которое осознаёт себя избранным, имеет небесный Первообраз, описанный в Священном Писании или в церковной литературе, иногда имеет земной прототип, стремится к самосохранению и организации пространства вокруг себя по принципу *священной топографической иконичности* как образ первообраза (см. Лепахин, 1999: 69–88). Вслед за тем родился термин *зонотопос* (от греч. αἰών — вечность, век и τόπος). Сакральное место зонотопоса всегда является образом небесного первообраза и топографической иконой земного прототипа, т. е. иконотопосом, время же — *иконой вечности*. Время в зонотопосе, будь то хронологическое или циклическое, не самостоятельно и автономно, но тесно связано с вечностью, оно понимается и изображается как *двуединая вневечность*. Время не мыслится вне вечности, из которой оно «выпадает» при сотворении мира и которая полагает ему конец (Откр. 10: 6) перед Вторым Пришествием и началом Страшного суда (см. Лепахин, 2000: 129–142, 233–250).

духовные ценности только в случаях явных нарушений симфонии. Одной из таких форм сопротивления Святой Руси наступлению Третьего Рима можно считать юродство. Святая Русь как бы уходит в подполье, в низы, а юродство становится не только особым видом святости, но и формой духовного сопротивления. Святая Русь XVI века — это не Иван Грозный, а св. Василий Блаженный и многие другие юродивые. Храм Покрова на Рву (или Троицкий) был построен по случаю взятия Казани, но и Россия, и весь мир знают его как храм Василия Блаженного, и стал он не символом воинских побед, государственной мощи или зодческих устремлений Ивана Грозного, а символом Святой Руси.

Святая Русь и священная топография в XVII в. Открытое столкновение между идеалами святости и государственности между Святой Русью в лице Нового Иерусалима и Третьим Римом произошло и в XVII веке. Наиболее остро этот конфликт проявился в двух событиях: конфликте между царём и патриархом по поводу соотношения священства и царства и в строительстве Никоном Нового Иерусалима.

В споре с царём патриарх Никон совсем не так ставил вопрос, как ему приписывают: кто выше — царь или патриарх? Никон писал, что царь и патриарх не выше один другого, ибо их власть имеет один источник — Бога. И именно это является залогом симфонии в их взаимоотношениях. Царь «выше» в государственных делах, но поскольку государственные реформы могут иметь серьёзные последствия для Церкви, царь принимает решение «в совете» с патриархом, ведь патриарху виднее возможные последствия реформ или законов для Церкви. Патриарх «выше» царя в Церкви, но и тут важнейшие решения он принимает вместе с царем, ибо церковные реформы могут отразиться на государственной жизни. Есть документальные свидетельства, что Никон считал унижением своего патриаршего достоинства занятие мирскими государственными делами, что случилось один раз, когда царь, отправившись в поход, на два года оставил на патриарха все государственные дела. Как видим, этот конфликт легко укладывается в противостояние Третьего Рима и Святой Руси.

Теперь коротко коснёмся второго события. В 1656 году патриарх начинает воздвигать двойную наземную икону: иконотопос Небесного Иерусалима, описанного в Откровении св. Иоанна Богослова, и иконотопос иерусалимского храма Воскресения Христова вместе со Святой Землей, включив в неё все главные места, связанные с земной жизнью Спасителя. В Новом

ПАРОВОЙ ДВИГАТЕЛЬ ПОЛЗУНОВА

В 1863 году русский новатор Иван Иванович Ползунов (1728–1766), создатель первой русской паровой машины, сконструировал для неё первый в мире двухцилиндровый двигатель. Оба цилиндра работали на один общий вал, что позволяло двигателю функционировать без использования гидравлической энергии. В этом состояло коренное отличие машины Ползунова от прочих паровых машин того времени, не способных обходиться без вспомогательного гидравлического привода. В 1764–1766 годах Ползунов создал новый паровой двигатель для привода дутья плавильных печей. Двигатель обладал рекордной по тем временам мощностью в 32 лошадиные силы и впервые в истории позволил отказаться в заводском производстве от водяных колес.

Иерусалиме — фактически Новой Палестине — патриарха Никона были свои Иордан, Назарет, Вифлеем, Капернаум, Рама, Вифания, Фавор, Ермон, Елеон, Гефсиманский сад, Голгофа, в чём можно видеть характерное для религиозного мышления желание иметь икону, образ, изображение почитаемого святого, города, реки, горы. В стороне от суеты Третьего Рима патриарх воздвигал новую духовную столицу Святой Руси, и характерно, что столицей этой мыслился монастырь Воскресения Христова.

Об этом стремлении через священную топографию воссоединить разделённое пространством и временем свидетельствует древнерусская топонимика, в которой сохранилось немало количество палестинских названий. Иорданы, Фаворы, Сионы, Гефсимании, Иерусалимские долины можно и ныне встретить в самых неожиданных местах России, не говоря уже об окрестностях Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Священную топографию находим позже у прп. Серафима Саровского, который в подражание патриарху Никону, спустя полтора столетия, назвал многие места своей «пустыньки» под Саровом евангельскими именами: Назарет, Иерусалим, Вифлеем, Фавор, Кедронский поток, река Иордан, однако ни в XVIII, ни в XIX веках это уже ни у кого не вызывало никакого сопротивления или обвинений в адрес великого святого. Итак, по замыслу патриарха Никона Святая Русь — это икона Святой Земли³.

Святая Русь — это образ Божий Руси, это идеальная светлая божественная *икона Руси*, это та её часть, которая на Страшном суде удостоится Царствия Небесного. **Построить Царство Божие на земле невозможно, и такой заповеди у христианина нет, но можно иконично обустроить землю во образе Небесного Иерусалима, тем самым освящая своё пребывание на Земле, подготавливая себя к переходу в вечность.** Русь стремилась охватить, пронизать священной иконичной топографией всё обжитое пространство, вся страна представляла одной огромной иконой. Эта *паниконичность* изначально понималась в двух планах, и воиконовление Земли шло

в двух направлениях, устремляясь и к Святой Земле Палестины с её центром, святым градом Иерусалимом, и к Иерусалиму Небесному, к Царству Божию.

Святая Русь упоминается и в песнях о Петре I. Несмотря на все перемены петровского времени, несмотря на то, что поборники Святой Руси видели в Петре антихриста и не принимали тех реформ Петра, которые разрушали Святую Русь, — город, построенный Петром, включается автором песни в Святую Русь. Этому может быть несколько объяснений. Во-первых, Святая Русь неуничтожима, и перенесение столицы ничего не может изменить в глубинах Руси — Руси Святой. Во-вторых, мистический центр Святой Руси динамичен: он был в Киеве, в Новгороде, во Владимире, в Москве, а ныне насильно перенесён в Петербург. Но главное состоит в том, что в народном сознании видимый центр может не совпадать с мистическим, избранным Богом центром Святой Руси.

Служба «Всем святым, в земле Российской просиявшим». Праздник святым, прославившимся в российской земле, был учреждён в XVI веке, но во второй половине XVII века он был предан забвению, вероятно потому, что русские церковные традиции, не имевшие аналогов в греческих богослужебных книгах, подвергались сомнению. Празднование (2-я неделя по Пятидесятнице) было восстановлено на Поместном Соборе 17–18-х годов XX века. Служба составлена святителем-исповедником Афанасием (Саваровым) и утверждена Собором.

Словосочетание «Святая Русь» встречается в богослужении всего три раза. В стихире 4-го гласа (на литии Великой вечерни) возглашается: «Дал еси знамение боящимся Тебе, Господи, Крест Твой честный, имже тии, посрамивше начала тьмы и власти, на Святей Руси Православие утвердиша». Здесь подчёркивается роль честного Креста и крещения в бытии Святой Руси: боящиеся Бога святые утвердили православие, тем самым связав воедино крест, православие и Святую Русь. Отметим, что согласно чинопоследованию

³ Замысел патриарха Никона во всей его глубине, красоте и иконичности не был понят и оценён, ибо патриарх по своим богословским иконографическим представлениям стоял выше своего времени. Когда судили Никона, на второе место из десяти было поставлено обвинение в строительстве Нового Иерусалима и именовании себя патриархом Нового Иерусалима. Но главная идея патриарха состояла в том, что икону, образ, символ следует понимать — в согласии с учением Святых Отцов — в широком смысле: икона не только образ, писанный красками на доске, но всё, что возводит ум человека к Боговидению и Боговедению. Новый Иерусалим патриарха Никона — это не копия, не подмена и не отрицание Иерусалима географического, а его реальная, видимая топографическая икона. Такое понимание творения Никона снимает все политические, церковные и богословские проблемы и несправедливые обвинения в адрес патриарха.

празднования 1000-летия Крещения Руси и ежегодного воспоминания этого события служба этого праздника соединяется со службой всем святым.

На Великой вечерне в известнейшей стихире на стиховне поётся: «Новый доме Евфрафов, уделе избранный, Русь Святая, храни веру православную, в ней же тебе утверждение». Здесь Святая Русь является «избранным уделом», она не сама присвоила себе такое именование. Как «дом Евфрафов» дан потомству Авраама по обетованию, так же Святая Русь дана её жителям на хранение. Святая Русь — хранительница православия, но вместе с тем именно православие служит залогом утверждения Руси. Выше говорилось, что выражение «Святая Русь» употребляется всего три раза, но в службе часто употребляется словосочетание «Русь православная». При этом, как можно понять по контексту, эти два понятия выступают как смысловые синонимы.

На Великой вечерне (стихира на Господи воззвах) поётся: «Приидите соборы Российской, сущия в стране нашей восхвалим... сии бо воистину дела и словеса, и многовидным житием, и от Бога даровании соделашася святости, и Руси тезоимение святости подаша...» В этой стихире связывается воедино Святая Русь и её святые: именно святые, просиявшие на Руси, сделали ее, говоря современным языком, тёзкой святости, т.е. Святой Русью.

В тексте этой службы (канон утрени), а также на иконе «Праздника» есть греки, болгары, сербы, украинцы, молдаване, немцы, карелы, венгры, татары, алеуты и др., которые, вне зависимости от национальности, вошли в Святую Русь.

В конце XIX века архимандрит Леонид (Кавелин) составил полный месяцеслов всех русских святых и подвижников и озаглавил его «Святая Русь». В современном издании «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова) имеется приложение к каждому тому; оно также называется «Святая Русь», и в нем приводится список всех святых, в земле Российской просиявших. Как собор российских святых понимал Святую Русь о. Сергей Булгаков. В.Н. Топоров высказывается на эту тему следующим об-

разом: «Образ... Святой Руси полнее всего передает собор святых, предстателей перед Богом и одновременно дар Ему от Святой Руси» (Топоров 1995: 11).

Открытие Святой Руси в XIX веке. В первой половине этого столетия происходит новое открытие Святой Руси. Славянофилы заметно активизируют собирание фольклора, и тогда читающая публика начинает замечать довольно частое употребление в былинах, в народных песнях выражения «Святая Русь»⁴. О Святой Руси начинают писать: славянофилы с сочувствием, придавая этому выражению характер исторического и историософского понятия, западники же — с насмешкой или с издевательством, что встречается и ныне. Нельзя не обратить внимания на то, что в полемическом задоре ни одна из сторон не смогла поставить проблему на научно-историческую или культурологическую основу, не захотела подойти к ней не как к идеологическому яблоку раздора, а как к определённой феномену русской религиозной и политической истории, явлению русского фольклора, русской духовности и ментальности. Вместе с тем следует отметить, что славянофилы по сравнению с западниками были более наблюдательны, заметно глубже понимали суть проблемы.

Алексей Степанович Хомяков сочетает понятия «святости» и «избранничества», при этом ясно давая понять, что избранность не предполагает обязательной святости:

*О, недостойная избранья,
Ты избрана! скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей главой!*
(Хомяков 1969: 137)

Нельзя не обратить внимания — это даже бросается в глаза, — что в фольклоре ничего не говорится об *избранности* Святой Руси. Хомяков недаром проводит параллель с Ветхим Заветом, который не раз повествует о жестоких наказаниях, которым Бог подвергал избранный народ за отступничество, идолопоклонство и другие грехи. До Хомякова Святая Русь понималась в двух измерениях: как народный русский идеал, к которому

⁴ Г.П. Федотов заметил, что «это имя (*Святая Русь*. — В.Л.) впервые встречается для нас, в литературе, в XIX веке — под очевидным влиянием духовного стиха» (Федотов, 1991: 96). Это замечание нередко цитируют для подтверждения той мысли, что вообще о Святой Руси узнали лишь в XIX веке. Однако мысль Федотова ясна: для нас, это значит — для интеллигенции начала XX века. Вообще же это понятие бытовало и ранее в самых разных жанрах словесности и в самых разных слоях народа в течение многих веков.

следует стремиться, как страна, услышавшая призыв, обращённый ко всем («Будьте святы, ибо Я свят» — Лев. 11: 44; 1Фес. 4: 7), и как «остаток» или «корень» — т. е. та часть Святой Руси, которая действительно свята уже здесь в этом мире (это святые подвижники, монастыри, храмы, церковное искусство и словесность). Хомяков же несколько раз употребляет слово «избранный», и именно в том значении, в котором оно употреблено в Ветхом Завете по отношению к избранному израильскому народу. И здесь следует отметить новое качество в понимании Святой Руси у Хомякова и у славянофилов: избранность — это не привилегия, а ответственность и тяжкое бремя, Бог наказывает избранного «двойным наказанием», поэтому поэт наминает:

*Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.
Своих рабов Он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!*
(Хомяков 1969: 136)

Обсуждение темы Святой Руси невозможно без упоминания **Фёдора Ивановича Тютчева**. В понимании поэтом Святой Руси есть два мотива, которые позже стали очень популярны в писаниях философов, поэтов и всех, касавшихся этой темы: во-первых, Святая Русь у Тютчева — это объект и предмет веры; во-вторых, Святая Русь — это земля, на которой явственно чувствуется присутствие Божие и Его святых, это земля, «исхоженная» Христом. Его известнейшее четверостишие на эту тему стало притчей во языцех в свое время у западников, а ныне у представителей постмодернизма. Ныне редко кто относится к нему всерьёз и также всерьёз пытается проанализировать.

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

Столько заметок написано об этих строках с иронией, а иногда и с издёвкой. Но ведь они написаны зрелым поэтом в возрасте 63 лет. И если иметь в виду, что в стихотво-

рении речь идёт о Святой Руси, то претензии к стихотворению отпадают. Действительно, Святую Русь можно сделать объектом рациональных изысканий, но это задача не для Декарта; такой подход не раз доказал свою бесплодность и в конце концов выливался лишь в насмешки и пародии. Действительно, учёные-гуманитарии вынуждены признать, что исторические судьбы Руси не укладываются целиком в схемы и категории западноевропейской позитивистской исторической науки. Действительно, Россию от Европы отличает, прежде всего, духовная самобытность, а не особенности экономического или историко-политического развития. Действительно, Святая Русь, прежде всего, есть предмет веры.

И второе: Сам Христос ходит по Святой Руси и благословляет её; этот мотив встречается позже у многих русских поэтов (назовём только Вячеслава Иванова, Клюева, Есенина) и художников⁵. Самое известное, даже классическое стихотворение на эту тему находим опять у Тютчева. Приведём последнюю строфу:

*Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

В первых двух строфах стихотворения Тютчев отмечает такие черты Святой Руси, как бедность селений, скудость природы, долготерпение и «смиренную наготу» русского народа (напомним здесь одну из заповедей блаженств о нищете духовной, т. е. смирении). И именно поэтому, как явствует из стихотворения, Христос в рабском виде приходит на эту землю и благословляет её. Итак, бедность, терпение, смирение и есть «онтологические» признаки Святой Руси, вместе с тем это важнейшие христианские добродетели. В одной системе ценностей это может рассматриваться как недостаток, отсталость, в другой — как признак святости. Ведь и Христос пришёл в этот мир не в богатстве и славе, а в смиренном, даже убогом виде.

Фёдор Михайлович Достоевский не раз писал о своём видении проблемы Святой

⁵ Эти настроения выражены в нескольких картинах Нестерова: «Святая Русь», «Путь ко Христу» и др. Английский писатель Стивен Грем, посетивший Марфо-Мариинскую обитель в Москве, где находилось второе произведение художника, так описывает его: «На поляне во всём своем стиле — характерный “бедный люд”, коленопреклонённый, глядявающийся во что-то, молящийся, плачущий. А среди березовых деревьев стоит окружённый сиянием Христос и принимает всех, кто к нему идёт. Русский крестьянин верит, что Христос ходит по его дорогам: “Царь Небесный пришёл благословить нашу Матушку Русь и идёт, странствуя по нашей земле. — И он действительно прав, веря в это. Сама по себе эта мысль и даёт идею о “Святой Руси”».

Руси и в романах, и в дневниках, и в письмах. По Достоевскому, залог вечного бытия Святой Руси (и в этом коренное отличие Руси от Западной Европы) есть особое отношение русского народа к Христу. В черновиках к роману «Идиот» «князь» говорит: «В Православии мы считаем единственное хранение *Христово образа*, и нигде больше, а Россию носительницей Православия». Прямо или косвенно у Достоевского постоянно проводится эта мысль: Святая Русь — хранительница (носительница) православия, потому что в ней осталась вера и любовь к *Богочеловеку* Христу, к *воплотившемуся* Сыну Божию, к Его образу. И писатель убеждённо заявляет, что не *мораль* Христова и не *учение* Его спасёт мир, а Он Сам и вера в Него, в *образ* Его. Учение можно оспорить, можно отвергнуть, можно исказить. И поэтому гораздо важнее носить небесно-земной *образ* Богочеловека в верующем сердце. Так понимал Достоевский и слово «богоносец».

Революционные потрясения начала XX века заставили многих поэтов по-новому взглянуть на Святую Русь. Если раньше Святая Русь сдерживала грешную Россию, то в революции они вступили в открытую и непримиримую борьбу. Тему Святой и грешной Руси в их единстве, в их противостоянии и борьбе развивал **Максимилиан Александрович Волошин**. В его поэзии Святая Русь выступает в трёх аспектах. Во-первых, Святая Русь — это некая святая часть всей России, которая не может и не должна быть осквернена, поругана, пленена, попасть под чуждую власть. Волошину была известна и дорога легенда о граде Китеже. В случае какой-либо опасности Святая Русь скрывается от врага в таких духовных глубинах (образно это может быть озеро Светлояр), которые недоступны врагу (кстати, враг у Волошина может быть не только внешним, но и внутренним). Во-вторых, Русь у поэта — это так же, как у Хомякова, совмещение Святой и грешной Руси. «Святая Русь покрыта Русью грешной» (Волошин 1984: 1, 235). В-третьих, Святая Русь изображается Волошиным иногда как Русь юродивая. В этом случае мы видим двойственность внешнего безумия и внутренней святости. У поэта есть стихотворение, которое так и называется — «Святая Русь» (написано 19 ноября 1917 г.). В нём святость Руси предстает как святость юродства:

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?*

Натан Альтман. Портрет А.А. Ахматовой.
Холст, масло. 1915

АКМЕИЗМ

Литературное течение, возникшее в России в начале XX века. В отличие от символизма и футуризма не имеет аналогов в других европейских литературах. Главные идеи акмеизма были изложены в программных статьях Николая Гумилёва «Наследие символизма и акмеизм» и Сергея Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии», опубликованных в журнале «Аполлон» (1913, №1). Основные принципы: отказ от мистической туманности, принятие земного мира во всём его многообразии и зримой конкретности; стремление придать слову определённое, точное значение; предметность и чёткость образов, отточенность деталей. «У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь ещё» (С. Городецкий). Высшая ценность акмеизма — культура, тождественная общечеловеческой памяти. Поэтому столь часты у акмеистов обращения к мифологическим сюжетам и образам. Основные участники течения: Н. Гумилёв, А. Ахматова, О. Мандельштам, С. Городецкий, М. Зенкевич, В. Нарбут.

*В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя,
Ты — бездомная, гуляющая, хмельная,
Во Христе яродивая Русь!*
(Волошин 1982: 1,226)

Единство святой и грешной Руси, а также их противостояние проходит не только через всю страну, но и через сердце каждого человека. Каждый человек грешен, но вместе с тем потенциально всякий человек свят, ведь таковым он сотворён Богом, к этому он призван после грехопадения. Такая же мысль у Волошина особенно ярко выражена в следующей строке:

*В каждом Стеньке —
Святой Серафим...*
(Волошин 1982: 1,248)

Действительно, история христианской святости знает немало случаев, когда бывшие разбойники уходили в монастырь и становились великими подвижниками, почитаемыми святыми. Милосердие Божие к человеку таково, что при искреннем покаянии перед Богом и людьми Стенька Разин может достичь святости — даже святости великого Серафима Саровского, как думал поэт.

Позже, уже в 1922 году, Волошин противопоставляет Русь с её идеалом святости и *Россию* с идеалом государственности, причём Россию он называет «царством багряного Зверя» из Откровения апостола Иоанна Богослова. Таким образом, у Волошина Русь (святость) и Россия (царство зверя) находятся в непримиримой борьбе, а спор между ними приобретает эсхатологический смысл: только в конце времён Святая Русь силою Христовой сможет победить грешную Россию. Пока же они антиномично сосуществуют в едином теле страны.

В стихах **Николая Алексеевича Клюева** «действуют» две России: земная и горная. И когда святые в одной из поэм Клюева покидают Россию, то это описывается как переход из одной Руси в другую — горную. Соловецкие святые обращаются к Алексею Человеку Божью:

*О, человеце Алексе!
Вези нас в горную Россию,
Где Богородица и Спас
Чертог украсили для нас!*
(Клюев 1969: 2,336)

Напомним, что в Новом Завете «горним» называется Небесный Иерусалим. Святую Русь поэт называет также нерукотворной и свою поэтическую задачу видит в том, чтобы воспеть её. Определение «нерукотворная» отсылает читателя к одной из самых почитаемых в православии икон — «Спас Нерукотворный». Так у поэта Святая Русь становится *иконой* Руси. Поэтический взор Клюева никогда не останавливается, не застывает на видимой грешной России, а стремится увидеть её внутреннюю глубинную святость, сквозь физиологию лица узреть метафизический духовный Лик. Даже если Лик был полностью сокрыт тьмою греха, то и тогда, говорит поэт:

*Я бормотал: «Святая Русь,
Тебе и каторжной молюсь!..»*
(Клюев 1969: 2,341)

Вера в Святую Русь и любовь к ней суть нечто необъяснимое, это выше человека, это есть в душе или этого нет, это невозможно приобрести, с этим человек рождается, это входит в человека с молоком матери. И человек испытывает духовную радость от этой веры в глубинную святость Руси, а поэтов она вдохновляет на творчество.

Тема Руси-России у **Сергея Александровича Есенина** обширна. Поэт посвятил множество стихов природе, но это всегда природа Руси; земля в его стихах наполнена колокольным звоном, но это земля *русская*; в небесах горят звезды-свечи, но горят они *над Русью*; во Вселенной совершается космическая Литургия, но она идёт в унисон с земным православным богослужением *на Святой Руси*; Сам Господь не только взирает на Русь с высоты, но и ходит по ней, святые же живут и даже «работают» *на родной земле*. Всё это и даёт законченную лирическую картину Святой Руси.

Один из любимых приёмов поэта — со включение географических мест: древней Палестины, места земной жизни Христа, и современной поэту России. То, что патриарх Никон стремился воплотить в действительности, поэт совершает силой воображения в поэзии⁶. Спаситель ходит по Руси, как у Тютчева или Вячеслава Иванова, не потому, что она святая, не потому, что она это заслужила чем-либо, а для того, чтобы исцелить больное, очистить грешное, помочь восстать падшему,

⁶ Возможно, довольно частые в поэзии Есенина примеры священной топографии косвенно связаны со знаменитым Ново-Иерусалимским монастырём патриарха Никона, но не следует упускать из виду, что в священной топографии Есенина можно искать и следы прп. Серафима Саровского.

погибшему. Привлекает же Спасителя на Русь вера, с которой народ ждёт Его и встречает. «По вере вашей да будет вам», — говорит Спаситель ученикам (Мф. 9: 29), а исцеляя больных и недужных, отпускает их со словами: «Вера твоя спасла тебя» (Мф. 9: 22; Мк. 5: 34, 10: 52; Лк. 7: 50, 8: 48, 17: 19, 18: 42).

Теперь обратимся к творчеству некоторых мыслителей XIX–XX веков, которые затронули проблему Святой Руси в своих произведениях.

Владимир Сергеевич Соловьёв. Знаменитый русский философ не раз обращался к этой теме. В одном из высказываний он в некотором смысле развивает мысль Гоголя: «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (*la belle France, la gloire du nom francais*); англичанин с любовью говорит: старая Англия (*old England*); немец поднимается выше и, придавая этический характер своему идеалу, с гордостью говорит: *die deutsche Treue* (*немецкая вера*. — В. Л.). Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию?.. Желая выразить свои лучшие чувства к Родине, (он) говорит только о «Святой Руси». Вот идеал: и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-эстетический, а идеал нравственно-религиозный» (Соловьёв 1967: 195–196). Как видим, для Соловьёва Святая Русь — это прежде всего идеал, идеал же может быть политический, экономический, эстетический, этический или религиозный. Таким образом, для Соловьёва естественно, что а) русский идеал носит религиозный характер, б) он не придуман и не навязан сверху, он выдвинут самим народом, в) в нём отразились лучшие чувства народа по отношению к своей стране.

Вячеслав Иванович Иванов в работе «Лик и личины России» пишет о семи праведниках, которые обитают на Земле. Для того чтобы земля оставалась «святой» перед Богом, не нужно, чтобы все её обитатели были святыми, — да это нереально и невозможно даже в условиях монастыря. Святая Русь, согласно Иванову, — это наличие на Земле верных свидетелей Христовых, святых, на которых стоит страна, а также все, кто хоть в малой мере причастен этой святости святых, кто признаёт их, верит в их духовную молитвенную силу

перед Богом. Здесь интересна перекличка с Достоевским, который устами Смердякова и Федора Павловича говорит даже не о семи, а о двух праведниках, на которых стоит мир. Даже такого малого числа святых достаточно для того, чтобы освятить страну молитвой, чтобы оправдать перед Богом существование всей страны. Важно также, что вера в святых сочетается здесь с верностью по отношению к отшедшим святым, вечная память о них, уже представших перед Богом, а также молитвенное общение с ними и их реальное присутствие на Руси, их помощь живым святым. «Признание святости за высшую ценность, — пишет Вячеслав Иванов, — основа народного мирозерцания и знамя тоски народной по Руси Святой. Православие и есть соборование со святынею и соборность вокруг святых» (Иванов 1987: 4,479; 585–586).

Отсюда возникает и самая оригинальная, важная и, скажем так, красивая идея Вячеслава Иванова. Святая Русь возможна лишь как новая *соборность*, которая может быть основана только на Имени и Образе Христовом. По своему внутреннему строю она не может быть ни монархией, ни демократией. И поэт предлагает новый термин — *агиократия*, т. е. власть святых, власть праведников (Иванов 1987: 4,481, 588). Конечно, речь идёт не о том, чтобы передать государственную власть святым, а о том, чтобы создать добровольную «безуставную» соборность вокруг святых, где никакое решение не принимается и не исполняется без благословения святых, а у них лишь одно двуединое оружие и одна двуединая сила — Имя Христово и Его Образ. Косвенно идея агиократии связана не только с идеей Святой Руси, но и с византийской идеей симфонии. Можно сказать, что Русь всегда стремилась к агиократии.

Антон Владимирович Карташёв посвятил рассматриваемой теме целую книгу — «Воссоздание Святой Руси». В ней Карташёв обобщает многое из того, что было написано его предшественниками. Попробуем лишь кратко изложить основные идеи Карташёва из этой книги. Учёный исходит из того, что для христианского историософского мышления характерны представления о наличности и даже необходимости единого центра в христианстве, причём в идеале этот центр должен иметь и политический, и религиозный авторитет, являться и государственным, и духовным ядром и оплотом христианства (Карташёв 1956: 33–34). Поскольку этот центр

избирается не людьми, а Богом, то он носит ноуменальный характер, а потому независим от географии и от воли человеческой. Его ноуменальное имя — Небесный Иерусалим, феноменологически этот центр передвигается (Иерусалим, Рим, Константинополь (Второй Рим и Новый Иерусалим), Москва (Третий Рим и Новый Иерусалим)). Таким образом, Москва не самовольно и из гордости берёт на себя титул Третьего Рима, а принимает его как тяжёлое *иго* быть феноменальной иконой ноуменального центра православного христианства. В историческом плане Святая Русь выступает у Карташёва последовательно: как Киевская, Московская и Петербургская Русь (Карташёв 1956: 21). Здесь, как очевидно, Карташёв расходился со славянофилами, которые считали петровское время периодом падения Святой Руси. Постпетровскую эпоху Карташёв расценивал как попытку синтеза Святой Руси и западной гуманистической культуры. Он не говорит об удаче или провале такой попытки, но констатирует, что Святая Русь в этом взаимодействии с другим культурным регионом приобрела нечто необходимое для духовной самообороны от гуманистического Запада (Карташёв 1956: 44). Вместе с тем, как полагал мыслитель, государство должно быть пропитано христианским мировоззрением, государственность надо «высветлить» изнутри православным духом.

Одно заключительное соображение.

На наш взгляд, важно подчеркнуть, что в Ветхом Завете избранным является *народ*. Земля — Святая Земля Палестины, Земля Обетованная и её столица Иерусалим — также избрана, но акцент всё же делается на избранном народе. Он может жить где угодно: в Земле Обетованной, в рассеянии, в плену в Египте, в Вавилоне, но остаётся при этом избранным. Святая Русь, напротив, — прежде всего святая земля, а не народ. Об избранности страны на Руси начали говорить прикровенно не ранее XVI века (например, в переписке Ивана Грозного и князя Курбского Русь называется «новым Израилем» — см. Памятники 1986: 8, 17, 21, 39, 41 и др.), а об избранном народе — лишь в начале XIX века: сначала славянофилы, а позже, во второй половине столетия,

представители почвенничества. И говорили они не столько об *избранном* русском народе, сколько о *народе-богоносце*. Разница же здесь принципиальная. Если вспомнить замечание Вячеслава Иванова, то богоносец — это человек, принявший на себя крест Христов, иго Христово и терпеливо несущий его. И так, в понятии «Святая Русь» есть принципиальное и коренное отличие от ветхозаветного понятия «избранный народ». На Руси избрана и свята страна, народ же может лежать во грехах, может оказаться недостойным Святой Руси. Это исключает или, по крайней мере, умаляет возможность национальной гордости, хотя и даёт косвенный повод для гордости своей землей, страной. Но вместе с тем любовь к стране может пробудить желание стать достойным своей богоданной земли — Святой Руси.

Святую Русь ищут, если можно так сказать, сразу в двух направлениях: внутри себя («ибо Царствие Божие внутрь вас есть» — Лк. 17: 21) и вовне — на Руси; отсюда так распространено паломничество по святым местам, а «калики переходящие», странники по святым местам, были даже особым и почитаемым слоем в обществе⁷.

Мотивы гибели Святой Руси появляются в связи с монголо-татарским нашествием. И позже довольно длительное время иго воспринимается как угроза бытию Святой Руси. Следующий конец Святой Руси ожидался в 7000 (1492) году вместе с концом Третьего Рима. В некотором смысле концом Святой Руси воспринимался период опричнины Ивана Грозного, но народные песни описывают Ивана Васильевича с заметной симпатией, а Русь его времени — как Святую. Концом Святой Руси для старообрядцев выглядели церковные реформы, начатые патриархом Никоном и последовательно проведённые царём Алексеем Михайловичем, прежде всего потому, что для старообрядцев Святая Русь отождествлялась со святой Церковью, во всяком случае Церковь составляла её ядро. Как ещё один «конец» Святой Руси были восприняты церковные и государственные реформы Петра. Но позже выяснилось, что Святая Русь жива не только в поэтическом или фольклорном восприятии, но и в госу-

⁷ Неслучайно также, что идея Святой Руси очень ярко выражена именно в духовных стихах, которые пели странники. Сюда же надо отнести и «очарованных странников» Лескова.

⁸ Святая Русь, например, у Клюева по причине свершившейся революции и надругательств над святостью не опускается на дно озера, как в легенде о Китеже, а возносится на небо.

дарственным. И, конечно, как гибель Святой Руси была воспринята многими писателями, поэтами, историками и философами большевистская революция 17-го года⁸. Но постепенно, например, евразийцы начали говорить о возрождении или воссоздании Святой Руси, тем самым подтвердив новую мысль о том, что Святая Русь не имеет временных параметров, а потому и определить их невозможно. Добавим — и не нужно.

Печатается с сокращениями. Полностью цикл В. Лепахина опубликован на портале Православие.ru

Литература

- Былины 1986* — Былины. Л., 1986.
- Варенцов 1860* — В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. С-Пб., 1860.
- Волошин 1984* — М. Волошин. Стихотворения и поэмы в двух томах. Париж, 1984.
- Достоевский 1990* — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л., 1972–1990.
- Есенин 1980* — С. А. Есенин. Собрание сочинений в шести томах. М., 1977–1980.
- Иванов 1987* — Вячеслав Иванов. Собрание сочинений, т. 1–4. Брюссель, 1971–1987.
- Карташёв 1956* — А. В. Карташёв. Воссоздание Св. Руси. Париж, 1956.
- Клюев 1969* — Николай Клюев. Сочинения, т. 1–2. Мюнхен, 1969.
- Лепахин 1999* — Валерий Лепахин. Новый Иерусалим и Третий Рим (Топографическая иконичность. Иконотопос Москвы. Иконичное зодчество патриарха Никона). // К проблеме образования Московского государства. Материалы междисциплинарного семинара 29 января 1999 г. Сомбатхей, 1999.
- Лепахин 2000* — Валерий Лепахин. Икона и иконичность. Сегед, 2000.
- Памятники 1986* — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.
- Песни 1986* — Исторические песни. Баллады. М., 1986.
- Соловьев 1967* — Владимир Соловьев. О христианском единстве. Брюссель, 1967.
- Стихи 1991* — Стихи духовные. М., 1991.
- Топоров 1995* — В. Н. Топоров. Святость и святыне в русской духовной культуре. Т. I. Первый век Христианства на Руси. М., 1995.
- Тютчев 1966* — Ф. И. Тютчев. Лирика, т. 1–2. М., 1966.
- Федотов 1985* — Г. П. Федотов. Святыне Древней Руси. Париж, 1985.
- Федотов 1991* — Г. Федотов. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.
- Хомяков 1969* — А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Л., 1969.

ИКОНОСКОП

Первую в мире телепередачу, ознаменовавшую начало эры телевидения, осуществил российский физик Борис Львович Розинг (1869–1933). Сконструированный им кинескоп (предтеча иконоскопа) принял первые изображения 11 мая 1911 года. Первооткрыватель основного принципа устройства и работы современного телевидения, Розинг изобрёл электронный метод записи и воспроизведения изображения, использовав систему электронной развёртки в передающем приборе и электроннолучевую трубку в принимающем аппарате. Иконоскоп как таковой (электронная передающая телевизионная трубка) был создан параллельно **Владимиром Козьмичём Зворыкиным** (1888–1982), русским инженером, эмигрировавшим в США, и **Семёном Исидоровичем Катаевым** (1904–1991), советским учёным и изобретателем в области радиоэлектроники и телевидения. 24 сентября 1931 года, на полтора месяца раньше Зворыкина, Катаев подал заявку на изобретение иконоскопа и 30 апреля 1933 года получил авторское свидетельство СССР № 29.865.

Юрий Кузнецов.

Чудотворец русской поэзии

Юрий Поликарпович Кузнецов (11.02.1941–17.11.2003) — несомненно, великий русский поэт, чудотворец русской поэзии. В русской поэзии он и сам был неожиданным чудом, которое многие и не понимали. «...Сначала мне было досадно, что современники не понимают моих стихов, даже те, которые хвалят. Поглядел я, поглядел на своих современников, да и махнул рукой. Ничего, поймут потомки...»

Пожалуй, еще десять с лишним лет назад, задумавшись над стихами Юрия Поликарповича, я вдруг обнаружил, что он становится более понятен, когда его ставишь в совсем иную систему координат. Не только в систему нашей национальной сокровищницы русской поэзии, хотя и там ему место давно определено. Не только в координаты своего поколения или даже всего XX века, а в систему олимпийского классического измерения искусства, существующую ещё со времён языческой Древней Греции и языческого Древнего Рима. И единицы поэтического времени, и отношение к образу, к пространству — всё оттуда. От древнегреческих поэтических мифов, далее сопрягая их с мифами кельтскими, германскими, финно-угорскими. «Где пил Гомер, где пил Софокл, / Где мрачный Дант алкал...» Через блистательное Возрождение, соприкоснувшись близко с Данте, и далее уже в наш древний славянский мир.

Он, как небожитель, творит чудеса в русской поэзии. Обывательскому богемному миру нет дела до того, что и сам поэт не волен быть иным, что он сам, как человек, мне думается, иногда сгибается под тяжестью своего креста.

*Плащ поэта бросаю — ловите!
Он сознёт вас до самой земли.
Волочите его, волочите,
У Олимпа сшибая рубли.*

Приняв это олимпийство Юрия Кузнецова, как образ его мысли, как его поэтическую систему, постигаешь и многие якобы несуразности в его

стихах и выступлениях. Его подход к Пушкину, по сути перечеркнувшему поэтическое олимпийское мышление и определившему совсем иной путь развития для русской национальной поэзии. Его подход к сверстникам. И даже его подход к нашему христианскому Богу. Путь Юрия Кузнецова ко Христу — сложнейший путь человека, знакомого с пантеоном олимпийских богов. Он вписал Христа в свою систему олимпийских координат времени и пространства, добра и зла, победы и поражения. Но в итоге (а это важнее всего!) он пришёл именно к православному пониманию Бога и человека. Он через олимпийское мироощущение пришёл к живому Христу. Не к книжному, не к иконописному, а к Христу, живущему в простодушных душах обыкновенных мирян, к Христу, понятному простому человеку. В конце концов, поэма Юрия Кузнецова «Путь Христа» — это еще один народный апокриф.

Молодец-простолоудин, сказочный герой из русского фольклора, гол как сокол, в простоте своей не стал копать в адских секретах, а сразу же отринул их. Сотворил своё русское чудо. Вот это и есть самый утопический герой поэзии Юрия Кузнецова. То, о чём всегда мечтается, былинный богатырь, живущий на нашей с вами сырой земле. Русский мужик. Илья Муромец, Иванушка, русский солдат — эти утопические герои Кузнецова, из его мира русских чудес, кстати, не всегда во всём обаятельные, с ленцой, с неким равнодушием и сонливостью, но в них-то и заключена, по мнению поэта, сила славянского мира.

*Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.
(«Знамя с Куликова»)*

Не так просто создаётся русская сказка, русское чудо. За него и платить надо большую цену. Ощущение русского чуда, русской сказки дало поэту

выход в космос, вывело на вселенский простор. Уже в силу всей своей поэтической системы он вначале стал всемирным поэтом, поэтом мирового пространства, а уже затем с олимпийского мирового пространства вернулся на нашу землю, в координаты русской поэзии. Такое случалось в России не раз: с ранними славянофилами, выходцами из германских университетов, с Фёдором Тютчевым. Это не путь Николая Рубцова, поэтического друга и поэтического соперника, идущего от деревенской околицы ввысь, неся в себе образ песенной Руси. Это путь изначально всемирного поэта в свою национальную нишу. Возвращение блудного сына, затерявшегося в олимпийских просторах. С собой он в нашу национальную сокровищницу принес и Данте, и Шекспира, и священные камни европейских святынь. «Отдайте Гамлета славянам!» Он уже наш, он сегодня непонятен англичанам и датчанам, а русским его рефлексия, его приглушённые рыдания роднее всех родных. И русский «Гамлет шевельнулся/В душе, не помнящей родства».

Юрий Кузнецов присваивает России, присоединяет к русской культуре немецкие и скандинавские мифы и предания, поэзию кельтов, французскую вольность Вийона:

*Мы поскачем во Францию-город
На руины великих идей.*

*Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.*

Его мрачный Дант — это уже русский Дант, его Гомер — это уже русский Гомер. С Достоевской всечеловечностью он не присоединяет провинциальную Россию к цивилизованному миру, а присоединяет к России всю мировую культуру. С простотой милосердия он бывших врагов превращает в зачатых братьев, отрицая битву идей, он создаёт единый мир знаков и символов, образов и мифов.

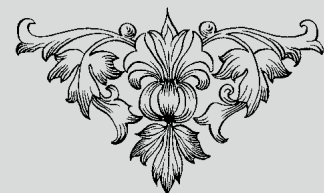
*Отправляясь к зачатым врагам,
Он пошёл по небесным кругам
И не знал, что достоин бессмертья.
В этом мире, где битва идей
В ураган превращает людей,
Вот она, простота милосердья!*

Вот такая, вбирающая в себя всё милосердие и доброту, рождающая чудо, простая и голая славянская душа становится центром его олимпийского поэтического простора. Зевс переместился в Россию с её кондовыми снами, с провалами

ИВАН ПЕТРОВИЧ КУЛИБИН

В течение 30 с лишним лет Иван Петрович Кулибин (1735–1818) заведовал механической мастерской Петербургской академии наук. К 1772 году механиковатор разработал ряд проектов 298-метрового одноарочного моста через Неву, а также построил и испытал модель подобного моста, создав первый в мире прецедент моделирования мостовых конструкций. Если бы проект был реализован, отпала бы необходимость в разводных механизмах, а суда получили бы возможность входить в порт в любое время суток. В 1794 году Кулибин создал «дальнеизвещательную машину»: оптический семафор, в котором использовалось ещё одно его изобретение — фонарь-прожектор с параболическим отражателем из мельчайших стекол. Устройство позволяло строить телеграфные станции на больших расстояниях и использовать телеграф не только днём, но и ночью, и в туманную погоду. В числе изобретений великого механика — «самобеглый» pedalный экипаж, оснащённый коробкой передач, тормозом, рулём и подшипниками качения, а также водоход — судно, способное двигаться против течения реки.

в прошлое и с забегами в будущее. Его славянин то спит сто лет подряд, невзирая на копошащихся вокруг европейских человечков, то, вырываясь из истории по-петровски или по-сталински, опережает всё развитие мира.

*Качнёт потомок буйной головою,
Подымет очи — дерево растёт!
Чтоб не мешало, выдернет с горюю,
За море кинет — и опять уснёт.*

И не поспоришь, так всё у нас и происходит. Поэт не придумывает, не восхваляет, он даёт концепцию нашей жизни, её стратегический замысел. Образы его России всегда мифологичны и фольклорны, даже если это создаваемый им лично миф, творимый им фольклор. Он мог бы вполне спокойно существовать и в дописьменный период, чего не скажешь о большинстве иных, даже высокоталантливых сверстников. Потому он и первичен, что живёт в пра-слове, в устном слове, и мог бы варварам в козлиных шкурах творить их чудесные мифы. Дописьменной поэзии не нужны были детали, предметные признаки, и потому у Кузнецова никогда не найдём ни ландшафтных, ни бытовых подробностей. Как говорит сам поэт: «Я в людях ценю то, что есть в них от вечного, непреходящего. Да и не только в людях. Например, можно любить Европу — женщину — абстрактно, а можно по-человечески, как героиню бессмертного мифа, быть, так сказать, соперником Зевса, проблему времени снять. Людей ты в понятие не вместишь.

Они шире и глубже любого понятия. В образ — может быть, и вместишь. В символ — тем более». И потому его поэзия — всегда поэзия символов. Он всё поднимает до уровня чуда. Для него простой человек — всегда мудрый человек. Мир его подробностей — вне быта, это сапоги повешенного солдата, идущие мстить сами по себе, это череп отца, по-шекспировски дающий ответ на тайну земли, это младенец, вырезанный из тела матери, чтобы потом стать Сергием Радонежским... Деталь, уплотнённая, обобщённая до символа.

Как творец чудесных символов — он философ и мыслитель, но как поэт дописьменной поры, поэт первичных смыслов, — он неприемлет философскую лирику. Бытие манит в бездну. Он стремится к бездне, но никогда не поглощаем ею, ибо в бездне мирового простора он просматривает и лучи русской Победы. Там, где другие цепенеют от страха и растворяются в небытие и Русский мир лишь стоически крепнет как символ мирового духа.

*Я скатаю родину в яйцо.
И оставлю чуждые пределы,
И пройду за вечное кольцо,
Где никто в лицо не мечет стрелы.
Раскатаю родину свою,
Разбужу её приветным словом
И легко и звонко запою,
Ибо всё на свете станет новым.*

Владимир БОНДАРЕНКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.
Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.
Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтные.
Всякий раз, когда мать его ждёт, —
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.

1972

* * *

Друг от друга всё реже стоим
В перебитой цепи воскрешений.
Между нами фантомы и дым...
Мы давно превратились в мишени.
Что нам смерть! На кабы и авось
Столько раз воскресало славянство.
Наше знамя пробито насквозь,
И ревёт в его дырах пространство.
Застит низкого солнца клочок
Тёмной воли картавая стая.
Но косится в бою твой зрачок,
Голубиную книгу читая.

1988

ОТПОВЕДЬ

Что за племя на свет народилось?
 Не прогнать и собакой цепной.
 Обделила их Божия милость,
 Так желают урвать от земной.
 Раз поэт, открывай свою душу.
 Те стучатся, а эти стучат
 И трясут мою славу, как грушу.
 — Кто такие? — Свои, — говорят.
 Кроме наглых надежд и тумана,
 Ни крестов, ни кустов, ни идей.
 Ах вы голые карлы обмана,
 Постыдились хотя бы людей!
 Плащ поэта бросаю — ловите!
 Он согнёт вас до самой земли.
 Волочите его, волочите,
 У Олимпа сшибая рубли.
 Вон отсель поперечно-продольно,
 Проходимцы души и дорог.
 Не хочу. Презираю. Довольно
 Обивать мой высокий порог.

1985

* * *

Полюбите живого Христа,
 Что ходил по росе
 И сидел у ночного костра,
 Освещённый, как все.
 Где та древняя свежесть зари,
 Аромат и тепло?
 Царство Божье гудит изнутри,
 Как пустое дупло.
 Ваша вера суха и темна,
 И хромает она.
 Костыли, а не крылья у вас,
 Вы разрыв, а не связь.
 Так откройтесь дыханью куста,
 Содроганью зарниц
 И услышите голос Христа,
 А не шорох страниц.

2001

* * *

Я пил из черепа отца
 За правду на земле,
 За сказку русского лица
 И верный путь во мгле.
 Вставали солнце и луна
 И чокались со мной.
 И повторял я имена,
 Забытые землёй.

1977

РУССКИЙ МАЯТНИК

Качнулся влево русский маятник,
 И нас налево занесло.
 Налево чёрт, как понимаете,
 Увеличительное зло.
 Во всю ивановскую маятник
 Ударил чёрта между глаз.
 Идут часы, как понимаете,
 И нас качает всякий раз.
 На этом сказка не кончается,
 Она уходит вглубь и вширь,
 Где русский маятник качается,
 Как на распутье богатырь.
 Качнётся вправо русский маятник.
 Направо Бог. Он нас простит.
 Часы идут, как понимаете,
 Покамест богатырь стоит.

2001

* * *

В воздухе стоймя летел мужик,
 Вниз глядел и очень удивлялся
 И тому, что этот мир велик,
 И тому, что сам не разбивался.
 Так-то так. Но он не знал того,
 Пролетая над частями света,
 Что таким представила его
 Дикая фантазия поэта.
 Между тем поэт о нём забыл:
 Голова на выдумки богата,
 А мужик летит среди светил,
 И, пожалуй, нет ему возврата.

1990

ФЕДОРА

На площадях, на минном русском поле,
 В простом платочке, с голосом навзрыд,
 На лобном месте, на родной мозоли
 Федора-дура встала и стоит.
 У бездны, у разбитого корыта,
 На перекате, где вода не спит,
 На черепках, на полюсах магнита
 Федора-дура встала и стоит.
 На поплавке, на льдине, на панели,
 На кладбище, где сон-трава грустит,
 На клавише, на соловьиной трели
 Федора-дура встала и стоит.
 В пустой воронке вихря, в райской куще,
 Среди трёх сосен, где талант зарыт,
 На лунных бликах, на воде бегущей
 Федора-дура встала и стоит.

На лезвии ножа, на гололёде,
На точке і, откуда чёрт свистит,
На равенстве, на брани, на свободе
Федора-дура встала и стоит.
На граблях, на ковре-пансамолёте,
На колокольне, где набат гремит,
На истине, на кочке, на болоте
Федора-дура встала и стоит.
На опечатке, на открытой ране,
На камне веры, где орёл сидит,
На рельсах, на трибуне, на вулкане
Федора-дура встала и стоит.
Меж двух огней Верховного Совета,
На крыше мира, где туман сквозит,
В лучах прожекторов, нигде и где-то
Федора-дура встала и стоит.

1993

ПЛЕНЕНИЕ СТИХОМ

Во славу Бога ночь тиха.
Я вижу: мир стоит возможный,
И ты сидишь в углу стиха,
Мой чуткий друг неосторожный.
Ты говоришь с самим собой,
Я слышу голос поневоле:
Частенько с собственной судьбой
Ты расходился в чистом поле.
Как знать! Быть может, ничего
Тебе судьба не обещала.
Бог есть и как бы нет его —
Вот что за мысль тебя смущала.
Остатки мебели круша,
Ты между стен устал скитаться.
Не может грешная душа
Наедине с собой остаться.
Однажды ветер разорвал
Туман меж Богом и тобою,
И зазвенел, и засиял
Свет над землёю и водою.
Во славу Божью ночь тиха.
Ты на свободу взор направил,
Ты вышел духом из стиха,
Но тень свою ты в нём оставил.

1995

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК

Он возвращался с собственных поминок
В туман и снег, без шапки и пальто,
И бормотал: — Повсюду глум и рынок.
Я проиграл со смертью поединок.
Да, я ничто, но русское ничто.
Глухие услышали человека,
Слепые увидали человека,

Бредущего без шапки и пальто;
Немые закричали: — Эй, калека!
А что такое русское ничто?
— Всё продано, — он бормотал с презрением, —
Не только мои шапка и пальто.
Я ухожу. С моим исчезновением
Мир рухнет в ад и станет привидением —
Вот что такое русское ничто.
Глухие человека не слышали,
Слепые человека не видали,
Немые человека замолчали,
Зато все остальные закричали:
— Так что ж ты медлишь, русское ничто?!

1994

СОН КОПЬЯ

В этот храм я вхожу, как во сне,
Покоряясь стенам и иконам.
Вот и всадник на белом коне —
Задремало копьё над драконом.
Словно дух, перед ним я стою
Триста лет и семьсот одинако.
Что-то странное снится копьёю:
Равновесие света и мрака.

1993

МОЛЧАНИЕ ПИФАГОРА

Он жил и ничего не мог забыть,
Он камень пронизал духовным зреньем.
Ему случалось человеком быть,
И божеством, и зверем, и растеньем.

Свои рожденья помнил с оных пор
И в нескольких местах бывал он разом.
Река встречала: — Здравствуй, Пифагор! —
Он проходил: — Прощай, мой бывший разум!

Он в тишине держал учеников
И вёл беседы только через стену.
И измышлял для будущих веков
Мусическую стройную систему.

Он говорил: — Она должна звучать,
Но тайно, как община на Востоке. —
Об истине предпочитал молчать,
Но позволял окольные намёки:

«Не спорь с народом. Слово нагишом
Не выпускай: его побьют камнями.
Живой огонь не шевели ножом:
Он тело Бога. Не любись с тенями...»

Он толковал на берегу морском,
Где волны отливали синим светом:
— Мы промолчать не можем обо всём,
Так помолчим хотя бы вот об этом!

Он ставил точку в воздухе, как рок:
— Вот точка духа. Вот его основа!
Всё остальное мировой поток,
То бишь число. А посему ни слова!..

Он этим ничего не утвердил
И в прошлый раз на берегу пустынном,
Когда он треугольник начертил:
— Вот красота! Тут множество в едином.

Безмолвствует такая красота,
Она не для обычного сознания.
Он первым из людей замкнул уста
И сей завет назвал щитом молчанья.

Своим молчаньем он сказал о том,
Что истина рождается не в спорах.
Но многие философы потом
Жизнь провели зазря в словесных орах.

Есть немота, по ней легко узнать
В любой толпе иного человека:
Он хочет что-то важное сказать,
Его душа немотствует от века...

Река времён всё помнит и шумит,
Безмолвствует и спит река забвенья,
Одна река мерцает и дрожит,
Другая — тень застывшего мгновенья.

Какие прошумели племена
На берегу печали и раздора!
Какие пролетели времена
Над златобедрым прахом Пифагора!

Великая любовь не говорит,
А малая хохочет и болтает.
Великая печаль не голосит,
А малая и ропщет и рыдает.

Любовь слила два сердца — взор во взор,
Они молчат на берегу пустынном.
Ни слова, о, ни слова, Пифагор,
О красоте, чья двойственность в едином!

У вечного покоя не шумят,
А для других стоят в молчанье строгом.
Не просто так покойники молчат,
А чтоб душа заговорила с Богом.

ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ

Раздел математики, изучающий закономерности случайных явлений, их свойства и операции над ними. Во второй половине XIX века основной вклад в развитие теории вероятностей внесли: **Пафнутий Львович Чебышёв** (1821–1894), величайший, наряду с Николаем Ивановичем Лобачевским, русский математик XIX века; **Андрей Андреевич Марков** (1856–1922), создатель теории цепей, названной его именем, некогда считавшейся абстрактной, но со временем нашедшей множество практических применений; и **Александр Михайлович Ляпунов** (1857–1918), чьи работы по теории устойчивости движения служат сегодня научным фундаментом теории различных автоматических устройств, в частности, систем управления полётом самолётов и ракет. Современный вид теории вероятностей обрела благодаря аксиоматизации, предложенной советским учёным **Андреем Николаевичем Колмогоровым** (1903–1987), одним из крупнейших математиков XX века. Первоначальный вариант общепринятой для математического описания теории вероятностей аксиоматики был предложен учёным в 1929 году, окончательный вариант — в 1933.

Затишье перед битвой чутко спит,
Безмолвье после битвы спит глубоко.
Душа живая около молчит,
А души мёртвых... те молчат далёко.

Бывало, в бой стеной молчанья шли:
Ни голоса, ни выстрела, ни звяка.
Психической атаку нарекли.
Психея, ты молчишь? Твоя атака!

Ты помнишь зал? Беспечный бал гремел.
Но ты вошла — и все как онемели.
И кто-то молвил: «Ангел пролетел!»
Не только ангел. Годы пролетели!..

Молчанье — золото, слово — серебро,
А жизнь — копейка с мелким разговором.
Silentium! Вытряхивай добро,
Сдавай бутылки вместе с Пифагором!

Когда молчать преступно, то умри,
Не покупай народного вниманья!
В речах вождей блистает изнутри
Дешёвая фигура умолчанья.

Что шепчет демон, ухо щекоча?
Откуда в слабой женщине болтливость?
Где кротость духа? Где его свеча?
Шумит свобода. Где её стыдливость?..

Вперёд, вперёд! Веди, угрюмый стих!
Веди меня по всем камням-дорогам
К безмолвью просветлённых и святых,
Обет молчанья давших перед Богом.

Веди в подвалы вздыбленных держав,
Где жертвы зла под пытками молчали;
Ни истины, ни правды не предав,
Они самозабвенно умирали.

Замри, мой стих!.. Безмолвствует народ
В глухой долине смуты и страданья.
И где-то там, из мировых пустот,
Очами духа светит щит молчанья.

1991

НЕВИДИМАЯ ТОЧКА

Я надевал счастливую сорочку,
Скитаясь между солнцем и луной,
И всё глядел в невидимую точку —
Она всегда была передо мной.

Не засекали её радары мира,
Не расклевало злое вороньё,
Все пули мира пролетали мимо,
И только взгляд мой западал в неё.

Я износил счастливую сорочку,
Я проглядел чужое и своё.
И всё смотрел в невидимую точку,
Покамест мир не сдвинулся с неё.

Смешалось всё и стало бесполезно.
Я растерял чужое и своё.
В незримой точке зазяла бездна —
Огонь наружу вышел из неё.

И был мне голос. Он как гром раздался:
«Войди в огонь! Не бойся ничего!» —
«А что же с миром?» — «Он тебе казался.
Меня ты созерцал, а не его...»

И я вошёл в огонь, и я восславил
Того, Кто был всегда передо мной.
А пепел свой я навсегда оставил
Скитаться между солнцем и луной.

2001

Константин Качев: «Троица». Холст, масло. 2001

/ Римма СОКОЛОВА¹/

Философия чуда

В поисках теоретического осмысления

(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)

Россия сегодня живёт в ожидании неизвестного будущего, вползая в опасное и нестабильное межвременье. Как будет протекать дальнейшее развитие государства, никто не может предсказать с полной уверенностью. Поток сложнейших проблем и противоречий в стране резко усилился, а адекватная система методов и процедур их решения до сих пор отсутствует. В такой ситуации, которая становится всё более неопределённой, с непонятным исходом, должны быть привлечены новые способы исследования, возникшие, в частности, в рамках синергетики, нелинейной динамики, теории неравновесных систем, а также в философии. К последней, к сожалению, менее всего обращаются и политические аналитики, и власти предрешающие. Отчасти, может быть, потому, что её понятийный аппарат не вполне отражает реалии настоящего времени, сложные коллизии современности. Привычные понятия, выработанные в академической тиши прежней социальной философией, не улавливают вибраций происходящих в мире тектонических сдвигов.

Для России с её сложной и драматичной судьбой, когда регулярно приходилось пребывать в предельной, пограничной ситуации и стоять перед выбором — выжить или погибнуть, — задача поиска новых и в то же время адекватных её истории понятий является особенно актуальной. Недаром же А. С. Пуш-

кин ясно говорил, что «объяснение русской истории требует другой формулы». Представляется, что такой формулой и таким ёмким понятием, отражающим отчаяние и в то же время последнюю надежду миллионов людей в России, является понятие чуда. Это понятие воплотило в себе опыт по выживанию народа в исключительных обстоятельствах. Отказываться от такого опыта было бы безрассудно.

Сегодня большинство людей в России разувверилось и в окружающей действительности, и в своих силах что-то изменить рациональными средствами, многие надеются лишь на чудесное решение, которое является кому-то в религиозной, а кому-то в квазирелигиозной форме. Но не только народ уповаёт на чудо, это свойственно также и представителям интеллигенции. Так, например, в драматические 1990-е годы знаменитый русский учёный и писатель Игорь Шафаревич пришел к выводу, что с точки зрения логики никаких надежд на то, что Россия выживет, нет... но ведь бывает же чудо! Вот на него и надо надеяться. А известный писатель Захар Прилепин написал: «В России осталась только одна рациональная категория — это русское чудо. Вот в него я искренне верю и на него уповаю, потому что все остальные мои представления о действительности не столь радужны».

Констатируя то или иное чудо, авторы, пишущие на эту тему, как правило, употребляют

¹ Соколова Р.И. — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

его в виде лаконичной метафоры, ёмко выражающей необычайные достижения и успехи, и не рассматривают в качестве философского понятия. Непривычность обращения к такому понятию может вызвать в качестве первой реакции недоумение, а возможно, и неприятие. Однако представляется, что именно концепт чуда применительно к России может закрыть некоторые зияющие эвристические пробелы. К сожалению, за небольшими исключениями², всерьёз никто в философском плане не обсуждает феномен чуда в России, а также его проективную силу и возможности.

Хотя «русское чудо» семантически стоит в одном ряду с немецким, японским и прочими примерами чуда, их основания существенно различаются. Не вдаваясь в подробности этих различий, отметим лишь, что к истории российского государства это понятие применимо более чем к кому-либо. Прежде всего, чудом было само возникновение русского государства. Тот факт, что не слишком многочисленное славянское племя, сумев одолеть своих недругов, собрало вокруг себя около сотни народов и, охватив своим творчеством самое большое и суровое в мире пространство, создало величайшую державу, которую успешно обороняло в течение столетий, — безусловно, является *геополитическим чудом*. Его наглядная иллюстрация — географическая карта, которая сама по себе остается действенным лекарством от комплекса неполноценности, усиленно внушаемого русскому народу.

История России как *история непрерывных оборонительных войн* складывалась таким образом, что без событий невероятных, т. е. чудесных, она, вероятно, уже не существовала бы. Согласно подсчётам известного историка С. Соловьёва, Россия в течение своего *первого* сравнительно спокойного периода (около 800–1237 гг.) должна была отражать военное нападение в среднем *каждые четыре года*. В период 1240–1462 гг. ей пришлось отражать *двести* новых вторжений, т. е. *почти каждый год*. По данным современного историка И. Фроянова, за 537 лет от Куликовской битвы до Первой мировой войны Россия воевала 334 года. Из них одну войну она вела против девяти держав, две войны — против пяти держав, двадцать пять войн — против трёх держав и тридцать семь войн — против двух держав

² К числу таких исключений относится, например: Казин А.Л. Русские чудеса. История и судьба. СПб, 2011.

ЭКРАНОПЛАН

Первый отечественный экраноплан, созданный советским кораблестроителем **Ростиславом Евгеньевичем Алексеевым** (1916–1980), совершил первый полёт 22 июля 1961 года. Аппарат летал с использованием экранного эффекта — воздушной подушки, образуемой набегающим потоком воздуха. «Крыло» экраноплана создаёт подъёмную силу не только за счёт разреженного давления над верхней плоскостью, как у самолётов, но и за счёт повышенного давления под нижней плоскостью, достичь которого возможно лишь на небольших высотах — от нескольких сантиметров до нескольких метров. Экранопланы могут эксплуатироваться на маршрутах, недоступных для обычных судов. Наряду с более высокими гидроаэродинамическим качеством и мореходностью экранопланы обладают амфибийными свойствами. Помимо водной глади они способны передвигаться над твёрдой поверхностью (земля, снег, лёд) и базироваться на ней. Таким образом, экраноплан объединяет в себе лучшие качества судна и самолёта.

одновременно. Это значит, что на *каждые три года* жизни приходится *два года войны и один год мира*. После Первой мировой войны — революция 1917 г., Гражданская война, Великая Отечественная война, холодная война, события 1990-х годов, принесшие хаос, две чеченские войны, разруху и деградацию страны. **По всем рациональным выкладкам экономического, политического порядка Россия не должна существовать.** И то, что Россия всё ещё существует, как отмечает известный отечественный философ А. Казин, уже есть чудо.

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЧУДА

Проблема чуда не может получить философского решения независимо от исследования основных положений гносеологии и метафизики и, следовательно, предполагает то или иное мирозерцание, основой которого является понимание причинности. Различные необычайные и необъяснимые явления становятся чудом только при определённом способе их истолкования. Однако при скептической или естественнонаучной оценке всегда есть возможность отрицать наличие чуда и объяснять такие явления или фальсификацией фактов, или галлюцинациями, или неизвестными ещё явлениями и законами природы.

Древнегреческие философы трактовали понятие «чудо» в рамках религиозно-мистических представлений. Такой подход нашёл отражение в мировоззрении Гераклита, а ещё больше — у пифагорейцев, признававших непосредственное влияние богов и демонов на человеческую жизнь и установивших мистические культы героев и праотцов. Практически во всей древней и средневековой философии понятие «чудо» вводилось в область религиозно-философских взглядов, не вступая в противоречие ни с гносеологическими, ни с метафизическими постулатами своего времени.

Только в философии Нового времени понятие «чудо» встречает решительный протест. Б. Спиноза, например, прямо отождествляет понятие «чудо» с понятием «неведение». Ещё более резкие возражения против чуда последовали со стороны представителей

эмпиризма, считавших законы природы всеобщими и необходимыми нормами в последовательности явлений. К решительным противникам чудесного следует отнести также Канта, осмеявшего в своих «Грёзах духовидца» видения Сведенборга. Мир не может мыслиться иначе как подчинённым неизменным правилам последовательности, выражающимся в законах природы. Согласно Канту, нарушение их не только весьма маловероятно, но даже логически немыслимо. С точки зрения Фихте и Гегеля, вера в чудеса не только не требуется для религиозного благочестия, но даже вредит ему и вообще не соответствует возвышенному характеру духовной религии. Только в духе, в проявлениях его разумности и свободы следует видеть сверхъестественное, а не в явлениях чувственного мира. Отрицательное отношение к чуду обнаруживают также *материалистические* и *позитивистские* системы философии Нового времени. В этих учениях вся познаваемая действительность сводится к связи материальных или психических феноменов.

Вопреки этому защитником некоторых видов чудесного, причём весьма сильным и остроумным, выступил Шопенгауэр, объяснявший явления ясновидения и духовидения в связи со своей теорией сна. Среди новейших теорий чудесного представляет интерес «философия мистики» немецкого оккультного писателя д-ра Преля, различавшего в человеческой природе чувственного и трансцендентального субъекта, обладающего способностью интуитивного созерцания вещей. В целом же новейшая философия религии обнаруживает несомненную склонность построить религиозное мирозерцание без помощи каких-либо супранатуралистических³ воззрений и даже устранить их как совершенно побочный мифологический элемент.

Выдающийся русский религиозный мыслитель о. Павел Флоренский в статье «О суеверии и чуде» (1903) связывал идею чуда с переживанием мира в целом и каждого конкретного факта человеческой жизни как божественного промысла, как результата действия Бога. Чудо возникает лишь при готовности человека рассматривать некий факт как благой и идущий от Бога, т. е. способность человека обнаруживать и констатировать чудо остаётся

³ Этот термин имеет более узкое (теологическое) и более широкое (философское) значение. В первом смысле означает противоположность рационализму, во втором — натурализму.

Игорь Шуршаков в соавторстве с Л. Скуповой: «Гамаян». Холст, темпера, поталь, кабошоны. 2010

субъективным делом. Другую сторону чудесного акцентировал Василий Розанов. В статье «Чудесное в жизни и истории» (1901) Розанов увязывал чудо как вторжение в ход вещей сверхъестественных сил с нарушением законов природы, с «выходом из области *prevoir*⁴».

В XX веке наблюдается возрождение интереса к чуду и расширение его толкования благодаря достижениям этнографии и антропологии, а также психологизации понятия чудесного, апофеозом которого стало учение К.Г. Юнга об архетипах. Кроме того, возросшее осознание того, что окружающий мир объективно является неоднозначным, давшее толчок экспансии вероятностных методов и вероятностного мышления в естественных науках, заставило философов пересмотреть своё понимание причинности применительно к понятию чуда⁵.

Однако наиболее основательно и подробно не только в истории русской, но, возможно, и мировой философской мысли, как считают некоторые исследователи, понятие чуда рассматривается в книге **А.Ф. Лосева** «Диалектика мифа», лучшим разделом которой являются параграфы, посвящённые именно разъяснению категории «чудо». Лосев полагает, что распространённое представление о чуде как о чем-то нарушающем законы природы и вносящем хаос в мировой порядок, глубоко ошибочно. Как можно утверждать, что чудо есть нарушение законов природы, если неизвестно, какова степень реальности самих законов? Наука сама по себе ничего не говорит о сущности природы. Да и само механистическое мировоззрение есть плод метафизического дуализма картезианской школы, по которому субъект и объект разделены раз и навсегда непроходимой пропастью: субъект ни в каком смысле не есть объект, а объект ни в коем случае не есть субъект, из-за чего субъект мыслится как чистое мышление, а объект — как чистое протяжение, механизм. Абсолютно механистическое мировоззрение, подчёркивает Лосев, есть вредная рационалистическая и дуалистическая метафизика — печальный плод господствовавшего

в течение веков либерализма — политического, философского и религиозного⁶.

Согласно Лосеву, явление, совершенно точно вытекающее из системы мирового механизма, может быть иной раз гораздо большим чудом, чем что-то труднообъяснимое. Помимо механистической теории Лосев обратил внимание на ещё целый ряд объяснений чуда, которые почти все страдают одним существенным недостатком, а именно: заменяют анализ самого понятия манифестацией собственного отношения к этому понятию (чудо как продукт первобытного анимизма, как результат гипноза, внушения, вымысла и т.д.).

В чуде, утверждает Лосев, мы имеем дело прежде всего с совпадением или, по крайней мере, с **взаимоотношением и столкновением двух разных планов действительности**, что, по-видимому, и заставляло многих говорить и о вмешательстве высших сил, и о нарушении законов природы. Но прежде всего, чудо есть взаимоотношение двух (или большего числа) личностных планов. Что это означает? В чуде встречаются: 1) личность сама по себе, вне своего изменения, вне всякой истории, личность как идея, как принцип, как смысл всего становления, как неизменное правило, по которому равняется реальное протекание; 2) сама история этой личности, реальное её протекание и становление⁷.

При этом присутствует нечто третье, по сущности своей ничего общего не имеющее ни с тем, ни с другим. Это третье должно быть настолько же идеей, насколько и становлением. Это то, что руководит всем становлением, то, что есть подлинный первообраз, чистая парадигма, идеальная выполненность отвлечённой идеи. Рассчитывать, что в данном случае реальное вполне воплотит свою идеальную заданность, мы не имеем ровно никаких оснований, подчёркивает Лосев. Тем более нужно считать удивительным, странным, необычным, чудесным, когда оказывается, что личность в своём историческом развитии вдруг, хотя бы на минуту, выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает

⁴ Prevoir (фр.) — предсказуемое, то, что можно предвидеть.

⁵ Кстати говоря, вероятностный метод использовался в японском штабе перед битвой с американцами у атолла Мидуэй во время Второй мировой войны. Брошенные кости выпали в немыслимой, невероятной комбинации, которая означала: девять попаданий бомб и три потопленных авианосца. В реальности так и произошло. См. С. Перслегин. Тихоокеанская премьера. М., 2009.

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2008. С. 205–206.

⁷ Лосев А.Ф. Указ соч. С. 213.

предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. Это и есть настоящее место для чуда⁸. Таким образом, чудо, по Лосеву, — это диалектический синтез двух планов личности, когда она **целиком и полностью выполняет лежащее в глубине её исторического развития задание первообраза**. Стало быть, чудо в своей основе обладает характером извещения, проявления, возвещения, свидетельства, удивительного знамения, манифестации, как бы пророчества. Это — модификация смысла фактов и событий, а не самые факты и события. Это — определённый метод интерпретации исторических событий, а не изыскание каких-то новых событий как таковых⁹.

Если Лосев даёт философскую, диалектическую разгадку чуда, то современный мыслитель **Сергей Переслегин** в своей статье «Стратегия чуда или введение в теорию неаналитических операций»¹⁰ приводит понимание чуда исходя из других теоретических оснований. Тем не менее в некоторых пунктах он приходит к похожим выводам, разрабатывая теорию чуда главным образом применительно к военным действиям и опираясь при этом на восьмиконтурную модель психики известного американского психолога и писателя Т. Лири¹¹.

На основании данной модели поведение человека может быть представлено как результат взаимодействия нескольких жёстко закреплённых (импринтированных) паттернов¹². Особое значение среди них имеет пятый, или нейросоматический контур (высокоэнергетическая структура), который связан с корой и подкоркой правого полушария мозга. Нейросоматический контур отвечает за интуитивные озарения и с точки зрения технологии чуда (на примере военного искусства) всегда связан с возбуждением в психике военного главнокомандующего нейросоматического уровня, позволяющего построить и навязать своим войскам нестандартные операции

⁸ Лосев А.Ф. Указ соч. С. 214–216.

⁹ Там же. С. 216–217.

¹⁰ Переслегин С.Б. Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций // Лидделл Гарт Б.Г. Вторая мировая война. М., СПб. 2003.

¹¹ Leary, Timothy. Neuropolitics: The Sociobiology of Human Metamorphosis. — Los Angeles, California, 1977.

¹² Паттерн (англ. pattern) — образец, шаблон, система, модель, отпечаток.

ГИРОСКОП

Пионер гироскопической техники — **Пётр Петрович Шиловский** (1871–1957), русский государственный деятель, изобретатель-самоучка. Создатель «устройства для сохранения равновесия повозок или других находящихся в неустойчивом положении тел» (1909), модели монорельсовой железной дороги с гиросtabilизированным поездом (1911), гиросtabilизированного двухколесного автомобиля (1914). В годы Первой мировой войны разработал модель гироскопического успокоителя корабельной качки и «ортоскоп» (гироскопический курсоуказатель), проверенный, в частности, на самолёте «Илья Муромец». В 1919 году создал проект монорельсового железнодорожного пути из Петрограда в Гатчину. Поезд должен был состоять из двух вагонов и двигаться со скоростью 150 км/ч. К 1922 году под руководством Шиловского была построена часть пути длиной около 12 км; но затем работы прекратились из-за разрухи и нехватки средств.

против врага — так называемый безумный «тоннель Реальности». Под ним можно понимать издревле известное явление «предварительного преодоления обстоятельств», проявляющееся в классической формуле: «безумцам сопутствует удача». Эта формула связывает неаналитические операции с безумием, но понимаемом не в психиатрическом смысле, а скорее в смысле Лосева — как настройку личности командующего на тот идеал, которого требует данная военная операция в данных исторических обстоятельствах.

Другими словами, мышление на уровне пятого контура позволяет увидеть победу, средства, при помощи которых она будет достигнута, и «чудеса», которые для этого понадобятся. Здесь кроется секрет «странных инноваций»: они отнюдь не берутся «с потолка», но привносятся в мир интуитивными озарениями. Каждое такое новшество поэтому имеет смысл, хотя сплошь и рядом он скрыт от аналитического истолкования, т. е. происходит чудо, которое, как и у Лосева, есть соответствие некоему идеалу.

Значительно более богатые ресурсы содержит шестой — нейрогенетический контур. Если интуитивные озарения пятого контура происходят все-таки на уровне личности, то шестой контур включает в работу коллективный мозг всего социума — архетипические конструкты, коллективное бессознательное. Это уровень неких мифологических представлений и иных информационных объектов. В военной стратегии шестой контур — «кольцо Всевластья» позволяет решать любые задачи. Тогда и происходит чудо, участником которого является весь народ, вся страна, как это было во время Великой Отечественной войны.

Представляется, что при всём своём кажущемся различии и даже противоположности приведённые на природу чуда точки зрения Лосева и Переслегина обладают внутренней дополнительностью и тем самым позволяют более полно и глубоко понять этот феномен. Выясняется, что **чудо есть невообразимое событие**, а вовсе не необъяснимое или маловероятное. Такое событие как бы «выламывается» из привычного хода вещей и, как правило, кардинальным образом меняет этот ход. При этом становится также ясно, что предельность понятия чуда требует выхода за рамки гуманитарных наук и коренного переосмысления знаний, накопленных не только философией, но и психологией, физиологией и т. д.

ПРИМЕРЫ ЧУДА В ИСТОРИИ РОССИИ

Справедливости ради необходимо привести и иные примеры, которые не укладываются в рамки подходов Лосева или Переслегина. Так, из истории известно чудо спасения Москвы и всей Руси от нашествия непобедимого хана Тамерлана (1395 г.). Он шёл на Русь с самой мощной по тем временам армией в мире, завоевавшей половину Евразии. А Московское княжество было тогда слабым данником татарского хана Тохтамыша и ещё не оправилось от разгрома 1382 г., последовавшего как месть ордынцев через два года после Куликовской битвы. Тамерлан шёл, разоряя и сжигая всё на своём пути. Ему оставалось менее ста километров до Москвы, победа над которой поставила бы вопрос не только о Московском княжестве, но и обо всём будущем Руси, России. Молодой московский князь Василий вышел навстречу непобедимой армии с небольшим войском, чтобы доблестно пасть в битве с врагом. Надежда была только на чудо. И тогда митрополит Киприан послал во Владимир посольство священников за великой святыней Руси — чудотворной иконой Пресвятой Богородицы. В предместье Москвы люди встретили икону и опустились перед ней на колени. Как пишут летописцы, люди просили не о себе, а о спасении Земли Русской. Тогда и произошло то, о чём до сих пор спорят историки. Во сне Тамерлану явилась Божья Матерь и приказала оставить московские пределы. И Тамерлан, утраченный этим видением, наутро развернул войска от совершенно незащищенной Москвы и направился на юг, где наголову разбил Тохтамыша, практически освободив тем самым Русь от многовекового ордынского ига.

Существуют многочисленные свидетельства явлений Пресвятой Богородицы русским воинам на фронтах Первой и Второй мировых войн. Для русских православных христиан во многих богородичных иконах и праздниках и поныне воплощена идея молитвенного заступничества и ходатайства Пресвятой Богородицы за наше Отечество.

Но вернёмся от этих мистических примеров к более понятной, экзистенциальной интерпретации чуда. Возьмём за исходное определение военного чуда то, которое предлагает С. Переслегин: «Будем называть чудом всякое боевое столкновение, исход которого столь сильно отличается от нормального, что это не может быть объяснено с точки зрения ста-

тистической гипотезы. Подчеркнём, что речь идёт в данном случае о событиях скорее невероятных вообще, чем маловероятных»¹³.

Достаточно вспомнить, как западноевропейские народы в течение столетий пытались использовать тяжелое положение русских, борющихся против азиатского Востока и Юга для утоления жажды завоеваний на восточных равнинах. В результате в России создалась совершенно особая ситуация: расположенная на незащищённой равнине, она была со всех сторон зажата, изолирована и осаждаема — на востоке, юго-востоке, западе и северо-западе. Это было похоже на «континентальную блокаду»... Русская история развивалась так, что для неё не было никакого выбора: или *надо было сражаться*, или *быть уничтоженными*; вести войну или превратиться в рабов и исчезнуть. Но России каждый раз удавалось возродиться из пепла.

По сути, речь идёт о «механизме» русского чуда, которое не раз являлось на протяжении столетий. Сюда относятся стремительное возвышение Москвы и концентрация вокруг неё земель в ситуации монгольской оккупации Руси; сбор войска под знамёна князя Дмитрия и длань Преподобного Сергия; фантастический по размаху бросок в Сибирь русских воинов и первопроходцев; возникновение народного ополчения в период безначалия Смутного времени, что позволило вышвырнуть интервентов из Кремля; дерзкий альпийский переход Суворова; неожиданный и дикий манёвр войск Кутузова, уничтоживший наполеоновскую Европу. На обугленных скрижалях грандиозного XX века записаны примеры великих чудес и преображений России. Как из февральских обломков и осколков, в ужасных условиях разрухи удалось большевикам вновь восстановить границы Империи? Как обессиленная страна из нэповского застоя смогла перейти в фазу индустриализации и спасительной военной модернизации? Каким образом удалось в считанные недели начала войны перенести промышленность и оборонный комплекс из Центральной России за Урал, а затем остановить наступление дивизий вермахта под Москвой?

Запад всеми силами пытается забыть о блокадном Ленинграде, настолько всё случившееся поражает человеческое воображение, мозг отказывается верить в то,

что человеческие существа способны на такие подвиги без вмешательства божественных сил. 250 граммов хлеба с древесными опилками в день для работающих физически, 125 — остальным. Учёные утверждают, что от такого питания к весне 1942 г. город должен был вымереть полностью. Но он не только не вымер, но заводы производили вооружение, рабочее ополчение не отступало ни на шаг, умирающие от голода актёры давали концерты и играли на сцене, падающие от голода люди сбрасывали «зажигалки» с крыш. И так три года. Из 2 млн населения к концу блокады осталось чуть более 500 тысяч, но даже речи не было о том, чтобы сдаться. Люди, отправлявшие грузы в Ленинград, вспоминают: «Мы грузили муку для ленинградцев, у самих дети сильно голодали, часто никакой охраны вообще не было, но даже мысли не было что-то себе взять». «Отправляли хлеб, никто ничего не взял, даже в голову не пришло». Это те самые вчерашние крестьяне, которые ещё сравнительно недавно прятали от властей хлеб. И это поведение стало в те героические годы обыденностью.

Таким образом, России не раз в истории приходилось выбираться из ситуаций, совершенно исключительных и безнадежных, демонстрируя способность возрождаться после поражений и катастроф. Готовность к молниеносной мобилизации, непреклонный стоицизм перед лицом опасности, героическое воодушевление и жертвенность в деле отстаивания своих идеалов были присущи народу в полной мере. Наиболее сильно и в полной мере эти черты проявлялись в момент внешней угрозы и в периоды внутренней смуты. Как будто в народе сидит и ждёт своего часа особый засадный полк, готовый в самый важный момент выдвинуться на передние рубежи: удвоить, утроить натиск, нанести решающий победный удар. Не случайно в середине 1950-х годов потрясающие достижениями нашей державы за рубежом так и назвали — «русское чудо». А в 1963 г. немецкие кинематографисты назвали свой обошедший все экраны мира фильм «Русское чудо».

«ТЕХНОЛОГИЯ» ЧУДА

Чудо есть вторжение иной, несуществующей для нас реальности в привычный, живущий

¹³ Переслегин С.Б. Указ соч.

Состояние героя сопровождается сильнейшей генерацией духовной энергии. Именно сила духа не раз спасала страну и жизнь тех, кто остался в живых. Характерным признаком состояния духовной активности является сильнейший энергетический подъём, который в качестве награды даёт неопишемое ощущение высшего счастья. Кстати говоря, в погоне за подобным состоянием адепты религий и психотехник проводят долгие годы, разыскивая Учителей и мечтая о Просветлении. А здесь под влиянием длительных неблагоприятных обстоятельств такой древней, невероятной силы психотехникой овладел практически целый народ, и всё это происходило почти мгновенно.

по своим законам человеческий мир. Чудо по сути — это слом старой реальности и рождение новой, установление связи между несопряжёнными мирами мультиверсума¹⁴. На сегодняшний день различными науками — от антропологии до синергетики, от квантовой физики до психологии — накоплено достаточно экспериментальных доказательств, что сознание обладает удивительным свойством сопрягать миры, материализовывать несуществующее в силу того, что человек представляет собой сложную многоуровневую энергоинформационную структуру, в которой постоянно идет энергообмен внешней (космос) и внутренней сред. О том, что всё окружающее нас пространство образует информационное поле, ещё в апреле 1982 года академик М.А. Марков докладывал на президиуме АН СССР. Он подчеркнул, что информационное поле Вселенной является не только хранителем информации, но и регулятором в судьбах людей и человечества¹⁵.

Российские учёные внесли огромный вклад в развитие нового взгляда на Мироздание, доказав, что за пределами физического мира существует ещё более сложно организованный

волновой мир. Именно волновая функция (ее синоним — Дух, в ненаучной системе понятий) управляет материальным миром, который без неё оставался бы мёртвым. Информационный контур, связанный с нейросоматическим и нейрогенетическим контурами человека, замыкает на себе потоки энергии и получает возможность целенаправленно перестраивать, т.е. менять конфигурацию бытия, объективный мир, который есть не что иное, как доступная человеку часть мультиверсума. Иллюстрацией этого положения, очевидно, и может быть пример чудесного освобождения Москвы от Тамерлана.

В идущих от древности пластах родовой памяти вера в Бога, волхвование, магия были способами воздействия сознания на реальность. Это были своего рода способы воздействия информационной субъективной компоненты мира на его материальную составляющую, воспринимаемую как обыденность, что в конечном счёте представляет собой особый тип технологий, где всё зиждется на особых способностях и знаниях человека, раскрытии его высшего потенциала. В этом смысле святоотеческий подход к чуду как к результату особого душевного настроя, духовного подвижничества и святости не противостоит «технологической» интерпретации чуда, но подводит неизбежную духовную основу под это понимание.

Немецкий генерал Гланц в своей книге неопровержимо доказал, что решающая победа над Германией была одержана именно на Восточном фронте и стала отнюдь не случайной; что исход войны решили не «генералы Грязь и Мороз», не глупость и некомпетентность Гитлера (который на самом деле был выдающимся нацистским стратегом), а мужество, самоотверженность и стойкость русского солдата, а также возросшее мастерство советского командования.

Мужество, самоотверженность и стойкость — это ставшие как бы привычными слова, над которыми мы не очень задумываемся. Но ведь именно они выражают те свойства, которые, по Лосеву, могут иметь разные степени полноты воплощения, достигая своей предельной черты, когда человек ставит на кон свою жизнь и делает

¹⁴ Термин, означающий беспредельное пространство вариантов, множественную вселенную.

¹⁵ В этой связи можно вспомнить учение о ноосфере, сформулированное ещё в 20-х годах прошлого века академиком В.И. Вернадским и получившее своё логическое продолжение и развитие в трудах академика Т.Д. Лысенко и профессора О.Б. Лепешинской.

свой ценностный выбор. **Чтобы выжить в пограничных, экстремальных условиях, народ вынужден был творить «чудеса».** В такие моменты словно какая-то волна входила в состояние резонанса в душах всего народа — и вчерашние обычные, скромные, ничем не примечательные люди становились героями самой высшей пробы. Когда накапливалась критическая масса людей, входящих в «состояние героя», начиналась цепная реакция.

Состояние героя сопровождается сильнейшей генерацией духовной энергии. Именно сила духа не раз спасала страну и жизнь тех, кто остался в живых. Характерным признаком состояния духовной активности является сильнейший энергетический подъём, который в качестве награды даёт неопишное ощущение высшего счастья. Кстати говоря, в погоне за подобным состоянием адепты религий и психотехник проводят долгие годы, разыскивая Учителей и мечтая о Просветлении. А здесь под влиянием длительных неблагоприятных обстоятельств такой **древней, невероятной силы психотехникой овладел практически целый народ, и всё это происходило почти мгновенно.**

В этой логике невозможного речь идёт, по сути, об индукции некоего подобия безумия. Сторона, дерзнувшая подготовить и осуществить невозможную операцию, должна быть чуть-чуть (или не чуть-чуть) «не в себе» с точки зрения обыденного здравого смысла. Здесь главная роль отводится не разуму, а бессознательному, таящему в себе неисчерпаемые запасы энергии. Немцы столкнулись с неукротимым потоком энергии, способным преодолеть любые трудности и препятствия, т. е. с неким подобием сумасшествия, которое и в самом деле заразительно, а также с яростной, почти религиозной верой в неизбежность чуда. **В чуде, как отмечал Лосев, возрождается память веков и обнаруживается вечность прошедшего, неизбывная и всегдашняя**¹⁶.

Замечательным эпизодом швейцарского похода Суворова был известный штурм Чёртова моста. Когда русские войска подошли к Чёртову мосту, то обнаружилось, что штурмовать его нельзя: в явном меньшинстве, без снабжения, без конницы, практически без артиллерии войска Суворова не име-

«ТРОИЦА» АНДРЕЯ РУБЛЁВА

Икона Святой Троицы («Гостеприимство Авраама») написана мастером московской школы иконописи прп. Андреем Рублёвым (около 1370–1428). Эта одна из самых прославленных русских икон, по праву считающаяся вершиной русского иконописного творчества. В её основе лежит ветхозаветный сюжет о встрече праотца Авраама с Господом, представшим перед ним у дубравы Мамвре в виде трех ангелов. Иконописец исключил из композиции Авраама и Сарру и оставил за столом только трёх ангелов, сконцентрировав на них всё внимание зрителя. Фактически это уже не традиционное «гостеприимство Авраама», а совершенно новый сюжет, полный символической глубины, отражающий триединое совершенство Бога. Автор «Троицы» первым ввел этот тип в русскую иконографию, сделав его образцом для многочисленных копий и воспроизведений. «Троица Рублёва» не имеет ничего общего с привычным византийским канонem, воспринятым и переработанным к этому времени московскими мастерами. От древнерусской живописи того времени её отличают яркие солнечные краски, прозрачные, поистине «райские» одежды ангелов, напоминающие итальянские фрески и иконы XIV — первой половины XV веков.

¹⁶ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 229.

ли шансов на успех. Несмотря на это, Суворов пришёл к своим генералам и офицерам и сказал, что штурм состоится. Те решили, что Александр Васильевич *не в себе*. То же самое было, когда он пошёл к солдатам. Тогда Суворов предложил им сдаться французам, но только через его труп. Дальше история известна — русские атаковали Чёртов мост, что само по себе было безрассудством. Солдаты, в которых Суворов стремился пробуждать чувство высшего сверхъестественного мужества, сражались настолько яростно, что по свидетельствам очевидцев, потеряв в бою оружие, хватались за камни или бежали на противника с одними ножами. Французы, прекрасно вооружённые и обладавшие численным превосходством, были разбиты. Недаром французский генерал Массена со временем скажет, что все свои победы — а их у него было немало — он отдаст за один Швейцарский поход Суворова, за 17 дней беспримерного военного подвига¹⁷. Эта битва не только для нашей страны, но и для всего мира стала символом духа русского солдата.

Однако западные комментаторы, как правило, склонны объяснять героические поступки людей, таинство русской души, её духовность исключительно сумасшествием или «дуростью» (как считал последний немецкий император Вильгельм II) только потому, что не в состоянии понять и объяснить поступки «ненормальных» русских. А объяснить не могут потому, что не могут принять то, что определяет сознание русских. Ведь в западном сознании понятие «подвиг» давно уже утрачено и заменено понятием «успех».

На приведённых выше военных примерах можно наглядно увидеть условия, контуры и механизмы «технологии» чуда. Сегодня соответствующие условия в стране налично: против российского государства разворачивается масштабная, жёсткая, целенаправленная борьба со стороны внешних и внутренних сил, а самой России уже нет места в старом мире. И остаётся только один выход: отчаянно рвануться вперёд, совершить чудо, т. е. актуализировать субъективный фактор — колоссальные внутренние возможности человека, — как это всегда происходило в годы великих испытаний. Но как раз это последнее и представляет проблему, если вспомнить

одно из метких замечаний последних лет: они знали, за что умирали, а ты даже не знаешь, зачем живешь. Немалая заслуга в этом принадлежит явным и неявным врагам России, о которых речь пойдёт ниже.

ВРАГИ ЯВНЫЕ И НЕЯВНЫЕ

Несмотря на то что Россия, пережив огромное количество войн, неизменно демонстрировала военное чудо и решимость к победе, мир по-прежнему рассматривает Россию как объект для тотального сокрушительного удара. Уже вполне открыто пишутся книги с названием вроде «Мир без России». Наша страна объявлена главным призом в геополитической схватке XXI века. Президент Дж. Буш в 2002 г. назвал Россию одной из враждебных стран и санкционировал расширение НАТО на восток, к границам страны. З. Бжезинский называет Россию «главным геополитическим призом для Америки». Он цинично замечает, что «потеря территорий не является главной проблемой для России», так как «Россия геополитически нейтрализована и исторически презираема»¹⁸. Кандидат в президенты США Митт Ромни в интервью CNN (27 марта 2012 г.) назвал Россию главным противником США и подтвердил это позднее во время предвыборной кампании. Очень откровенно высказался на этот счёт и старейшина американской дипломатии, считающийся почему-то «голубем», Генри Киссинджер, который, оценивая итоги военной кампании на Ближнем Востоке, заявил ещё в ноябре 2011 года: «Если вы не слышите, как гремят барабаны войны, вы, должно быть, глухие... Мы позволили Китаю увеличить свою военную мощь, дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали им ложное чувство превосходства, но всё это вместе быстрее приведёт их к гибели. Мы сказали военным, что должны будем занять семь ближневосточных стран, чтобы овладеть их ресурсами, и они почти закончили свою работу... Соединённые Штаты минимизируют Китай и Россию, и последним гвоздем в их гроб будет Иран... Грядущая война будет настолько серьёзной, что только одна сверхдержава может выиграть, и это будет глобальное правительство, которое выигрывает. Соединённые Штаты имеют лучшее оружие, которого не имеет никакой

¹⁷ Швейцария. У Чёртова моста//<http://botinok/co.il/node/60966>

¹⁸ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2010. С. 43, 231, 108, 239, 219.

другой народ, и мы покажем это оружие миру, когда придёт нужное время»¹⁹.

Между тем философия так и не создала основательного труда, посвящённого проблеме врага. Психология также не уделила этой проблеме должного внимания. Основная заслуга в теоретической разработке проблемы врага принадлежит немецкому политологу и юристу К. Шмитту. В работе «Понятие политического» он обосновал необходимость разграничения между «другом» и «врагом», считая это политическим императивом истории²⁰. В реальности, политическое разделение на «наших» и «ненаших» существовало при всех политических режимах во все времена и у всех народов. Без такого разграничения, по мнению Шмитта, ни одно государство, ни один народ, ни одна нация не смогли бы сохранить своего особенного лица, не смогли бы иметь своего собственного пути, своей собственной истории.

В генетической памяти русского народа понятие «враг» имеет особое значение, так как история России — это история войн, оборонительных главным образом. Наличие врага всегда было мощным детонатором духовной и физической активности, поскольку его образ всегда очень эмоционально окрашен и поэтому оказывает более быстрое и глубокое воздействие на людей. Вокруг него организуется коллективная воля народа. Конкретное же наполнение «образа врага» подчинено исторической и политической детерминации и зависит от характера эпохи, но функция остаётся неизменной.

История предупреждает об опасностях и свидетельствует о том, что у России **всегда** были враги, желавшие её захватить. Попытки же некоторых политиков внушить народу, что у России нет врагов, с точки зрения истории можно определить как происки этих самых врагов, которые сегодня пытаются заставить стыдиться любой национальной сильной государственности в принципе, обьявляя её тоталитарной.

В связи с этим ведётся активная атака в отношении исторического сознания нашего народа, которому таким образом дают понять, что сильная государственность — это аналог тирании и преступления. Поэтому она

Постсоветская Россия столкнулась с продолжением холодной войны в тайной, тщательно скрываемой форме, ведущей к исчезновению границы между состоянием войны и мира, что оказалось непривычным и очень опасным для российской государственности.

не должна быть предметом гордости, от неё следует отказаться как от чего-то преступного и перестать быть патриотом. Именно поэтому враги так не хотят, чтобы мы понимали историю, помнили её, обращались к ней, ибо связь с нашей историей — это связь с нашей государственностью. Если разорвать эту связь, то оборвётся нить исторического существования нашего Отечества. А если вспомнить, что Россия составляет 2% населения планеты, а владеет 40% её ресурсов, то всё становится предельно ясным.

Критерием прежней, традиционной войны всегда считались *средства* её ведения. То есть если применяются огневые средства — это война, если нет — следовательно, это мир. Постсоветская Россия столкнулась с продолжением этой войны в тайной, тщательно скрываемой форме, ведущей к исчезновению границы между состоянием войны и мира, что оказалось непривычным и очень опасным для российской государственности.

Сутью тайной, неявной войны является сокрытие собственного существования: ведь нельзя организовать оборону от того, что не существует. Новейшая, неявная война использует широчайший диапазон средств: подписание обманных договоров, утечку нужной информации, проталкивание на руководящие посты агентов влияния, вбрасывание компромата против соперников, контроль над СМИ, навязывание ложных направлений научного исследования и дискредитацию правильных направлений; формирование системы образования, научной и культурной среды с целью изменения идеологических ценностей, влияние на терминологию и даже на языковые нормы, дирижирование движениями протеста и выступлениями деструктивных сект, создание «пятых колонн», манипуляция

¹⁹ Генри Киссинджер об Иране, России, Китае. 15 января 2012. Газета «Знание-Власть» (http://znanie-vlast.ru/news/genri_kissindzher_ob_irane_rossii_kitae/2012-01-15-617).

²⁰ Назаров М. Апокалипсис и Россия: вождю Третьего Рима. М., 2012. С. 147.

внутренней оппозицией, поддержка диссидентов и перебежчиков, политические убийства и перевороты²¹.

Надо отметить, что в неявной войне, ведущейся против России, «пятая колонна» играет решающую роль. Как отмечает Ю. Петухов, «правда и в том, что ни одна держава мира никогда в истории не имела столь мощной, столь наглой «пятой колонны», сеявшей на протяжении последних пятидесяти лет ненависть и презрение к России». Именно она и имеет прямое отношение к неявной войне, которая ведётся в сфере экономики (финансовая агрессия) и идеологии (борьба за контроль над массовым сознанием с помощью так называемого концентрированного оружия).

Наличие этой мощной тени позволяла «западникам» в постсоветское время усиленно внушать народу, что врагов у России нет, усыпляя тем самым и деморализуя его сознание. Западу и его «пятой колонне» в России важно было **переформатировать русское чудо и русскую победу в непрерывный каскад русских поражений, создать у русского народа комплекс неудачника**. Этот комплекс целенаправленно внедрялся и поддерживался большинством средств массовой информации России и некоторыми интеллектуалами-западниками в русле так называемой деидеологизации. Деидеологизация носила характер спланированных стратегических действий, была оружием врага в войне в ментальном пространстве, направленным на разрушение нашей государственности. Таким образом осуществлялась яростная атака на самые глубины души русского народа с целью лишить его силы, сбить потенциальные настройки на «героическую волну», чтобы никогда больше «Русское чудо», потрясавшее весь мир, более не повторилось.

ВОЗМОЖНО ЛИ НОВОЕ ЧУДО?

Неявная война против России продолжается. Однако нельзя выиграть войну явную или неявную, не приняв её вызов. Но для этого необходимо осознать, что наша страна потерпела сокрушительное историческое поражение и сейчас находится в состоянии неявной, небывалой войны без правил. В связи с этим возникает главная и очень трудная в современных российских условиях задача, которая

заключается в том, чтобы консолидировать всё общество в своего рода «народ-государство».

Нам нужно чудо, способное поразить народ и заставить задуматься Запад, чудо, дающее силу добру, власть мудрости и рождающее из единиц новую неодолимую силу — народа-созидателя и победителя. Без этого чуда все планы развития и программы прорывов, при всех их достоинствах и совершенствах, все ресурсы, предусмотренные на их осуществление, все технологии, обеспечивающие их выполнение, останутся не более чем ухищрениями, способными лишь несколько уменьшить масштабы катастрофы.

Такой трудно постигаемый иностранцами национальный феномен, как «русское чудо», в определённой степени связан с тайной русского национального характера, с наличием в менталитете нашего народа непостижимой уму удивительной способности превращения хаоса в порядок, бегства — в контрнаступление, апатии — в волну энтузиазма.

У некоторых исследователей создаётся впечатление, что в результате неявной войны, ведущейся против России, она отстала от развитых стран навсегда, а в кризисной ситуации в руках у русских не будет весомых аргументов в защиту своего существования в качестве нации, достойной хоть какой-нибудь роли в мировом развитии будущего. Между тем наша история подсказывает нам, что возрождение возможно, и носить оно будет характер чуда.

Чудесным всегда было пронизано русское народное сознание, историческая память, практическое поведение и даже государственная политика и военная стратегия. Вспомним хотя бы дипломатов Горчакова и Тютчева или полководцев Кутузова и Суворова. Русское чудо, безусловно, будет отличаться от всех прочих чудес. Чудеса наших сказок и былин подсказывают, что Русское чудо будет связано с восстановлением целостного мирозерцания, которое является жизненной потребностью всех психически и нравственно здоровых людей. Лосев считал его синтезом знания и веры, элементом абсолютной мифологии.

Хотя катастрофичный механизм, запущенный в 1991 году, погрузил Россию в бесконечную смуту, а времена депрессии, вялости, апатии растянулись на многие годы, тем не менее в недрах энтропии, среди шума

²¹ Петухов Ю. Четвёртая мировая война. М., 2012. С. 30

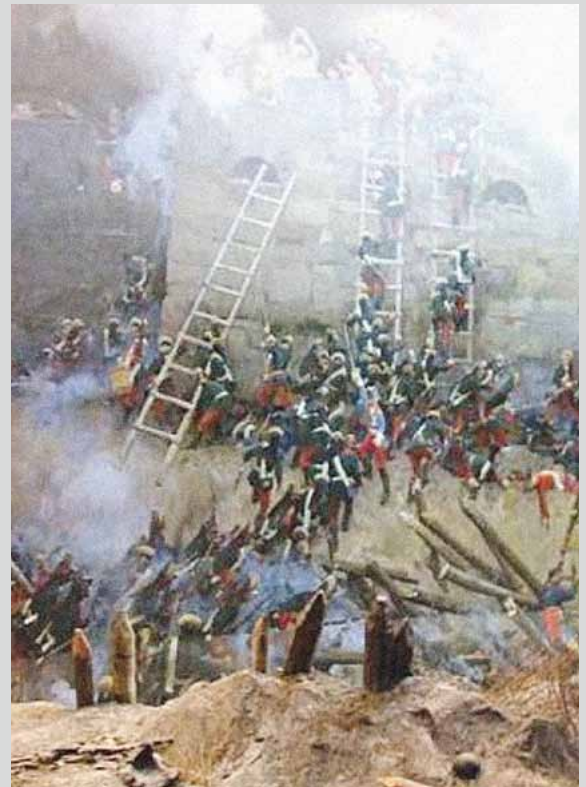
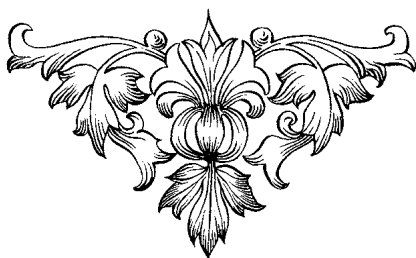

и треска разрушения уже просыпаются новые творческие силы. Обретение духовной мощи и политической независимости через взрыв национального самосознания — вот модель прошлого и перспектива ближайшего будущего.

Детонатором подобного взрыва когда-то послужили подвиг Александра Невского, послания патриарха Гермогена, обращение к нации Сталина. Кто возглавит этот процесс сегодня? Пока неизвестно. Ясно только одно: это должно случиться, ибо национальный характер, систему иерархий, внутренних качеств, способов мышления, доставшихся нам через язык и опыт поколений, изменить не под силу никому.

Русское чудо, по всей видимости, как раз и означает духовное возрождение, восстанавливающую Традицию как живой источник смыслов. С прагматической же точки зрения речь идёт о социальной мифологии, о мифе, который переворачивает всю политическую структуру общества, не отказываясь от высших ценностей, но и не замыкаясь на них, не сводя любую тему к пустопорожним рассуждениям о нравственности и духовности. Русский миф немислим без сверхидеи — русского чуда, которое имело бы вполне реальные, осязаемые воплощения в настоящем и близком будущем.

Предвидение и прогнозирование чуда всегда имеет дело с появлением чего-то неожиданного, связанного с таким иррациональным феноменом, как Дух народа. Учитывая вышесказанное, российская стратегия должна принимать во внимание, что современная война — это в первую очередь борьба духа, и только силой духа в ней можно победить. Люди тогда обладают духовной силой, когда они объединяются в едином духовном порыве. И наши враги это знают, поэтому предпринимаются всевозможные попытки ослабить нас духовно, вызвать духовную слепоту, которая мешает распознавать «знамения времен» и находить истинный путь.

А. М. Булдаков «Штурм крепости Измаил». Фрагмент. 2005

ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Взятие стратегически важной турецкой крепости Измаил на берегу Дуная — один из поворотных моментов Русско-турецкой войны 1787–1791 годов. Штурм был предпринят по приказу главнокомандующего Южной армией Григория Александровича Потёмкина. В течение многих месяцев с этой задачей не сумел справиться ряд русских военачальников, включая самого Потёмкина. В конце 1790 года операция была поручена Александру Васильевичу Суворову, который успешно осуществил её в течение 9 дней. Первые 6 дней он обучал войска штурмовать макеты крепости, забрасывать рвы, приставлять лестницы и взбираться на стены. Следующие 2 дня проводилась артиллерийская подготовка. Наконец, 22 декабря в 5.30 утра начался штурм, и к 8 часам все укрепления были взяты. Великий полководец, военный теоретик, кавалер всех орденов своего времени, Суворов провёл более 60 победоносных сражений, большинство при численном превосходстве неприятеля. Он создал передовую систему обучения и воспитания войск, усовершенствовал тактику колонн в сочетании с рассыпным строем (способ боя, впоследствии развитый Наполеоном). День взятия Измаила является Днём воинской славы России (отмечается 24 декабря).

/ Диакон Владимир ВАСИЛИК /

«И тьма не объяла его...»

Русское чудо в XX веке и оккультная альтернатива

Бог — не только Отмститель, но и Врач. Он не только наказует, но самим наказанием исцеляет. «Глубиной мудрости человеколюбиво вся строяй», — воспевают Церковь в своих последованиях¹. В истории всё промыслительно и нет ничего случайного: «Deus conservat omnia» — написано на Фонтанном доме («Бог сохраняет всё», «Бог управляет всем»). И все смутные и кровавые события катастрофического XX века не случайны и промыслительны. Возьмём катастрофу 1917 года, с одной стороны — это страшный провал, с другой стороны, как мудро писал владыка Вениамин (Федченков): «Не было бы 1917 года, было бы ещё хуже».

Гонения на Церковь породили тысячи и тысячи новомучеников российских, и в них, как и во многих исповедниках, с небывалой силой воссияла Святая Русь. Как это ни парадоксально звучит, но советский режим при всей своей модернизации законсервировал российское общество и послужил известного рода защитной стеной против той даже не модернизации, а постмодернизации, в которую был вовлечён Запад. По крайней мере «сексуальная революция» 1968 года к нам пришла как минимум на 25 лет позже, в том числе благодаря «глыбам» советского режима.

После крушения монархии альтернативы Советскому Союзу и коммунистическому ре-

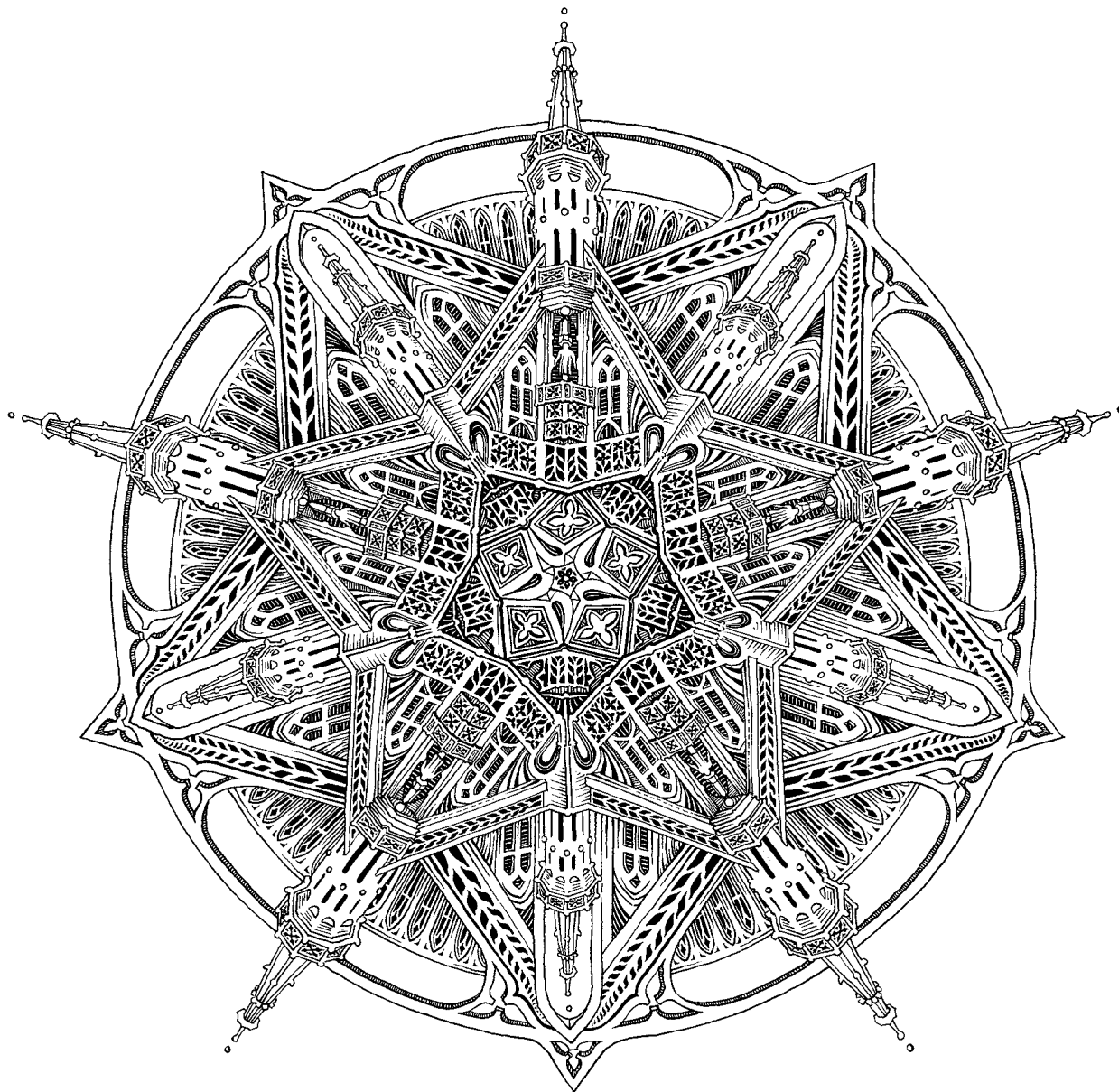
жиму практически не существовало. Вернее сказать, эти альтернативы были ещё более печальные: либо несколько десятков мелких государств с диктаторскими режимами, пребывающих в состоянии постоянной войны, либо монолитное тоталитарное фашистское государство с оккультизмом как государственной идеологией, страшное для соседей, хотя и терпимое для подданных. Коммунисты, при всех их чудовищных преступлениях, в 1917–1922 годах совершили одно важное дело: они сохранили большую часть территории исторической России, её геополитическое пространство и её оболочку.

После смерти государя Николая II будущие вероятные наследники, скорее всего, это был бы в силу своего заболевания не царевич Алексей Николаевич, отстроили бы оккультную империю, поскольку общество, и прежде всего его высший слой, к этому в значительной степени созрели. Если бы Россия победила в войне 1914 года, она достигла бы небывалой степени могущества, стала бы «новой Америкой»², но взамен потеряла бы свою духовную идентичность Святой Руси и оперлась бы на оккультный фундамент, на ту «новую правду» о человеке и мире, которую проповедовали носители философии Серебряного века³. Парадоксально, но революция 1917 года, точнее то, что за ней последовало, не только воочию по-

¹ Тропарь об усопших на панихиде. Глас 8.

² Вспомним знаменитое стихотворение Блока «Новая Америка»: *Черный уголь — подземный мессия, / Черный уголь — здесь царь и жених. / Но не страшен, невеста Россия, / Голос каменных песней твоих. / Уголь стонет и соль забелелась, / И железная воет руда, / То над степью глухой загорелась / Мне Америки новой звезда.*

³ О возможности духовной оккультной революции в России начала XX в. см. в частности: Константин (Горянов), еп.. Опыт встречи. К столетию Религиозно-философских собраний // ЖМП. 2003. № 1. С. 64–71; Константин (Горянов), архиеп. Св. прав. Иоанн Кронштадтский и Георгий Гапон: к 100-летию первой русской революции: доклад архиепископа Тихвинского Константина, ректора СПбДАиС, на XIII Рождественских чтениях. — Цит. по материалам сайта Русской линии: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=321432>

Дмитрий Воронцов: Из коллекции «Гримуар». Рисунок пером. 2011

казала разрушительность атеистических путей, но и спасла русскую культуру от оккультных и нравственно-нигилистических соблазнов: вспоминаются значимые слова Ахматовой:

С той, какую была когда-то [...] Снова встретиться не хочу⁴.

Феномен Сталина на фоне возможных коммунистических вождей — далеко не самое худшее, что могло случиться с Россией. Стоит привести хотя бы мнение заядлого антисоветчика и предателя Родины Виктора Суво-

рова: «России крупно повезло, что во главе её оказался Сталин, а не Троцкий. В результате в трудовых армиях оказалось 10% населения, а не все 100%». Насчёт 10% он солгал — гораздо меньше. В остальном же верно. Стоит привести также мнение о. Димитрия Дудко: «Давайте, наконец, хотя бы разберёмся вот в чём. Если бы победил Троцкий с его перманентной революцией, мы бы уже давно оказались на самом деле не по названию, как при Сталине, винтиками. Все бы мы были трудовой армией для каких-то тёмных сил. Но именно Сталин доказал практически, что социализм можно

⁴ Ахматова А. А. Поэма без героя (1962).

построить в одной стране и — сохранил Россию. Да, Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира, в этом нам предстоит ещё разобраться»⁵. Отметим, что о. Димитрий сидел и при Сталине, и после Сталина.

Страшная правда состоит и в другом: в отличие, скажем, от чеченцев или сербов, русский народ плохо умеет самоорганизовываться вне государственных рамок. Он народ государственный и без государства не может. И для него самая дурная государственность лучше самой худой безгосударственности. При Иване Грозном было казнено 4000 человек⁶, но в Смутное время погибло около половины населения России. О числе жертв сталинского террора спорят, но с ним вполне сопоставимы потери народонаселения бывшего СССР в результате наркотизации, алкоголизации, преступности, роста абортот и многого другого в результате развала СССР и демократических реформ. Одна только Украина сейчас теряет по 400 000 человек в год.

Из всей коммунистической так называемой элиты Сталин был наиболее прагматичным, наиболее национально мыслящим и, как ни странно, наименее безжалостным. Террор, возглавляемый им, предстаёт скорее как коллективная воля партии, как «государственная необходимость» (точнее, «защита режима»), чем как дикий каприз тирана⁷. Страшно и представить, что произошло бы, если бы во внутрипартийной схватке победил Троцкий. Жизнь зачастую состоит из выбора не между добром и злом, а между большим злом и меньшим, и, безусловно, Сталин был наименьшим злом среди коммунистических вождей, а в масштабе своей эпохи — бесспорно, меньшим злом, нежели Гитлер.

Всё это я говорю не из желания воссоздать лубочно-иконный образ «отца народов», царя-Сталина, обратившегося к Истине православному благочестивого государя. Образ его странно и трагично двойственен, подобно лику любимого им Иоанна Грозного. Невольно вспоминаются пушкинские строки о Наполеоне: «Мятежной вольности наследник

и убийца». В образе Сталина сочетаются Диоклетиан и Константин — разрушитель Церкви и её восстановитель, убийца русского народа и его спаситель. Можно много говорить о преступлениях и ошибках Сталина в предвоенный период и в начале войны (и справедливо), но не надо забывать одной важной вещи: его воля и энергия в 1941 году в немалой степени способствовали тому, что фронт выстоял и страна не капитулировала⁸. Он вёл страну к Победе, и в 1945 году делил с союзниками Европу.

В 1949 году патриарх Алексей I, вслед за патриархом Сергием, мог, не слишком кривя душой, называть Сталина богоизбранным вождём Победы. Конечно, богоизбранность Сталина была особого рода — как у Кира, или лучше сказать — Навуходоносора, царя лукавого и несправеднейшего, и всё-таки против воли почтившего Единого Бога. Вряд ли Сталин пережил религиозное обращение и покаяние, хотя, как умный прагматик и бывший семинарист, в конце концов понял и наличие некоей Силы свыше, и значение Церкви. Отметим, что богоданным вождём называл Сталина и прославленный в лике святых крупный учёный и богослов архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, кстати, сидевший при нём. По свидетельству знавших его, он не отмежевался от Сталина даже при Хрущёве, чем навлек на себя дополнительный гнев властей.

Святейший Патриарх Алексей I после смерти Сталина сказал: «Упразднилась сила великая, нравственная, общественная, сила, в которой наш народ ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет»⁹. Вдумаемся в мотивацию этих двух людей — большого духовного разума и духовного мужества, переживших ссылки и лагеря (патриарх Алексей I и Ленинградскую блокаду), страха ли ради иудейска они это говорили, из ложно понятой пользы Церкви, или всё-таки в их словах и действиях был духовный и провиденциальный смысл? Почему они не пошли путём вооружённого или хотя бы политического

⁵ Цит. по материалам сайта газеты «Дуэль»: http://www.duel.ru/200314/?14_4_4

⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. М., 1997.

⁷ Такой точки зрения придерживается, в частности, Вадим Кожин. См.: Кожин В.В. Россия. Век XX. М., 2003.

⁸ Характерен эпизод осени 1941 г.: когда штаб Западного фронта попросил разрешения переехать в Арзамас из Подмоскovie, Сталин сказал: «Пусть берут лопаты и копают себе на месте могилы». Сам он остался в Москве и никуда не уехал.

⁹ Журнал Московской Патриархии. 1953. № 3. С. 3.

сопротивления? Не потому ли, что Промысл Божий указывал им и всему народу другой путь — подвижничества, а не гражданской войны. Это был путь терпения и переможения коммунизма, с надеждой на его трансформирование и постепенное, мирное возвращение к путям исторической России. Мотивация и Святейшего Патриарха Алексия I, и владыки Луки понятна — в Сталине они видели прежде всего государственника и почвенника, а лишь затем — коммунистического вождя. И как мы после слов великих патриархов и святителей посмеем приравнять Сталина к оккультисту и мини-антихристу Гитлеру?

Не будем забывать, что сейчас мы живём плодами сталинско-брежневской индустриализации, немислимой без коллективизации (тот же нефтегазовый комплекс, например), и если сейчас государство Российское независимо и пока неуязвимо для внешней агрессии, если на наших просторах не повторяется трагедия Югославии и Ирака, то это — во многом благодаря ВПК и ракетно-ядерному щиту, заложенному при Сталине. И если нас после войны не сожгли в ядерном огне американцы, как Хиросиму и Нагасаки, то в определённой мере мы обязаны этим Сталину как инициатору ядерного проекта.

Вы спросите о духовно-нравственной составляющей. К стыду нашему, несмотря на свободу Церкви и при высоких статистических показателях лиц, считающих себя православными, наше общество намного более безнравственно и коррумпировано, чем в сталинскую эпоху. Увы, многие «атеисты» сталинского времени вели себя куда более аскетично и нравственно, чем наши квазиправославные современники. По крайней мере гей-клубы, стриптиз-шоу, казино, массовая наркомания и т. д. были при Сталине невозможны.

Трудно нам судить, кто ближе к Богу — безбожный аскетичный деспот или постсоветский полуверующий клептократ. Но, во-первых, и тот и другой — часть исторической России, со всеми её грехами и святостью, триумфами и поражениями. А во-вторых, безоглядное осуждение советского прошлого и отказ признания советского периода частью жизни исторической России приводят не только к оправданию распада СССР и, соответственно, кровавых конфликтов на постсоветском пространстве. В нём есть ещё и внутренний аспект: приватизация. Коль скоро собственность — «совковая», «неправедная», большевистская, а не русская, то «грабь награбленное».

СТАЛИНСКИЙ ПЛАН ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ

Не имеющая мировых аналогов комплексная пятнадцатилетняя программа научного регулирования природы в СССР, осуществлявшаяся в 1949–1955 годах. План был утверждён постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 года по инициативе Сталина. Центральное место в плане занимало лесозащитное лесоразведение и орошение. В соответствии с ним предстояло изменить климат на площади 120 миллионов гектаров — территории, равной Англии, Франции, Италии, Бельгии и Нидерландов, вместе взятым. Предусматривалось создание 8 крупных лесных полос в степных и лесостепных районах СССР общей протяжённостью свыше 5300 километров. После смерти Сталина план был постепенно свёрнут. Многие лесополосы были вырублены, а 570 лесозащитных станций были ликвидированы по распоряжению Хрущёва. Сворачивание плана и внедрение экстенсивных методов увеличения пашни привело к экологической катастрофе 1962–1963 годов, связанной с эрозией почв на целине, итогом которой стал разразившийся в СССР продовольственный кризис.

Разбазаривай, коль скоро это созидалось грабежом и неправдой. Не случайно грабительская приватизация 90-х годов совершалась под тамтамы антисталинских разоблачений. Но мы-то знаем, что то, что было собрано к 1991 году, созидалось невероятным подвигом и страданием русского народа, в том числе и новомучеников и исповедников российских. И поэтому вдвойне тяжёлый грех тех, кто это разворовывал.

Задумаемся и о следующем: все говорят о терроре, о миллионах загубленных жизней, и справедливо. Но разве не спас Сталин миллионы неродившихся детей, законодательно запретив аборт в 1936 году, пусть он даже сделал это из прагматических, а не из гуманных соображений? Отметим, что и интернационалист Ленин, и «ленинец» Хрущёв легализовали аборт. И ещё: почему-то при тиране и диктаторе Сталине, несмотря на террор и войны, численность населения СССР росла, а при демократической России она уменьшается: потери только Российской Федерации с 1991 года исчисляются не менее чем пятнадцатью миллионами. Все это я говорю не обеляя Сталина, не закрывая глаза на его преступления, а желая показать, что Промысл Божий способен человеческое зло претворять в добро.

Возьмём Великую Отечественную войну 1941–1945 годов. С одной стороны, это — величайшая народная трагедия, которая, однако, вызвала к жизни Церковь, породила великое и до конца не оцененное движение по возвращению русского народа в Церковь, к Богу. Игумен Пётр (Мещеринов) имел дерзость утверждать, что «победа задавила ростки покаяния». Немногие ещё живущие верующие старшего поколения, заставшие войну и послевоенные годы, могут засвидетельствовать, что это неправда. Не только во время войны, но и после нее храмы были переполнены, люди стремились на исповедь и к причастию, и таких были не тысячи, а сотни тысяч, пожалуй, даже миллионы. Если говорить о плодах покаяния, известных нам из слов Иоанна Предтечи (у кого две одежды — отдай одну), то нравственная высота русского человека проявлялась в таких

удивительных поступках, как отдача русскими сиротами и вдовами зачастую последнего хлеба военнопленным немцам¹⁰. А если определять покаяние как «перемену ума» (metanoia), то следует отметить, что СССР 1945 года по своему духу был уже другой страной, нежели СССР 1939 года, и эти изменения были явными и ощутимыми: практически прекратилась атеистическая пропаганда, возродился русский патриотизм, а с ним отчасти и традиционные духовные ценности. И власть чувствовала эти перемены. В послевоенные годы резко снижается уровень репрессий, они становятся более мотивированными, после многих лет террора появляются контуры известной законности¹¹. Страна действительно стала другой.

В случае победы над Россией нацистское рабство распространилось бы на весь мир, а мир, в котором мы бы жили (если бы жили), был бы куда страшнее. В конечном счёте в нём восторжествовали бы оккультные идеологии и оккультные практики, т.к. новообразованные на территории России режимы были бы подконтрольны Гитлеру и нацистской идеологии. По сути дела, советский солдат действительно спас мир от нацистского и оккультного рабства. В связи с Днём Победы как-то по-особому прочитываются строки Пушкина:

*И ненавидите вы нас...
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?*¹²

Святейший Патриарх Кирилл справедливо замечает: «Победа в Великой Отечественной войне была бы невозможна без особого покровительства Божия... Именно в этот день [святого Георгия Победоносца] завершилась Вторая мировая война. Сам факт совпадения этих событий был знаменем, потому что то, что произошло в те страшные годы, во многом являет нам тайну Божественного милосердия».

Пётр Мультиатули¹³ прав в следующей своей формуле: «Между Первой мировой и Вели-

¹⁰ Об этом свидетельствует, в частности, прот. Дмитрий Смирнов в своих проповедях. Его свидетельства мне довелось проверить беседами с людьми старшего поколения.

¹¹ См. в частности: Кожин В.В. Россия. Век двадцатый. Т. 2. М., 2003.

¹² Пушкин А.С. Клеветникам России (1831).

¹³ Мультиатули П.В. Великая Германская... Цит. по материалам сайта Русской линии: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=156234>

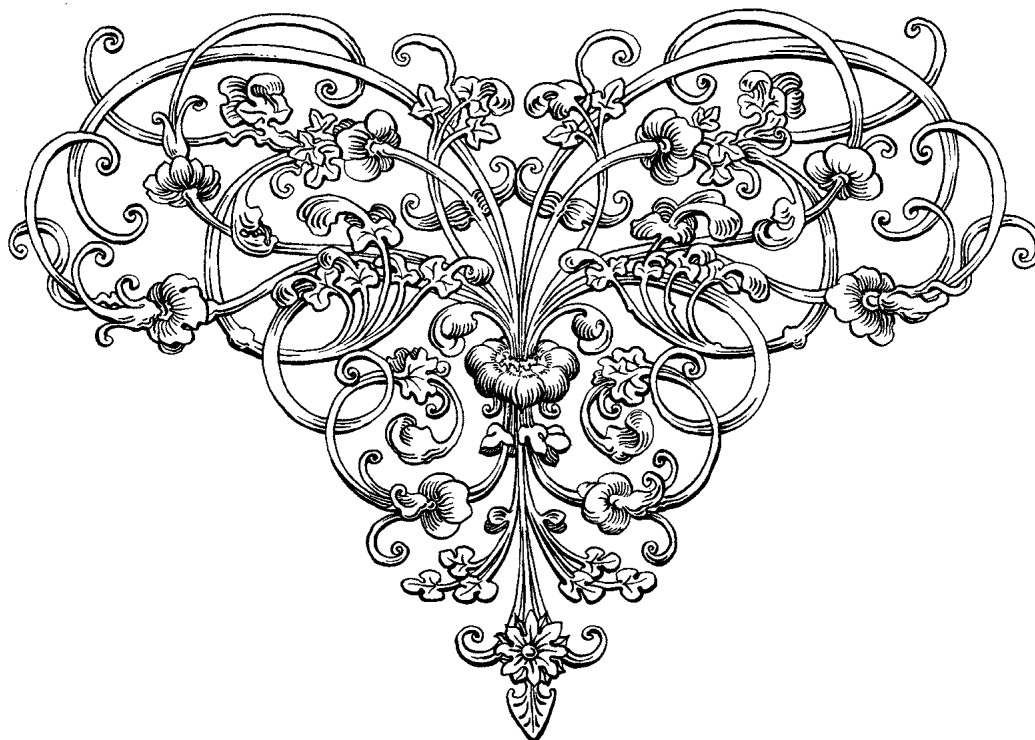

кой Отечественной войны есть незримая таинственная духовная связь. Великая Отечественная есть победоносное завершение искусственно прерванной Первой мировой. В 1914 году в Первую мировую войну вступило христолюбивое русское воинство, которое в 1917 году превратилось в разбойные скопища и шайки. В 1941-м в Великую Отечественную войну вступила Красная Армия, руководимая богоборческой идеологией. В 1945-м в Берлин вошла Советская Армия, одетая в старую русскую форму и благословляемая Святейшим Патриархом. В Первую мировую войну русские полки вёл в бой Помазанник Божий русский Царь, который в 1917 году был предательски свергнут с престола. Россию захватила клика узурпаторов-богоборцев. В 1941 году один из этих узурпаторов, волею Божьей ставший вождем государства, призвал на уходящие на фронт советские войска благословение русских святых Александра Невского и Дмитрия Донского».

Не будет преувеличением сказать, что Россия и в XX веке играла свою роль удерживающего, вначале разгромив Гитлера — реальную угрозу всему человечеству, а затем не дав США утвердиться во всём мире или свергнуть

человечество в ядерное пекло. И сейчас то, что происходит с Россией, является чудом. По всем земным законам она должна была быть уничтожена ещё в 1991 году. Но хотя она и лишилась половины своего населения и четверти своих земель, она не только осталась, но и сейчас встаёт с колен, начинает собирание Русского мира и успешно противостоит стремлениям известной сверхдержавы поглотить весь мир и его ресурсы.

Вектор Русской истории в XX век понятен — это действие Промысла Божия — **сохранение** Русской Православной Церкви и российской государственности для их грядущей симфонии и страдальческое **очищение**, преобразование русского народа. В этом преображении наш народ изжил в себе, перемог те духовные болезни, которые были занесены с Запада, но приняты на русской почве. Для свершения своей воли Промысл Божий избирал самые разные орудия, временами достаточно страшные, но действенные. Русская трагедия ещё не закончена, но верю, что она завершится согласно словам 84-го псалма: «Милость и истина сретостесь, правда и мир облобызастся. Истина от земли возсия, и правда с Небесе прииче, ибо Господь даст благодсть, и земля наша даст плод свой».

Русский космос как райский ответ

Русь свята именно потому, что устремлена к Божественному Небу, которое превыше всех иных небес. Русские всегда стремились к Иному, и сие обретало самые разные формы — даже и внешне безбожные. Отсюда, кстати, и враждебность «передового», «прогрессивного» Запада, который совершенно не понимает русского стремления отринуть плоскую реальность мира сего и переделать его (насколько это возможно) на небесный лад. Полеты в космос символизируют вертикальное устремление человека за пределы этой земли и этого неба — к Абсолютно Иному. И то, что русские первыми вырвались в космические высоты, конечно же, не случайность.

1. ПРЕОДОЛЕТЬ ТЯГУ ЗЕМНУЮ

Космическое пророчество содержится уже в русском былинном эпосе. Там повествуется о крестьянском богатыре Микуле Селяниновиче, который повелевает «тягой земной». Однажды другой богатырь, исполин Святогор, стал похвастаться, что если были бы кольца в небе и на земле, то он перевернул бы и небо, и землю. Услышав это, Микула бросил ему некую суму, заключавшую в себя «всю тягость земную». Как ни старался исполин, но он так и не мог её поднять, более того, сам погряз в земле аж по колено. А князю Вольге и его дружине крестьянский богатырь предложил выдернуть сошку из земли. Сделать это витязи не сумели, зато сам Микула не только вынул соху, но и запустил её в небо.

Здесь прямо-таки предсказано космическое будущее Руси. В первой половине XX века русские «князья» оказываются не в состоянии ответить на многочисленные вызовы и терпят поражения, теряя страну. Но тогда же раскрывается и мощнейший потенциал простого русского (крестьянского) народа, который

сумел-таки одолеть «тягу земную», запустив корабли в космос. И не случайно Юрий Гагарин — первый космонавт на Земле, выходец из крестьян и сын плотника — носил княжескую фамилию.

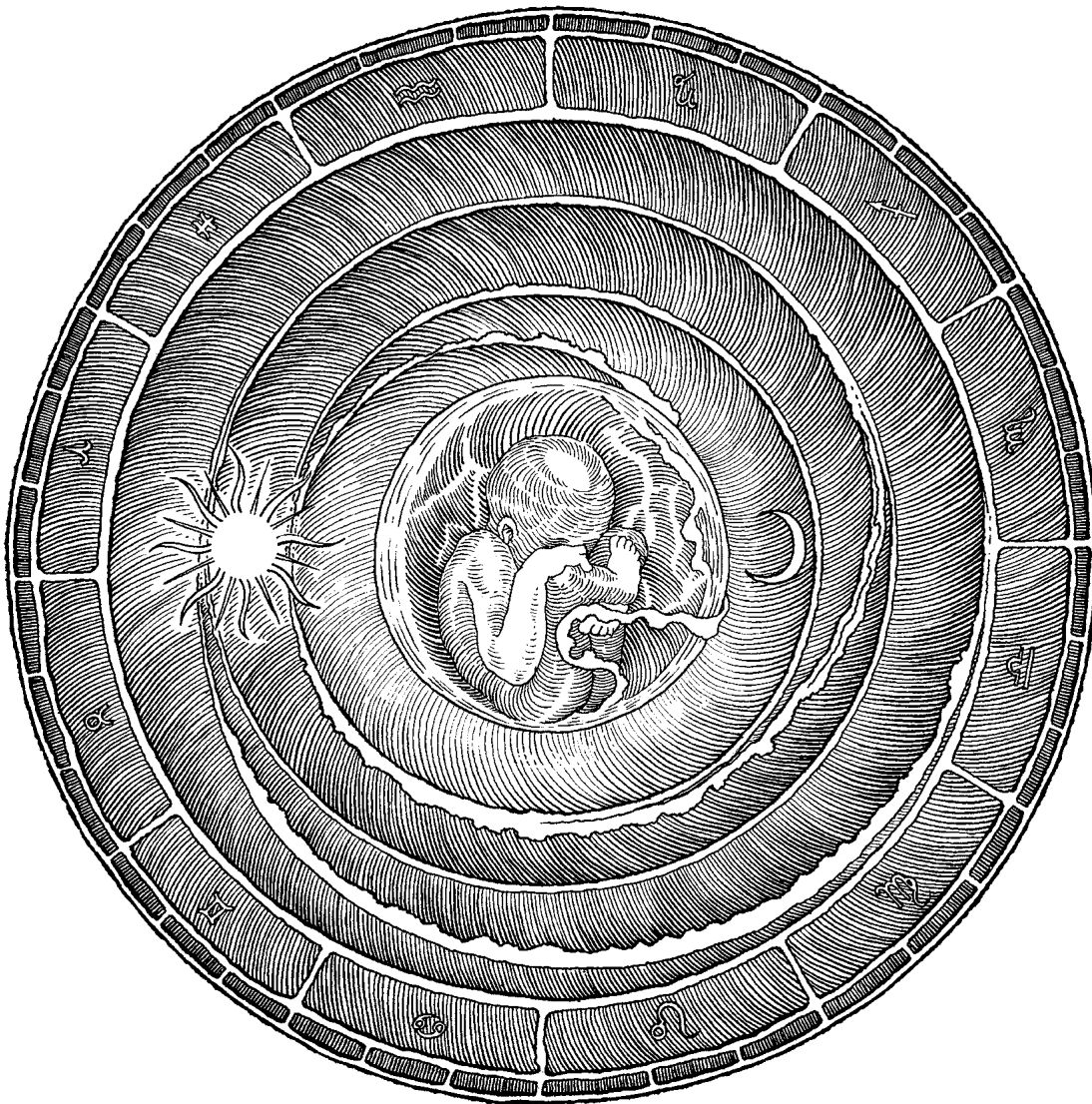
В русском эпосе именно младший, третий брат одерживает победу, ему достаётся всё — слава, богатство, царская дочь. Вспоминается легенда скифов-пахарей (непосредственных предков славян-земледельцев), переданная Геродотом. В ней рассказывается о том, как с неба упали священные предметы — плуг, ярмо, секира и чаша, которыми попытались овладеть три брата — Арпоксай, Липоксай и Колаксай. Овладел ими последний, младший брат, имя которого переводится как «Солнце-Царь». Вот и крестьянский потомок Юрий Гагарин указал путь к звёздам (солнцам), улыбаясь своей солнечной улыбкой. И его имя — «Юрий» — родственно имени солнечного бога славян Ярилы (один из вариантов — Юрила). Опять-таки, символизм здесь более чем очевиден.

В России (СССР) самые младшие, «последние» — крестьяне и рабочие, ещё вчера бывшие крестьянами, становятся старшими, «первыми». Из них рекрутируется новая элита, они объявляются солью земли, настоящими хозяевами. Именно этот мощный приток социальной энергетики на политические вершины и обеспечил рывок к вершинам небесным, звёздным, космическим. Микула Селянинович швырнул соху на небо, явно желая вспахать ею целину на других планетах.

В народной крестьянской традиции самого Микулу считали «богом» всей Руси, мужицким заступником Святым Николой, сакрализируя и саму пахоту, и плуг, и соху.

2. МИР ПРОТИВ МИРА

Вспахать целину на других планетах, вырастить там яблоны и даже оставить следы на пыль-

Дмитрий Воронцов: «В глубоком сне». Рисунок пером. 2004

ных дорожках далёких планет у Микулы так и не получилось. Энергия социального и космического преобразования была перехвачена, «приватизирована» и в конечном итоге её поглотили силы тьмы. Причин тому много, и одной из них стал отход от общинного социализма, соприродного душе русских микул, отход, заключавшийся в разнообразных партийно-номенклатурных искажениях. Однако даже и этого, изначального выброса энергии стало достаточно для гагаринского рывка. И можно только представить себе, до каких высот (во всех смыслах) мы бы поднялись, реализуя русские свой общинный архетип без искажений и уловлений.

Тема общины переплетается с темой космоса — уже на уровне «этимологии». Общину называют ещё и «миром», но так же именуют и само мироздание, вселенную. Получается,

что община некоторым образом моделирует космос. Но только речь идёт не о том космосе, в котором мы находимся. Нас окружает огромная космическая мгла, которая обволакивает острова света — звёзды. Между нами и ними (а также их планетами) — непредставимые, чудовищные расстояния. В этой вселенной царит настоящий космический капитализм — всё поедает вся. Даже и галактики поглощают друг друга; так, в настоящий момент Туманность Андромеды с аппетитом закусывает своей соседкой, а потом примется и за наш Млечный путь. И земной капитализм является как бы отражением этого капитализма на социальном уровне.

Между тем есть все основания полагать, что наша вселенная вовсе не всегда была такой. Более того, до неё была другая вселенная, из которой она и возникла. На этом, в частности,

В настоящий момент эти средние пространства достигли пика своего могущества, сложившись в транснациональные корпорации (ТНК), некоторые из которых сильнее отдельных государств. В процессе эксплуатации (пожирания) они сосредоточили в своих руках такие ресурсы, что уже в открытую претендуют на демонтаж Больших пространств и установление мировой власти. Это станет триумфом космополитизма, предполагающим наиболее полное отождествление с космической мглой, с её тотальным пожиранием всего и вся. Единая серая «раса», которая будет создаваться на месте государств и наций, станет земным подобием безликого космического небытия, пытающегося погасить звёзды.

настаивает известный физик Роджер Пенроуз из Оксфордского университета. Задавшись вопросом, что же существовало до Большого взрыва (Big Bang), он обнаружил доказательства существования другой вселенной, которая предшествовала нашей. Получается, что наш мир возник в результате гибели другого мира.

Об этом, собственно, и повествуют древние мифы, в которых содержится утверждение о том, что космос возник в результате убийства изначального Антропоса (первочеловека). Так, согласно индоарийской традиции, этот изначальный субъект, именуемый Пуруши, был расчленён богами, после чего и появился наш мир. Примерно такую же космогоническую версию приводит скандинавская традиция — здесь мир возник из тела инеистого великана Имира.

Удивительным образом этим языческим мифам находят некие соответствия и в христианском богословии. В замечательной книге епископа Василия (Родзянко) «Теория распада вселенной и вера отцов» утверждается, что этот мир не был сотворён таким, каким он есть сейчас — со смертью, тленом, враждой и т. д. Изначально он был благ и находился в раю, но всё изменила чудовищная метакосмическая катастрофа — «грехопадение». Именно она и стала Большим взрывом, который разнёс райскую вселенную и Адама на множество

«осколков». «И на Земле и всюду в космосе нет столь желанной нам гармонии: везде борьба, природные катаклизмы, «космические болезни», смерть, — пишет епископ. — Жизнь на нашей планете прямо зависит от смерти тех, кем мы питаемся. Даже вегетарианство не аннулирует эту зависимость: растения тоже живые. Уничтожение другой жизни ради собственной — условие выживания, заложенное в основании земной биосферы... Мы совсем недавно увидели центр вселенной и в нём — её кризис. В научном журнале Discover можно было увидеть фотографию «мирового кризиса», а средства массовой информации сообщили об этом по всему свету с сенсационными заголовками. Суть кризиса — в неминуемом распаде вселенной в результате грозящего ей взрыва галактик и звёздных миров».

Человек, оказавшийся посреди космической мглы, наполненной враждующими осколками, нашёл некую форму защиты и спасения. Таковой формой стала община, которая символизировала и моделировала изначальный мир, существовавший ещё до Большого взрыва. В этом упорядоченном малом пространстве всё было близко и доступно, как и в изначальной полноте Антропоса. И здесь человек был в минимальной степени подвержен всеобщей вражде и всеобщему же пожиранию. Совокупность таких общин, соединённых общей судьбой, составляли Большое пространство — Государство, которое на высшем этапе своего существования представляло собой Империю. Именно оно и защищало общины — как от внешнего врага, так и от внутренних пожирателей (мироедов): всех этих многочисленных олигархий, больших и малых, пытающихся выстраивать некие «средние пространства», поглощающих энергию взаимодействия между общинами и властью. Показательно, что в русской традиции общины образовывали самоуправляемую волость, которая пользовалась свободами, данными властью. И здесь стоит обратить внимание на сходство слов — «волость» и «власть».

В настоящий момент эти средние пространства достигли пика своего могущества, сложившись в транснациональные корпорации (ТНК), некоторые из которых сильнее отдельных государств. В процессе эксплуатации (пожирания) они сосредоточили в своих руках такие ресурсы, что уже в открытую претендуют на демонтаж Больших пространств и установление мировой власти. Это станет триумфом космополитизма, предполагающим наиболее

полное отождествление с космической мглой, с её тотальным пожиранием всего и вся. Единая серая «раса», которая будет создаваться на месте государств и наций, станет земным подобием безликого космического небытия, пытающегося погасить звёзды.

3. РАЙСКИЙ ОТВЕТ НА АДСКИЙ КОСМОПОЛИТИЗМ

Ответом на экспансию космического капитализма должна стать экспансия общинного социализма. Миру осколков и мглы нужно противопоставить мир-общину с его светом соборности. И как капитализм символически уподобляет Землю космосу распада, проецируя его на социальный уровень, так и социализм уподобит космос миру-общине, а также раю.

Епископ Василий (Родзянко) пишет: «Интересно, что одно из самых замечательных описаний «иного мира» даёт не христианский, а языческий философ — Плотин... Хотя Плотин спорил с христианством, отрицая Боговоплощение и значение Христа в истории, его философия и, в частности, восприятие Царства Божия, «мира иного», сильно повлияли на суждения, приписываемые Дионисию Ареопагиту, а через него — на всё последующее христианское богословие как на Востоке, так и на Западе. В этом смысле Плотина недаром прозвали — наряду с Вифлеемскими астрологами-мудрецами — «дохристианским евангелистом». Вот как изображает рай в своей философии Плотин: «Всё там — красота. Это не внешняя и не плотская красота, это — красота умопостигаемая, соединяющая всё и вся с её источником — Богом. Там нет никакого разделения, как на Земле, там — единство в любви и Целое выражает Частное, а Частное выражает Целое».

Это равновесие Целого и Частного преодолевает двойственность (расколотость) на всех уровнях. В социальном плане оно достигается в рамках общины. В больших коллективах обеспечить данное равновесие очень сложно, для этого необходимо малое пространство (община) — территориальная, производственная и т.д. Именно там человек и коллектив находятся в наибольшем равновесии. Так, в поземельной общине личное владение земельным участком вполне себе успешно сочеталось с общим владением (луга и т.д.) и самоуправлением.

Община и есть образ рая — пространства, где человек был тотальным Субъектом, содер-

УЛЬТРАЗВУКОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (УЗИ)

Способность ультразвука проникать через металлы без заметного поглощения была открыта в 1927 году советским физиком **Сергеем Яковлевичем Соколовым** (1897–1957). В 1928 году он использовал это явление для обнаружения дефектов в металлах. Впервые в мире разработал конструкции ультразвуковых дефектоскопов и заложил основы акустической голографии. В 1935 году Соколов предложил методы преобразования звуковых изображений в видимые и создал аппаратуру звуковидения, названную им ультразвуковым микроскопом, известным всем как УЗИ. Разработал первый кварцевый анализатор звука. Выдвинул идею использования дифракции света в ультразвуковом поле в твёрдых и жидких средах для модуляции светового пучка. Сегодня ультразвуковая дефектоскопия — один из самых распространённых методов неразрушающего контроля. Ультразвуковой контроль является обязательной процедурой при изготовлении и эксплуатации многих ответственных изделий, таких как части авиационных двигателей, трубопроводы атомных реакторов или железнодорожные рельсы.

жащим в себе всё, нераздельно и неслиянно. Рай нельзя считать чем-то вроде огромного пространства нашей физической реальности, где люди находятся друг от друга на большом расстоянии, что способствует их отчуждению (в конечном итоге все находятся в «бесконечной» тьме вселенной «осколков»). Это именно «малое» метафизическое пространство, которое «мало» в том смысле, что всё здесь находится на «расстоянии вытянутой руки», всё родное и близкое.

На самом же деле малое пространство общины по-настоящему велико и огромно, не случайно же русская община называется «миром», а украинская — «громадой». И в 1917 году русские поднялись именно за общину, понимая власть Советов именно как господство русских миров. Мир-общину они противопоставили безродному в основе своей миру наживы, эксплуатации и всепожиранию, миру осколков. Мир (община) против мира (космической мглы) — таково было содержание великой борьбы тех дней. «Рай на земле», которого взыскали русские крестьяне, рабочие и солдаты, нужно понимать как общинное равновесие между Целым и Частным, коллективом и человеком. К сожалению, русское стремление к общинному социализму было искажено (во многом под влиянием западных идей), но, как было сказано выше, энергию смогли освободить огромную — хватило на преодоление «тяги земной».

4. ЯБЛОНИ НА МАРСЕ

Новое, великое освобождение энергии, которое произойдёт при новом общинном строе, позволит вспахать сохой Микулы земли других планет, сделав Вселенную более упорядоченной, более райской, преодолеть гигантские расстояния, превращая космос в одну родную общину, где всё — рядом и где все — свои. Стать в авангарде великого социального и космического преобразования — в этом миссия вертикально устремлённой Святой Руси.

Учёные давно уже говорят о терраформировании, то есть об изменении климата планет (спутников, других космических тел), с тем чтобы сделать их пригодными для человека. Это, конечно, дело будущего, но не такого уж и отдалённого, и ничего сугубо фантастического в этом точно нет. Процесс терраформирования предполагается начать с создания планетных станций. Затем на месте станции возникнет город-сад (опять-таки образ рая!),

который будет представлять собой огромную искусственную биосферу. Эта грандиозная теплица сможет охватывать и всю планету, особенно если у той планеты низкая гравитация, при которой не удерживается собственная атмосфера. Ну а для планет с плотной атмосферой, таких как Венера, будет уже необходимо гигантское купольное сооружение, по сути аэростат. Технологии вполне позволяют реализовывать такие проекты, и самым большим препятствием (в настоящий момент) является дороговизна доставки необходимых грузов на «высокую орбиту» Земли (10 000 долларов за один килограмм).

Наиболее вероятным кандидатом для колонизации называют Марс. Он располагает большим количеством водного льда, количество принимаемой им солнечной энергии составляет примерно половину от энергии, принимаемой Землёй. Считается, что некогда климатические условия на этой планете были весьма благоприятными. Планету можно обогреть и создать там достаточно плотную атмосферу — на этот счёт в NASA даже велись серьёзные дискуссии.

На просторах Интернета можно отыскать русскоязычный сайт Марсопедия (<http://wiki.marstefo.ru>), где собрана самая разная информация о Марсе — о его исследовании, об образе Красной планеты в земной культуре, о её тайнах и загадках. Есть там и материалы о колонизации и терраформировании.

Процесс преобразования планеты описан следующим образом: «Начальный нагрев для запуска процесса таяния и испарения воды и высвобождения газов возможен разными способами: нагрев поверхности планеты с помощью направленного орбитальными зеркалами солнечного излучения, затемнение поверхности полярных шапок сажей или полимерными плёнками. Для усиления парникового эффекта рассматривается прямое введение в атмосферу искусственно синтезированных фреонов. Разворачиваемая в ходе освоения Марса добыча полезных ископаемых, их переработка, а также развитие энергетики и промышленности также внесёт свой вклад в подогрев возникающих атмосферы и гидросферы. Марс обладает весьма значительными ресурсами металлов, и в том числе и ресурсами ядерного топлива (уран, торий)».

Среди основных технологических проблем для освоения Марса (да и других планет) — весьма ограниченные возможности космического транспорта, которые предельно затруд-

няют доставку оборудования. Но выход есть, для решения проблемы необходимы мощные газофазные ядерные ракетные двигатели. Они смогут создать колоссальную тягу, обеспечить нужную скорость и надёжность. В перспективе возможна даже доставка астероидов из водно-аммиачного льда. Они наполнят атмосферу и гидросферу Марса кислородом, водой и азотом.

5. СКАНИРОВАНИЕ КОСМОСА

Космическая тема важна для нас ещё и тем, что её поднимают идеологи глобализма. Причём вовсе не в связи с освоением космоса. Они рассуждают о гипотетической угрозе «инопланетного вторжения», для отражения которого необходимо будет соединить усилия всех государств Земли, отказавшись от «противоречий». По сути, речь здесь идёт

об отказе от суверенитета — в пользу «мирового правительства».

В этом плане весьма показателен диалог популярного телеведущего Дилана Ратигана и физика-теоретика Мичио Каку. Последний является открытым сторонником мирового правительства. В своё время он даже заявил, что главной целью террористов является именно борьба против установления глобальной власти. Ратиган тоже позиционирует себя как глобалиста, то есть в студии имел место быть диалог единомышленников. Во время него ведущий задал гостю вопрос: «Может ли инопланетная угроза привести к образованию мирового правительства, которое в дальнейшем будет решать такие вопросы, как изменение климата, мировые финансы и независимость отдельных наций». Тогда Каку улыбнулся и привёл такую цитату из Рональда Рейгана, сказавшего Михаилу Горбачёву: «Мне

Дмитрий Воронцов: «Мечта о неведомом». Рисунок пером. 2010

иногда кажется, что все наши различия очень быстро бы исчезли, столкнись мы с угрозой предела нашего мира». По всему этому можно судить о том, что сторонники создания «мирового правительства» возлагают особую надежду на «инопланетное вторжение».

Понятно, что речь не идёт о настоящей агрессии со стороны некоей высокоразвитой внеземной цивилизации — она представляла бы собой слишком большую угрозу тем же самым глобалистам. Но они вполне могли бы выдумать её. В своё время ветеран русского патриотического движения, интереснейший и, как это часто бывает, недооцененный мыслитель Геннадий Шиманов высказал достаточно любопытное предположение: «Для создания мирового правительства, наделённого диктаторскими полномочиями, нет лучшего предложения, чем опасность, угрожающая свободе и даже жизни всего человечества... Я нисколько не удивлюсь, если однажды правительство США обратится ко всему человечеству с посланием, в котором откроет, наконец, страшную тайну. «Да, мы скрывали долгое время эту грозную опасность, чтобы избежать ненужной паники. Мы надеялись договориться с инопланетянами на взаимоприемлемой основе. Но теперь стало ясно, что с их стороны эти переговоры были только уловкой и что они намерены попросту уничтожить нас... Всё население Земли должно знать: либо оно объединится ради своего спасения под властью единого мирового правительства для отражения возникшей угрозы, либо будет полностью уничтожено инопланетянами...» И в подтверждение этих слов последуют удары из космоса... Появятся сообщения о высадке инопланетных десантов. О таинственных лучах, которыми инопланетяне воздействуют на наше сознание... Об агентах инопланетян среди людей...» («НЛО и «новый мировой порядок»)

Такой жуткий сценарий представляется вполне правдоподобным. «Общество Спектакля» вполне способно устроить какое-нибудь впечатляющее представление, технические возможности для этого существуют, а общественное сознание давно уже легко поддаётся самым разным манипуляциям. Кроме того, оно вполне подготовлено к появлению инопланетян, о которых снято столько фильмов и написано столько книг. Особый вклад тут внесли уфологи с их «летающими тарелками», «рассказами контактёров» и т.д. Не исключено, что будет устроено нечто вроде 11 сентября 2011 года, только намного масштабнее — на-

пример, «атака» Капитолия летающей тарелкой и т.д.

Отсюда ещё одно измерение русской космической миссии. Необходимо «сканирование» космического пространства на предмет наличия там разумной жизни. Полёты к другим планетам, создание новых, сверхмощных космических станций и т.д. предоставят совершенно новые возможности для этого. Тогда будет нанесен сокрушительный удар по различным «уфологическим» и оккультным бредням, которые используются в своих целях предприимчивой «закулисой».

6. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ТОРГОВОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ

На технологическом уровне человечество уже готово к полномасштабной космической экспансии. А вот на политико-экономическом уровне — такой готовности нет, точнее, нет готовности западных элит «глобального мира». Они понимают, что это требует перехода человека в иной формат социального существования.

Отсюда и торможение в области космических исследований. Вот цифры — в настоящий момент расходы всех государств на «гражданский» космос составляют около 30 миллиардов долларов. Это, как подсчитано, — 4 доллара в год на одного землянина. С учётом цен на это можно выпить немного в пива в скромном заведении. Сами расходы равны годовым продажам жевательной резинки в мировом масштабе. На корм для собак и кошек тратится 50 миллиардов в год. Комментируя эти смешные (если бы не было так грустно) цифры, секретарь ЦК КПРФ Леонид Калашников отмечает: «С начала 1990-х годов человечество не сделало в освоении космоса ничего принципиально нового. Запускаются спутники связи, навигации и мониторинга земной поверхности (спутники разведки, метеорологические и т.п.), но всё это делается с 1960-х годов. К планетам Солнечной системы периодически направляются автоматические космические аппараты. Но эти исследования также стартовали ещё в 1960-е годы, а решающие успехи в этом направлении были достигнуты в 1970-е. В околоземном космосе находится одна орбитальная станция, но длительность пребывания экипажей на МКС уступает рекордам советских космонавтов 1980-х годов. Да, конечно, есть частные технические усовершенствования, но и они касаются в ос-

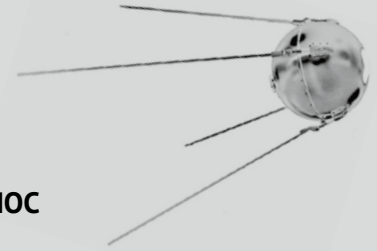

новном компьютерной начинки космических аппаратов, а не собственно «железа». При этом земляне полностью лишились крупнотоннажных средств выведения грузов в космос: США уже больше 30 лет как закрыли свой «Сатурн-5», а горбачёвское руководство в конце 1980-х похоронило аналогичную по классу ракету-носитель «Энергия». («Капитализм остановил освоение космоса» // КИПФ.Ру)

А между тем ещё в советское время серьёзно обсуждали крупномасштабные проекты, например: «Космические солнечные электростанции с передачей энергии на Землю. Солнечные электростанции в космосе обещают быть намного рентабельнее наземных, ведь в невесомости и безвоздушном пространстве гораздо проще осуществлять концентрацию солнечной энергии. Орбитальные отражатели солнечного света, способные освещать отдельные участки земной поверхности (крупные города, очаги стихийных бедствий, районы интенсивных сельхозработ), а при дальнейшем развитии — и регулировать погоду и климат на планете Земля. При этом, по расчетам профессора А. В. Лукьянова, такие отражатели в космосе могут иметь толщину всего в доли микрона, то есть при огромных площадях быть очень лёгкими и недорогими. Общепланетное транспортное средство (ОТС) инженера Анатолия Юницкого — стальное кольцо по экватору Земли, способное выходить в космос за счёт центробежных сил, возникающих при движении ленты в вакуумированном канале внутри кольца. ОТС могло бы выводить в околоземное пространство сразу до 200 млн тонн груза, при этом стоимость выведения 1 кг полезной нагрузки сведётся к цене примерно 10 кВт/час электроэнергии, то есть будет в тысячи раз меньше, чем у ракет-носителей на химическом топливе».

Но реализация по-настоящему прорывных космических проектов невозможна, пока мировое лидерство держит Запад. Всё будет сводиться к вялому ковырянию на орбите — в рамках сугубо коммерческих проектов. Необходима Альтернатива, которая только и может вывести человечество на космический уровень. И такую Альтернативу может представить Россия с её инаковостью, столь раздражающей западные элиты. И часто встречающееся ныне словосочетание «Русский мир» можно истолковать и как реальность, альтернативную нынешнему глобальному миру, с его культом наживы и торгашеским космополитизмом.

Космическая миссия Святой Руси — это и её мировая, социальная миссия.

РУССКИЙ КОСМОС

Первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета Р-7 была разработана в 1950-е годы в ОКБ-1 под руководством С.П. Королёва. В 1960 году Р-7 была принята на вооружение Ракетных войск стратегического назначения. Надёжность конструкции, дальность и мощность позволили использовать Р-7 в качестве ракеты-носителя. На базе Р-7 возникло семейство ракет среднего класса, при помощи которых на орбиту был выведен ряд искусственных спутников Земли и все советские космические корабли.

«**Спутник-1**» — первый искусственный спутник Земли, запущенный на орбиту 4 октября 1957 года. Дата запуска считается началом космической эры человечества, а в России отмечается как день Космических войск. Спустя два месяца американцы попытались запустить свой аппарат «Vanguard TV3». Через две секунды после старта ракета взорвалась. В американской прессе аппарат-неудачник саркастически величали «упсник» и «капутник» (неологизмы на основе русского слова «спутник»). Стивен Кинг вспоминает: в день запуска советского спутника он, 10-летний мальчик, сидел в кинотеатре; вдруг фильм прервали; на сцену вышел управляющий и сообщил, что русские вывели на орбиту летательный аппарат, который они именуют «спутником». Сообщение было встречено гробовым молчанием. «Русские опередили нас в космосе!..» В тот момент будущий «король ужасов», по собственному признанию, «впервые пережил подлинный ужас».

Первый космический корабль с Юрием Гагариным на борту был запущен 12 апреля 1961 года. Полёт проходил на высоте от 175 до 302 км над Землёй и длился 1 час 48 минут. Корабль облетел земной шар, преодолев 41 000 км. Пресса в Европе откликнулась на это событие статьёй «Два Гагарина». Дело в том, что русский религиозный мыслитель и философ, «московский Сократ», один из основоположников русского космизма Николай Фёдоров (1828 или 1829–1903) был внебрачным сыном князя Гагарина. Фёдоров первым заявил, что перед человечеством лежит путь к освоению космического пространства. В 1870-е годы он руководил самообразованием молодого Константина Циолковского, чья мысль: «Земля — колыбель человечества, но не вечно же жить в колыбели!» — вдохновлена идеями Фёдорова.

(продолжение на стр. 79)

/ Александр СЕГЕНЬ /

Черная нить

Ариадны

Рассказ

Многим людям, хотя бы раз в жизни занимавшимся какими-либо тщательными изысканиями в дальней или ближней истории, знакомо состояние необычайно обостренного восприятия уже не существующей реальности, когда всё происходящее вокруг отходит на второй план, становится менее существенным, нежели та область испытываемого времени, в которую изо всех сил стараешься погрузиться, чтобы постичь.

Несколько лет назад и я был охвачен таким состоянием, когда работал над диссертацией о жизни Сергея Медеянского. Человек честолюбивый, я никоим образом и в мыслях не мог допустить, чтобы мой труд явился бы всего лишь средством для достижения научной степени и лёг на полку в качестве хоть и неглупой, но, в общем, бесполезной макулатуры, столь обильно производимой до недавнего времени множеством аспирантов бесчисленных кафедр. О нет! Мне виделась замечательная монография, изданная солидным тиражом и сразу вошедшая в анналы отечественной историко-литературоведческой науки.

Я проводил бесчисленные часы в архивах и библиотеках, выезжал в разные города, связанные с именем Медеянского, и, как подводная лодка, идущая по следу крейсера, постоянно чувствовал, что держу этот след, что вода, которую я разрезаю, ещё недавно билась о борт крейсера. Мне мерещились отдалённые голоса умерших людей, чудилось, будто я даже могу на ощупь попробовать материю их одежд, прикоснуться к плечу, локтю, а то и даже взять под руку какую-нибудь тень угасшего прошлого, спросить о чём-либо и получить ответ, пусть невнятный, но который можно будет расшифровать.

Мне снились длинные, запутанные и необыкновенные в своей щемящей реалистичности сны. И вот однажды я увидел себя на пляже

у моря, к которому сбегали горы, чьи вершины горделиво выглядывали из одеяния кипарисов и туи. Меня подвели к компании молодых женщин, сидящих и лежащих возле самой кромки прибоя, и представили им как начинающего поэта и исследователя литературы. Некоторые из женщин были очень красивы, другие не очень. Все они были одеты в старомодные купальные костюмы, две из них только что вылезли мокрые из моря, две другие тотчас при моем появлении с радостным кличем кинулись купаться. Мне предложили арбуз, я подсел на мягкую огромную подстилку. Почему-то я не спешил остаться в плавках и так и сидел в брюках, пиджаке, сорочке, носках и ботинках. Только позволил себе ослабить галстук.

Я очень скоро узнал, что одна из брюнеток — Ариадна Бронц, и постарался подсесть к ней поближе, тем более что и она почему-то проявила интерес к моей невзрачной личности. Между нами как-то легко завязался разговор, будто мы давно были знакомы. В жизни... Простите, во сне, ибо всё это было сном, она оказалась гораздо красивее, чем на фотографиях, всегда заставлявших меня удивляться, что нашёл Медеянский в этой женщине, почему так страдал из-за её капризов и не замечал, какое это чудовище. Нет, снова неточность: не красивее, а выразительнее, и ещё лучше сказать — притягательнее. Этой притягательности, которую я ощутил при встрече с Ариадной Бронц, не передавала ни одна фотография, ни один из тринадцати портретов, в том числе и лентуловский. Её глаза, насмешливо и одновременно настороженно, весело и то же время скорбно, мягко, но и властно смотревшие на меня, обладали несомненным даром улавливать и владеть теми, на кого обращён их хищно-заинтересованный взгляд.

Не помню точно начала нашей беседы, но могу сказать определённо: я поддался власти глаз Ариадны Бронц и в первое время напропалую пустился актёрствовать — шутил, высказывал мысли, способные приятно удивлять и воодушевлять внимание собеседницы. Она то смеялась, то незлобно, а даже как бы податливо возмущалась некоторыми из моих высказываний. Наш разговор привлек внимание других женщин, незаметно к компании присоединились двое-трое мужчин, и они тоже вовлеклись в разговор. Я распустил хвост и почти совсем упустил из виду, среди какого сорта людей нахожусь, пока до моего сознания случайно или не случайно не дошло, что среди женщин присутствует жена некоего значительного лица в коммунистической иерархии, чуть ли не Генриха Ягоды. Это меня сильно отрезвило и придало совершенно иное качество моим остроумам и замечаниям. Я стал язвитель, беспощаден, смел и, главное, вдруг избавился от плена притягательных глаз Ариадны Бронц. Я стал ближе вести разговор к темам, по которым гуляло электричество. Так мы заговорили, наконец, о жизни и смерти.

— Неужели вы и впрямь верите в загробную жизнь? — помню, спросила меня одна из женщин.

— Мало того, загорелая вы моя, — ответил я, — вы и сами вполне в это верите, иначе не стали бы с таким, простите, восторгом поедать персик. Что-то внутри вас подсказывает вам, что по ту сторону солнца и моря едва ли дадут вам удовольствоваться подобным плодом. Вы сполна спешите насладиться своими телесными потребностями, потому что отрезок этой жизни так мал по сравнению с вечностью, которая ждёт вас впереди.

— А в вечности, значит, персиков не дают? — насмешливо, но поёживаясь, спросила Ариадна Бронц.

— Вы прекрасно знаете, какая именно вечность ждёт вас всех. И в том числе вас, Ариадна Львовна, — отвечал я мрачно, но тотчас поспешил смягчить безжалостное суждение: — Хотя уверен, что многие, если спросить их, предпочли бы несколько минут вашего общества любой вечности.

— Многие, но не вы, как я понимаю.

— Я? Моё существование вообще под вопросом. Вы так никогда и не узнаете, кто я и откуда. Между нами беспросветная разница. Я знаю о вас, о Сергее Сергеевиче и Льве Ильиче очень много, в то время как обо мне у вас никогда не будет никаких сведений.

Так я, то резко, то постепенно, стал переводить наш разговор совершенно в другую реальность, ведь, находясь в состоянии сна, во власти сновидения, я осознавал, что это всё сон, и все они, а в особенности она, уже находились в подчинении моего сновидения. При этом мне удавалось подавать все мои пугающие высказывания таким тоном, что у них постоянно держалось ощущение, будто они вовлечены в какую-то интересную, страшноватенькую игру. То ли я оригинально рисуюсь, то ли действительно представляю собой нечто неслыханно оригинальное — они никак не могли понять. Я отпустил несколько таких желчных фраз в адрес существующего порядка власти в России, что это сильно их насторожило. Если я до сих пор не арестован, то непременно скоро буду. А если не буду, то значит — имею право на подобное оригинальничанье.

Впрочем, тут уж начались мои домыслы. Скорее всего, в своей среде они ко многому привыкли — и к провокаторам, и к сумасшедшим, которых какая-то неведомая сила до поры до времени хранит от непосредственного участия в самых грандиозных стройках социалистического века. Вопреки ожиданиям в ответ на некоторые мои фразы не поднялось никакой паники. Женщины и мужчины оставались почти безмятежны, а вскоре отвлеклись от нашего разговора с Ариадной и полезли купаться. Мы остались вдвоем и заговорили о Сергее Сергеевиче, о его необыкновенном поэтическом даре, потраченном впустую. Я так и сказал ей, а затем принялся рисовать картину будущего, как с течением времени интерес к поэзии Меделянского будет не ослабевать, а в какой-то период даже поднимется незаслуженно высоко, но потом придут другие поколения, иные оценки и пристрастия, и бедного Сергея Сергеевича сначала станут считать смешным и жалким, а потом и вовсе забудут. Останется разве что феномен тройственного союза между Львом Бронцем, Сергеем Меделянским и Ариадной Меделянской-Бронц, да и то в качестве объекта изучения сексо- и психопатологов.

Она разозлилась, глаза её вспыхнули фиолетовым адским пламенем. Передо мной уже сидела не обворожительная женщина-маска, а скользкая гадина, способная обвинить человека множеством колец своего извивающегося тела и удушить.

Но это был лишь миг, лишь стремительная молния. Змея, испугавшись своего обнажив-

шегося обличья, юркнула назад в нору. Ариадна Львовна рассмеялась, и уже сквозь смех прокатилось эхо злобы:

— А вы ядовитенький! Ха-ха-ха! Ядовитенький мальчик. Жаль, что Сергей Сергеевич не слышит ваших речей.

— А кстати, где сейчас Медеянский? — спросил я.

— Где... Да вон же он валяется, — указала она небрежным взмахом руки в сторону лежащего несколько в отдалении человека, голова которого была укутана полотенцем.

— Спит?

— Пьян. Напузырился шампанским с самого утра.

И в подтверждение её слов подле лежащего поэта сверкнула зеленым боком пустая бутылка из-под шампанского. Я всмотрелся в лежащее тело, и мне стало почти до слёз жаль Сергея Сергеевича. Он показался мне добрым морским существом, выброшенным на берег и уснувшим, чтобы вне родной стихии до смерти засохнуть под палящим солнцем. Туловище, одетое в чёрный купальный костюм, казалось массивным и длинным, а поджатые ноги непропорционально короткими, словно лапы, ставшие на суше бесполезными.

— Очки разбил... — вздохнула Ариадна Бронц, показывая мне крошечные зелёные очки с расколотым одним стёклышком.

— Неужели это его очки? — невольно вырвалось у меня, до того захотелось стать обладателем этих очков.

— Да, — сказала она. — Не обольщайтесь, не думайте, будто вы один такой проницательный. Все, что вы говорите о Сергее Сергеевиче, я и сама знаю.

— И всё же не знаете очень многого, — возразил я, почувствовав, что силы сна на исходе и меня начинает уносить. Купающиеся плыли назад к берегу, и мне захотелось успеть сказать ей нечто на память, сделать какую-то засечку на всю её жизнь.

— Чего же, например, я не знаю? — спросила она.

— Например, того, когда в космос полетит первый человек, — выбрал я первое попавшееся.

— И-и-и! — протянула она, расплываясь в разочарованной улыбке. — Что-то вы совсем сдулись. Даже обидно как-то. Были минуты, когда я очаровывалась вами.

— Послушайте, Ариадна Львовна, — спешил я. — Я сейчас скажу вам, а вы потом вспомните мои слова. Так вот, запомните: двенадцатого

апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года на космическом корабле впервые будет запущен космонавт Юрий Гагарин.

Она снова рассмеялась:

— О нет, нет, не надо так смеяться над бедной женщиной! Гагарин! Почему не Куракин, не Оболенский, не Шереметьев? В каком году? В шестьдесят первом?

— Да, двенадцатого апреля.

— Так вот, запомните, мальчик, что я не доживу до того времени, никогда не буду старухой. Старость — не для меня. Как только я почувствую, что старею, приму яд. И он есть у меня под рукой.

— Знаю, знаю, — усмехнулся я. — Ведь именно этим ядом вы собственноручно отравили князя Алабышева.

Маска смеха застыла на её лице и окаменела.

— Несчастливая вы, Ариадна Львовна, продолжал я, чувствуя, как исчезаю. — Прекрасненько вы переживёте и Сергея Сергеевича, и Льва Ильича, и ещё двух мужей. И доживёте до двенадцатого апреля шестьдесят первого года, когда в космос полетит Юрий Гагарин на корабле «Восток», и вы окунётесь в эту самую постыдную старость, которой вы так боитесь, а яд примете уже в возрасте восьмидесяти трёх лет...

Тут я осекся, осознав, что напрасно сообщил ей о самоубийстве. Но она уже вовсе не верила мне, кивала головой, и в глазах её было: «Глупый, гадкий, злобенький мальчонка!»

— Идите, купайтесь, вон — зовут вас, — сказал я.

Она хмыкнула, дёрнула плечом и, резко поднявшись на ноги, направилась к морю, а я проснулся у себя дома спустя шесть лет после того, как Ариадна Бронц приняла яд на своей даче в Переделкине.

К тому времени, когда мне привиделся этот сон, я и половины не знал всего того, что мне довелось узнать потом о жизни Медеянского и супружеской четы Бронц. И сон был воспринят мною как диковинное проявление моей разворошенной исследованиями фантазии. Я охотно рассказал об увиденном мне некоторым из моих друзей, но никто не верил, что такое может присниться — такое подробное и литературовидное.

О ту пору в монолитной глыбе, именуемой «Россия XX века», ненадолго открылась щель между отжившим своё насильственным социализмом и идущим ему на смену насиль-

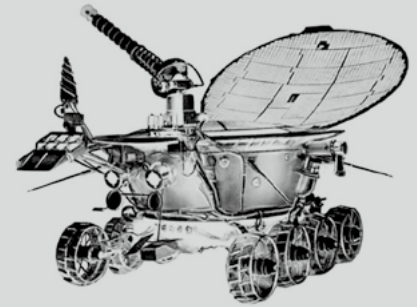

ственным капитализмом. Открылся доступ к архивам, свободному передвижению внутри и за пределами границ Родины и ещё не навалилось тяжкое бремя денежной зависимости, ещё не грянули разруха и война, не вылезло на свет Божий такое изобилие тупой и равнодушной ко всему, кроме распродажи, массы человеческого сброда. Я отложил уже готовую диссертацию, предвидя возможности для ещё большего её наполнения ценным материалом. Мне удалось совершить несколько очень плодотворных поездок в разные страны, в том числе в Штаты, в результате чего я обогатился фактами, которые при желании любой сможет узнать, прочитав мою книгу, если только в нынешней России, заваленной низменной печатной продукцией, мне удастся мою книгу опубликовать.

Именно в этот краткий период между Горбачёвым и Ельциным я получил документы, подтверждающие, что Лев Ильич Бронц, родившийся в 1870 году в Вильне, был не только мужем Ариадны Львовны Бронц, но и её отцом. Приехав в середине девяностых годов в Америку, Лев Ильич женился там на Норе Коэн, и в 1899 году у них родилась дочь, которую назвали Ариадной. Нора Бронц скончалась в 1915 году в Сан-Франциско при странных обстоятельствах. Неутешные муж и дочь покинули Соединённые Штаты и до 1919 года путешествовали по разным экзотическим странам мира, а летом 1919 года объявились в Москве уже в качестве супругов. История любви отца и дочери Бронц заслуживает глубокого психоаналитического исследования, но, поскольку эта тема затрагивается в моей книге в соприкосновении с личностью Сергея Медеянского, я воздерживаюсь от её развёрнутого освещения.

Лев Бронц пользовался большим авторитетом среди большевиков, но дела его связаны больше с финансированием революции и вкушением её плодов, нежели с политикой и идеологией большевизма. Во всяком случае, Лев Ильич умудрился прожить до 1936 года в Советской России, не занимая никаких значительных должностей и при сём живя в лучших русских домах и гостиницах, всюду разъезжая, всюду суя свой нос.

В Москве с семьёй Бронц стал дружен двадцатичетырёхлетний поэт Сергей Медеянский. Об истории его взаимоотношений с Бронцами много написано в моей книге, и потому я не стану здесь подробно останавливаться. Известно и без меня, что с на-

РУССКИЙ КОСМОС

(продолжение, начало на стр. 75)

Первые планетоходы «Луноход-1» и «Луноход-2» отправились на Луну в 1970 и 1973 годах. «Луноход-2» предназначался для изучения механических свойств лунной поверхности, фотосъёмки и телесъёмки Луны. На стадии разработки конструкторы столкнулись с нелёгкой задачей: создать аппарат для передвижения по поверхности, о которой на тот момент не было известно практически ничего. Тем не менее «Луноход-2» принадлежат рекорды по пройденному расстоянию: за 4 месяца работы аппарат прошел 42 км, в том числе участки с весьма сложным рельефом, сыпучим грунтом и каменными россыпями. На Землю было передано 93 телефотометрических панорамы и около 89 тысяч снимков малокадрового телевидения. Помимо рекордов по массе самодвижущегося аппарата (836 кг) и пройденному расстоянию «Луноход-2» превзошёл все подобные аппараты по скорости движения и продолжительности активных действий.

Запуск на орбиту первой в мире пилотируемой орбитальной станции «Салют» в 1971 году ознаменовал новый этап в развитии космонавтики. Её разработка началась в 1960-е годы в ОКБ-1. Серию «Салютов» сменила станция третьего поколения — орбитальный комплекс «Мир», оснащённый, в частности, модулем «Квант», первой в истории астрофизической космической лабораторией. Запуск «Мира», пребывавшего в космосе с 1986 по 2001 год, положил начало созданию на орбите постоянно действующих пилотируемых научно-технических комплексов.

чала тридцатых годов Медеянский стал официальным мужем Ариадны, а Лев Ильич продолжал жить при них на правах доброго друга, с которым они не в состоянии расстаться. Давно, и опять-таки без меня, известно всему миру, что Ариадна Львовна была одновременно женой и Медеянского, и Бронца, она и фамилию-то себе взяла в 1931 году — Медеянская-Бронц. Другое дело, что до сих пор умалчивается факт отцовства Льва Ильича по отношению к Ариадне Львовне, а также и то, что дочь оставалась любовницей собственного отца в значительно большей степени, нежели любовницей своего официального мужа. А поскольку не исключено, что эта записка увидит свет раньше, чем книга «Сергей Медеянский», то здесь я спешу предупредить всех, интересующихся литературой и историей, об этом более чем странном альянсе. Даже обожатель подобных пикантностей Григорий Климов до сих пор ничего не написал об этом.

И всё же основная цель моего рассказа иная. Естественно, что в книге о Медеянском я не повествую о своём необыкновенном сне про пляж и разговор с Ариадной Бронц. О нём я пишу здесь и только здесь. О нём и о том фантастическом продолжении, которое этот сон получил в моей действительной жизни.

Отправляясь в Германию, я уже имел достоверные сведения о том, что патологическое существо, появлявшееся в двадцатых и начале тридцатых годов в застенках киевской и московской чрезвычайки и известное под кличкой «Ядочка», в своей наземной жизни именовалось Ариадной Львовной Бронц. В жизни подземной, оборачиваясь Ядочкой, эта рептилия с наслаждением участвовала в изуверских пытках. О, она была вдохновлена идеей — она предупреждала истязаемых, что мстит им за некое многовековое зло и рабство народа.

Но больше, чем идея мести, её охватывало едва ли не сексуальное возбуждение, когда она собственной маленькой ручкой отрезала какую-нибудь частичку тела у бывшего полицейского чина или у какого-нибудь судебного репортёра, в своё время не слишком пылко защищавшего в прессе борцов с многовековым злом и рабством. Или у того самого князя Алабышева, про которого одно время просочились откуда-то слухи, будто отравила его лично Ариадна Бронц. Она отравила его, это точно. У неё имелся пузырек с редким ядом, доставлявшим особенные муки. Сей пузырек всегда был при ней; сколько раз

она запугивала Медеянского, что выпьет содержимое пузырька без остатка; у пузырька даже было имя — разумеется, Аввадон. «О как я боюсь этих длительных, ползучих расставаний! — писал в одном из своих писем Медеянский. — Как страшит меня твой жуткий Аввадоша, будь он трижды неладен. Как я молюсь порой, сам не зная кому, чорту лысому, чтобы зелье выдохлось или превратилось в коньячок. Адочка, ненаглядная, лодочка моя, грудочка, маточка, ушко берлинское! Заклинаю тебя Адочка, всеми силами ада ЧКа, — выкинь ты эту мерзость в какие-нибудь волны или подари фининспектору; скажи, мол, от запоров помогает». Дальше в том письме следует рисунок — несут гроб с фининспектором, а за ним идёт похоронная процессия — слоник и змейка, как изображал себя и Ариадну Львовну Медеянский почти во всех своих письмах к ней. Кстати, я помню, как всё во мне зашевелилось, когда я сопоставил слоника и змейку с рисунком из «Маленького принца», где Экзюпери изобразил слона, печально сидящего внутри заглотившего его удава...

Не об этом ли «Аввадоше» в одном из самых нелепых стихотворений Медеянского?

Кричащих битумов безрадостная стынь... и т.д.

Известное стихотворение, незачем приводить его целиком. Кому интересен мой рассказ, перечитайте эти десять строф и задумайтесь. Не о жертвах ли Ядочки идёт речь? Хотя до сих пор неизвестно, знал ли сам Сергей-то Сергеевич о том, что Ариадна Львовна не только «лодочка», «маточка», не только «ушко берлинское» и «сладость медеянская» и даже не только «змеюшка змейская моисейская», как в некоторых письмах с намёком на библейского медного змия, с помощью которого Моисей спас в пустыне народ свой от укусов живых змей, — но ещё и легендарная Ядочка, которая, намучив очередную свою жертву, давала ей капельку «Аввадоши», дабы и предсмертные муки несчастного человека доставляли мучительнице полноту удовольствия...

Итак, я приехал в Германию, где прочёл несколько лекций в маленьких университетских городках Рейнской области и Вестфалии. Я видел скалу Лорелею, забирался на самый верх Кёльнского собора, в котором покоятся мощи трёх волхвов, пил пиво, ел вюрстхен, бродил по пряничным улицам из сказок братьев Гримм и всё такое прочее.

Константин Качев: "Источник". Холст, масло. 2006

Последний город, в котором мне довелось побывать перед возвращением в Кёльн, а от туда через Франкфурт-на-Майне — в Москву, был Аахен, волшебный Аахен, где в Домском соборе стоит гроб Карла Великого и хранятся пелены младенца Христа. Я настолько был тронут и восхищён красотой этого маленького, но знаменитого городка на месте схождения Германии, Бельгии и Голландии, что напрочь забыл о пребывании здесь в 1931 году супружеского трио Меделянских-Бронц во время их путешествия через Европу в Америку и обратно. Да, честно признаться, уже тогда я силь-

но начал тяготиться своими исследованиями в этой области, мне уже тогда, хотя и меньше, чем сейчас, хотелось уйти куда-то к свету, чистоте, здоровью души.

Никогда не забыть мне упоительного вечера, который я провёл в гостях у редактора журнала «Osteuropa» Александра Штайнингера. Мы сидели за обильным столом, говорили, смеялись, пели, читали стихи. Штайнингер в молодости был в России в качестве военнопленного и с той поры влюблён в мою Родину и в мой народ. Вторым его гостем был в тот вечер Феликс Розинер, писатель,

эмигрировавший из России сначала в Израиль, потом в Америку. С ним у нас составил отличный дуэт, и мы спели песен тридцать, если не больше, начиная с «Как ныне собирается вещий Олег» и кончая песнями на стихи Фатьянова и Исаковского, под бурный восторг и аплодисменты Штайнингера, его милой жены, сына и невесты сына, француженки, которая потом не без запинки спела народные французские песни, а её будущая свекровь сыграла нам на губной гармошке. Короче говоря, вечер удался на славу, и в гостиницу «Ибис», где мы с Розинером остановились, Штайнингер отвёз нас на своём «Мерседесе» уже в два часа ночи.

Войдя в свой номер, пьяненький и веселенький, я принял душ, а в ушах у меня всё ещё звенел смех, в глазах мелькали улыбки, а в сердце ещё плыла последняя песня, которую мы с Феликсом исполнили для радушных хозяев перед уходом:

*Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая...*

И я уже стал с тоской думать о той хорошей и красивой, что ждала меня дома в Москве, как вдруг раздался телефонный звонок. Я снял трубку, и ко мне обратились по-русски, хотя и с очень сильным акцентом:

— Здравствуйте. Это говорит Александр Георгиевич Кардашов?

— Да, он самый.

— Если не ошибаюсь, вы есть исследователь жизни и литературы Сергея Медеянского?

— Не ошибаетесь.

— Простите, не понял — вы есть или не есть?

— Да, я есть тот самый Кардашов, который написал книгу о Медеянском, — медленно, с расстановкой, чтобы человек понял, ответил я.

— Очень хорошо. Здесь сейчас это разговаривает с вами сын Ариадны Медеянской-Бронц. Меня зовут Якоб Менш.

Веселый хмель, под которым я вернулся от Штайнингера, вмиг превратился в нечто скучное и пошлое, как выдохшее пиво. Ещё одна тайна Ядочки! Боже, как они надоели, эти её тайны, старательно расставленные по всему миру, словно ловушки для мелкого зверя и птицы!

— Слушаю вас внимательно, — сосредоточенно сказал я.

— Вы могли бы сейчас здесь приехать ко мне? Я живу недалеко от гостиницы «Ибис», где есть располагается вы. Я пришлю за вами такси.

Я немного поразмыслил — это меня вполне устраивало, ведь мой отъезд из Аахена завтра вечером, а днём Штайнингер обещал повозить меня и Розинера по Бельгии и Голландии. Я уже был не так увлечён собиранием подробностей жизни Медеянского, как пару-тройку лет назад, и охотнее предпочёл бы поездку. Тем более что в последнее время из судьбы Медеянского исследования уводили меня в судьбу Ариадны Бронц, от которой меня уже тошнило.

— Хорошо, я готов.

— Какой у вас адрес? Я позвоню в такси-сервис, не беспокойтесь. Ждите, — сказал Якоб Менш и повесил трубку. Даже за несколько недель в Германии я не привык, что ждать такси здесь не то, что в некоторых других странах, и в очередной раз был ошарашен, когда через пять минут позвонила консьержка и сообщила, что у входа меня ожидает такси. А ещё через четыре минуты таксист привёз меня на Вильгельмштрассе, до которой я спокойно и уверенно мог бы дойти пешком за десять минут.

Возле дома, у которого остановилась машина, меня встречал пожилой мужчина. Увидев, что я собираюсь расплачиваться, он суетливо просунул голову в окошко автомобиля и, пробормотав: «Nei-nei-nein», — сам заплатил указанную на счётчике сумму, а уже потом, открыв дверцу, осведомился:

— Herr Kardaschov?

— Ja.

— Bitte, willkommen.

Я последовал за ним, заключая, что если он не говорит по-русски, следовательно, это не он мне звонил по телефону. Мы поднялись на третий этаж, вошли в квартиру, меня одолевал сон, и уже казалось, что всё это снится. Встречающий провёл меня в одну из комнат, где я увидел некое человекоподобное существо, сидящее в инвалидной коляске напротив искусственного, но очень похожего на настоящий камина. Голова этого существа, покрытая пышной седой барашковой шевелюрой, казалась огромной по сравнению с крошечными плечиками, куриной грудью, короткими и тонкими руками. Ног у него почти не было вовсе, как у придворного карлика на одной из картин Веласкеса. Одет господин Менш был в какое-то ярко расшитое огненными драконами кимоно, и, видимо, только оно могло как-то скрасить его карикатурность.

Я подошел, чтобы пожать его жилистую лапку. Несколько секунд мы внимательно разглядывали лица друг друга. Из-под крупных очков с сильными диоптриями на меня смотрели печальные, но в то же время очень живые глазки, непомерно большие губы постоянно двигались, будто дегустировали каплю старинного вина.

— Это мой слуга, Штинкер, — сказал Менш, когда Штинкер подставлял мне кресло. — Будьте как дома. Сколько вы имеете времени для беседы со мной?

— В восемь часов за мной должны приехать в гостиницу, — ответил я, убавляя один час, — Штайнингер обещал приехать в девять.

— Пять часов. Очень хорошо. Как говорится, не будем тратить время. Вам должно быть интересно, как я нашёл вас. Могу сказать одно — вы постоянно находитесь в поле моего зрения с тех пор, как были напечатаны ваши первые статьи о Медеянском. Мне нравится та искренность, с какой вы интересуетесь судьбой моей матери и её поэта. К сожалению, как вы сами догадываетесь, есть многое в их истории, что должно остаться тайной. И не ждите, что я буду открывать вам некоторый секрет. Скажите, известно ли вам было что-нибудь о моём существовании?

— Я знал, что Сергей Сергеевич, Лев Ильич и Ариадна Львовна в тридцать первом году посетили Аахен, но о вас, как и вообще о том, были ли у Ариадны Львовны дети, я, признать, не знал до сего дня равным счётом ничего.

— Это и понятно, — печально усмехнулся он.

Штинкер принес напитки, печенье, орешки и удалился. Разговор между мной и сыном Ариадны Бронц неожиданно потёк по какому-то отвлечённому руслу, что, естественно, стало меня раздражать. Менш принялся расспрашивать меня, какие художники мне нравятся, с его и моей стороны посыпались оценки Кандинского, Малевича, Шагала, Пикассо, Эль Греко, Боттичелли, Тициана, Лентулова, Латура, Глазунова, Дали, Кустодиева, Дикса, Нольде, Веласкеса, Редона, Рубенса, Ренуара и так далее... Кончилось тем, что Менш заставил меня встать и взять со шкафа приготовленный для меня в подарок альбом Вадима Сидура, что можно было вполне расценить как издёвку, поскольку из učinённого мне допроса хозяин мог чётко уяснить — трупы, виселицы и фаллические пистолеты этого мрачного конъюнктурщика не вызовут во мне ничего, кроме омерзения. Но я всё же поблагодарил Менша за подарок,

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ

Сформулирована русским мыслителем **Николаем Яковлевичем Данилевским** (1822–1885) в работе «Россия и Европа» (1869). Постулирует отсутствие единой общечеловеческой цивилизации и существование различных обособленных «самобытных цивилизаций» («культурно-исторических типов»). Выделяются 11 типов: египетский, индийский, китайский, романо-германский и др. Россия со славянством образуют новый тип, совершенно отличный от европейского, который должен ещё проявить свой потенциал в его полноте. В своём развитии каждый тип проходит 3 фазы: рост, цветение и плодоношение. Основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются цивилизации другого типа. Культурно-исторический тип — высшее и окончательное выражение социального единства. Ключевым моментом в концепции Данилевского, которую и по сей день включают в курсы истории социологии во всём мире, является цикличность цивилизационного процесса. Теория Данилевского оказала большое влияние на развитие русской и мировой философии и социологии, в частности, на формирование взглядов О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др.

после чего начался второй тур — музыка. Мы столь же подробно перебрали всех композиторов от Альбинони до Шнитке, а в итоге я получил в подарок пластинку, на которой значились симфонии какого-то Шмуцейчика. Конверт пластинки был щедро расписан мазней в духе Сидура, из чего можно было сделать вывод и о характере записанной там музыки. После разговора о поэзии я получил более-менее сносный подарок — тонюсенький сборник стихов Иосифа Бродского на немецком языке.

Часы пробили пять. Глаза мои мучительно слипались, чему немало способствовали различные ликеры, коими меня потчевали. Я стал чувствовать себя в ловушке, если не хуже — в застенке. Менш явно издевался надо мной, наслаждаясь моими мучениями, пусть и не такими страшными, как те, которыми развлекалась когда-то его мамаша, садистка Ядочка. Глаза этого уродца с каждой минутой делались всё живее, а печаль в них сменилась неким кровожадным азартом. Наконец он опомнился, прервал нуднейшее рассуждение об архитектуре «несравненного» Гауди и произнёс:

— Мне кажется, мы с вами заболтались. Поверьте, мне приятно было найти в вашем лице образованного и разностороннего собеседника. Я вижу, что это и есть вы. Тот самый.

— Тот самый?.. Хм, благодарю вас... — пробормотал я.

— Да, тот самый, кому я имею надобность показать одну рукопись. Вы не узнаете, каким образом она попала ко мне. Вы также не узнаете ничего больше того, что прочтёте тут. Когда вы закончите чтение, я отберу у вас рукопись, и мы попрощаемся.

С этими словами он сунул руку себе под мышку и извлек из складок кимоно толстенькую тетрадку небольшого формата.

— Вот, читайте, а я, если не возражаете, буду с любопытством смотреть на вас в это время, — сказал он, протягивая мне тетрадку.

Открыв первую страницу, я вмиг проснулся. Передо мной был дневник Ариадны Бронц, начинавшийся 1959 годом. Я сразу узнал её редкостно мелкий почерк — Ариадна Львовна всегда писала так, будто старалась не начертить буквы, а спрятать их в бумаге.

— Час поздний, нельзя ли попросить лупу? — спросил я.

— Штинкер уже спит, а я порой не знаю, где лежат некоторые мои вещи, — ответил Менш с издёвкой во взгляде.

«Чёрт бы тебя побрал!» — искренне пожелал я этому — незнамо, Якову Львовичу или Якову Сергеевичу. А может быть, Якову Аввадоновичу?

Можете себе представить, насколько трудно мне сейчас воссоздать прочитанное в ту ночь в гостях у Якоба Менша. Записи в своём дневнике Ариадна Бронц вела не постоянно. Это были короткие отрывочные фразы, лишь в очень редких случаях соотнесённые с предшествующими им датами. Приблизительнейшим образом привожу здесь то, что мне запомнилось в записях, и настаиваю, чтобы это никто и нигде не смел цитировать в качестве ссылки на документ.

«10 января. Мела метель. Белая, белая, как тот далёкий год, от которого у меня остался лишь старый шёлковый пеньюар. Слышу запах, вижу пустые глазницы прошлого, я, которая не хотела дожить и до сорока лет.

15 января. Все-таки это север. Варвара уговаривает меня пить какую-то святую воду из каких-то здешних святых колодцев. Слышишь, Меделянский, сочини на этот счёт какое-нибудь стихотворчество, как то, про Михеево пристрастие получать еженедельно причастие.

16 января. Молодой поэт А. Воз. Приходил читать свои стихи, умилённо целовал мои прекрасные руки в синих прожилках. Нет, всё же стоило дожить до старости, чтобы увидеть такие руки. Говорят, я молодо выгляжу, но это пустое, бред. Зима, белые муравьи смерти стучатся в моё окно ледяными пузиками.

1 февраля. Приходил мёртвый Фадеев. Жаловался, что там плохо топят помещения и кормят отвратно. Отговаривал меня. Что ж, пока посижу. У меня тут хотя бы топят хорошо. Напоследок, уходя, Фадеев пьяно рывкнул мне, что я «космополитическая сволочь».

11 февраля. Кажется, когда мы жили ещё в Окленде, Папаса подарил мне такой звонкий зелёный велосипедик. Я так визжала от восторга, что мне не было дела даже до арбуза. Что-то этот велосипедик всё звенит и звенит у меня в ушах целый день.

17 февраля. Шолохов публикует какие-то главы, что-то такое «про Родину». Варвара читает, а я злюсь... Родину-уродину!..

20 февраля. На самом деле никакой загробной жизни нет. Ведь сказал же Датский: «The rest is — silence».

28 февраля. Читаю по-французски Бодлера и ничего не понимаю. Слишком много воды, фантазий, мало призывов к дей-

ствию. Он совсем чуждается народных нужд. А когда-то мне нравилось. Медеяша, помнишь, как мы с тобой ссорились из-за...

2 марта. Какие-то сефироты... При чём тут сефироты?

5 марта. Какой милый мальчик Ев. Ев.! Полчаса сидел у моих колен, давая гладить себе вихры. А волчонок! Волчонок! Лижется, ластится, а носик принюхивается к кровушке.

8 марта. Целый день у меня в гостях Руфа. Много смеялись с ней, когда она рассказывала про то, как укладывала своего медведя в психушку. У неё, оказывается, давно все кончено с Ашк., и теперь она закрутила крупный роман с немецким дипломатом. Побывала недавно в Аахене. Видела Минотаврика. Он сильно развился и совсем стал человек».

Помню, дочитав до этого места, я робко покосился в сторону Менша, а он, тотчас уловив мой взгляд, захихикал.

— Наферно, ви прочиталь про Минотафрик? — почему-то с особенным акцентом произнёс он. Должно быть, взволновался. Я кивнул и продолжал читать. Вскоре дошёл до записи, сделанной в тот самый день, когда я появился на свет. Там я прочёл нечто, что заставило меня ещё больше проснуться:

«Шут гороховый написал про Чёрного человека. У меня видение куда страшнее — Белый человек. Белый человек на постель ко мне садится, Белый человек спать не даёт мне всю ночь. Он так смотрит на меня, будто все они где-то живы, в какой-то другой реальности, из которой смотрят на меня, и я перед ними — как голая».

Дальше я стал читать жадно, всё ожидая, когда же снова появится про Белого человека. Мелькали имена и инициалы, продолжались унылые рассуждения о смерти, описывались поездки в Коктебель, Париж, Ниццу, Рим, причём путевые эти заметки велись наиболее образным образом. Можно было подумать, будто пишет глупенькая молодая барышня, впервые вырвавшаяся за границу.

Затем пошли записи, относящиеся к 1960 году. Их было гораздо меньше, некоторые месяцы совсем пропущены. Вот что мне запомнилось:

«(Из мартовских записей.) Ненавижу весну. Головные боли всё сильнее мучают меня, я вдыхаю весенние запахи, а мне чудится, что вдыхаю чьи-то далёкие голоса. Кто-то злобно ругает меня, а кто-то ласково зовёт к себе.

(Из апрельских.) Либо я умру в этом году, либо не умру никогда. Послезавтра исполня-

ется девяносто лет Владимиру Ильичу, а он все ещё живет. Доживу ли я до его возраста? Его ведь тоже сильно беспокоили боли в головном мозге.

(Не то июнь, не то июль.) По приезде в Коктебель меня ожидал жуткий скандал. Мерзавка О.Б. заняла мою комнатку в Волош. доме и никак не хотела выселяться. Лишь к вечеру всё было улажено. И это при моей мигрени!

(Из того же периода.) Сегодня впервые за несколько дней я долго смогла побыть на пляже. Постоянно чувствовала присутствие Бел. чел., как будто он стоит за спиной или вот-вот, как тогда, появится невзначай, подсядет и будет смотреть на меня своим невыносимым светлым взглядом. Никак не могу вспомнить, кто же он, на кого похож. Князь Ник. Пет. Ал.? Нет, не он. Гумилёв? Нет, того я всего лишь раз видела, да и то мельком, в отдалении... Теряюсь.

(Осень.) В Греции мы с Руфой пробыли недолго. У меня случился удар, и вот лишь вторая неделя пошла, как меня выписали из больницы и привезли в Переделкино. Я многое видела, пока была там. Оно, кажется, всё-таки есть, хотя физиологи довольно логично объясняют всю нелепость домыслов в отношении так называемых видений людей, побывавших в состоянии клинической смерти. Тем более что у меня-то никакой клинической смерти не было. Жалею, что так и не доехали до Афин, ведь в последний раз я была там в 1939. Да, именно в тридцать девятом, когда я стала такой свободной, такой легкой — Медеяша был арестован, Папаса уехал в Юнайтед Стетс. За мной ухаживал один греческий актёр, никак не припомню его фамилию, и всё время вертится в голове «Напросидис».

(Конец года.) Недавно я вдруг поняла, что так до сих пор и не сподобилась прочитать «Войну и мир». Очень смеялась этому открытию. Вот назло теперь не стану, так и уйду из этого мира, не прочитав «Войны и мира». Надо держать марку. Теперь с кем ни встречу, всем говорю: «А я не читала вашего Толстого и читать не буду». Всех это шокирует. И это во вкусе Медеянского. Шапиро, приходивший ко мне вчера, сказал: «Вы меня шокируете». А я ему. «А вы меня шапируете». Очень смеялись».

Записи, относящиеся к началу 1961 года, были очень унылые — постоянные жалобы на болезнь, сильные головные боли, доводящие до умопомрачения. И вот весна.

«1 апреля. Вечером был капустник. Смешной какой-то не то чукча, не то юкагир, которого Шапиро привёз с конференции литераторов северных народов из Комарова. Изображались всякие смешные сценки, а мне было невесело. Всё время чувствую приближение какой-то чудовищной развязки, и всё мелькает кто-то перед глазами. Голова разболелась так, что отвели в постель чуть не в обмороке.

2 апреля. Белый человек, Белый человек на постель ко мне садится. Белый человек, Белый человек, он меня не боится. Мерещатся и мерещатся такие дурацкие строки, так и мелькают перед глазами, кровавые. Почему-то никто не приходит. Парабола, парабола. Чьи это недавно стихи про параболу? Мне нет и семидесяти, я могла бы иметь любовников, как императрица Ливия, а меня словно что-то разрушает изнутри, и жизнь — то ли сон, то ли нечто еще худшее.

12 апреля. Свершилось.

13 апреля. Вчера свершилось. Я все вспомнила. Крым. Мы тогда упивались жизнью. А Меделяша — шампанским. Мы сидели на пляже, когда подвели какого-то юношу в белом костюме, он болтал всякий вздор, впрочем, был забавен и даже любопытен. Почему-то так и не снимал своего белого костюма, будто боялся, что там под ним ничего нет — ни тела, ни живота, ни мускулов. И вдруг объявил, что первый космонавт Гагарин полетит в космос 12 апреля 1961 года. Я ещё тогда посмеялась: «Почему не Долгорукий или не Голицын? Почему Гагарин?» Или даже не успела так пошутить, а только подумала. Он мне тогда стал неинтересен. Он стал дерзить и сказал, что я покончу с собой в глубокой старости. Потом я, кажется, ушла купаться, а когда вернулась, его уже и след простыл. И вот вчера — свершилось. Таки да, полетел Гагарин, и таки да — 12 апреля 1961 года. Не наврал мой Белый человек. И представить только, как раз сегодня ко мне приходили Регина, Миша и Леопольд и заговорили о Чёрном человеке, про которого писал Есенин. Оказывается, этого чёрного шута гороховый не сам придумал, а украл его из пьесы Пушкина «Моцарт и Сальери». А ведь я, дерзкая, и Пушкина вашего почти не читала, хи-хи-кс! Когда они ушли, я нашла у себя в библиотеке эту штучку и прочитала. Там есть такие строки, что и днём и ночью к Моцарту приходит Чёрный человек. Ему мерещится, будто он и сейчас сидит в каче-

стве третьего за одним столом с ними. Я тоже чувствую его присутствие, только он у меня белый, а это ещё страшнее. Даже мои головные боли вдруг отступили со вчерашнего дня, будто испугались чего-то более кошмарного, чем они сами. Неужели сумасшедший дом?»

Прочитав эту запись в дневнике Ариадны Бронц, я, естественно, почувствовал то, что называется «волосы дыбом». Руки мои стали будто не мои, и я едва не выронил из рук тетрадку, когда торопливо стал листать её с конца, чтобы заглянуть, какими датами кончается сей манускрипт. К моему разочарованию, последней датой в дневнике был какой-то из последних дней февраля 1966 года, когда Ариадна Львовна находилась в Варшаве на конференции писателей социалистического лагеря.

— А другие?.. Есть ли у вас другие дневники Ариадны Львовны? — спросил я Менша взволнованным голосом.

Других у него не было, только этот. Все остальные она сожгла незадолго до смерти, а этот чудом уцелел.

— Но ви читайте, читайте, там есть еще про Минотаврик, — посоветовал мне хозяин дома. Разумеется, ему хотелось, чтобы я прочёл про Минотаврика. Я стал читать дальше, и там действительно ещё пару раз говорилось о Минотаврике, но я жадно искал про другое. Меня уже не волновали записи, касающиеся быта писателей, не волновали подробности поездок Ариадны Бронц по странам Европы и её новых знакомств. Я искал упоминаний о «Белом человеке». Их всё не было и не было. Каким-то чудесным образом головные боли оставили Ядочку. Мало того, она словно помолодела после полёта Гагарина в космос. В 1962 году у неё даже был роман с каким-то сорокалетним прохвостом, который явно подкапывался под сокровища библиотеки Меделянских-Бронц и заодно делал себе карьеру в литературном мире. Теперь имя этого ничтожества почти полностью забыто, а тогда, с подачи Ариадны Львовны, он даже пару раз печатался в «Новом мире». Я ужасно утомился, читая исписанный мельчайшим почерком дневник, к тому же время меня поджимало и записи 63-го, 64-го и 65-го годов я прочитал как в тумане, ожидая лишь, когда же взгляд мой нарвётся на упоминание о «Белом человеке», и лишь однажды это случилось, когда я добрёл до 26 декабря 1965 года:

«Сегодня мне исполнилось 66 лет. Две жуткие шестёрки. Я снова одна. Лишь эти две

шестёрки стоят у меня по бокам, как часовые, чтобы я никуда не сбежала, идя по этапу в свой роковой год. А ведь он предсказан мне. Им. Неужели и это сбудется? Мне кажется, я не доживу. Снова начались головные боли, как тогда, накануне полета Гагарина, этой бедненькой подопытной собачки. Ненавижу собак. Бедный Медеяша, ты почему-то считал, что я должна любить живность. Сам ты был живность. За всё время, с тех пор как тебя прикокнули, ты ни разу не являлся мне во сне. Почему?..»

Не помню, как я добрался до гостиницы. Войдя в номер, рухнул, не раздеваясь, в кровать. Меня разбудил приехавший Штайнингер, и мне, можно сказать, снилось, как мы едим с ним по Голландии, пьем пиво «Риддер» в Маастрихте, потом посещаем американское кладбище в Бельгийских Арденнах... Или нет, сначала была Бельгия, а потом Голландия. Да, точно, в Арденнах ещё лежал туман, белый, молочный, сонный, и было зябко, а в Маастрихте засверкало солнышко, стало тепло и можно было расстегнуть плащ, снять шарф. Но это был сон, и ноги у меня постоянно подкашивались, и хотелось упасть и провалиться из этой сонной яви в спасительное небытие. Правда, на обратном пути я даже разошёлся; рассказывал что-то смешное, Штайнингер смеялся, и мне было хорошо, потому что я знал — отныне никогда больше не буду копаться в чёрных лабиринтах недавнего прошлого, где ненароком можно повстречать если не Минотавра, то хотя бы Минотаврика.

Этим летом мы с женой часто ездили на дачу к одним нашим друзьям. Однажды сидели, ели шашлык, пили «Мукузани», и я подробно рассказал всю эту историю. Всем сделалось жутковато. А я — будто не про меня всё это. Будто не я своим сном вторгся в прошлую реальность Ариадны Бронц и будто не я заставил её дожить до восьмидесяти трёх лет, чтобы именно в этом возрасте встретиться со своим Аввадошей. Я быстро сменил тему разговора, а ещё через какое-то время мы уже вовсю распевали, и почему-то с особенным чувством, ту самую, что так волновала меня в Германии, — про «красивую и хорошую»:

*Ещё не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби, покуда любится,
Встречай, пока встречается.*

1993

Л.Д. Крюков. Портрет Н.И. Лобачевского.
Холст, масло. 1833–1836

НЕЕВКЛИДОВА ГЕОМЕТРИЯ

Отправным пунктом геометрии, созданной русским математиком **Николаем Ивановичем Лобачевским** (1792–1856), послужил V постулат Евклида (аксиома, эквивалентная аксиоме о параллельных прямых): «Если на плоскости при пересечении двух прямых третьей сумма внутренних односторонних углов меньше 180° , то эти прямые при достаточном продолжении пересекаются, и притом с той стороны, с которой эта сумма меньше 180° ». В течение веков десятки видных математиков, начиная с Птолемея, пытались доказать V постулат. В своей первой печатной работе по неевклидовой геометрии («О началах геометрии», 1829) Лобачевский заявил, что V постулат не может быть доказан на основе посылок Евклидовой геометрии и что допущение постулата, противоположного Евклидову, позволяет построить столь же содержательную и свободную геометрию, как и геометрия Евклида. Хотя геометрия Лобачевского развивалась как умозрительная теория (автор называл её «воображаемой геометрией»), тем не менее именно он впервые открыто предложил её не как игру ума, а как возможную и полезную теорию пространственных отношений. В перспективе геометрия Лобачевского наряду с преобразованиями Х. Лоренца стала предпосылкой создания теории относительности (Пуанкаре — Минковского) и является необходимым и неотъемлемым условием расчётов, связанных с выходом в дальний космос.

Нам позарез нужно чудо

В текущей ситуации неопределённости самое время поговорить о чуде, в том числе о русском. Каковы пути развития кризиса и что значит русское чудо в этом контексте?

По поводу нынешней ситуации хочется вспомнить реплику из старого фильма «На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут дожди»: «— Кац всегда предлагал сдать. — Большевики не сдаются, товарищ Кац!» Сейчас для всех в мире это самый актуальный совет, поскольку ситуация складывается плохо. Можно привести ещё одну шутку на ту же тему: «— Что вы думаете о 2014 году? — Думаю с точки зрения относительности. Он точно был хуже 2013-го, но, вероятно, будет значительно лучше 2015-го». Имеется в виду, что кризис только начинается, и совершенно не следует ожидать, что следующий год будет легче. Напротив, есть все основания считать, что по меньшей мере до 2017 года ситуация в мире будет усложняться. Заметьте, не ухудшаться, а усложняться.

В полном соответствии с теорией фазового кризиса мы окончательно вышли из периода устойчивого развития и находимся в зоне гигантских качелей. 2008 год был очень сильным движением вниз. Его удалось притормозить и даже чуть приподнять. Но вот новый удар 2014 года, и это надолго. В 2008-м имел место кризис спекулятивной глобализационной экономики, а в 2014-м — кризис неспекулятивной глобализационной экономики. Это кризис глобализации как целого, как политики, стратегии и, самое главное, экономики. В чём смысл глобализации как экономики? «Дифференцируйся или проиграешь», — пишут сейчас в умных книжках. Правильно, в общем, пишут. Суть проста: в условиях глобализации каждая страна, каждая транснациональная и национальная корпорация, каждая локальная фирма и даже каждый человек занимается ис-

ключительно одним делом. Он находит своё место в условиях мирового разделения труда и на этом зарабатывает, и может делать это весьма неплохо — глобализационная экономика была эффективной. Базовая неприятность заключается в том, что эта деятельность может оказаться никому не нужной. Как говорил товарищ Чубайс: «Что вы жалеете эти 30 миллионов? Ну не вписались они в рынок». Перефразируем: «Что вы жалеете эти 4 миллиарда? Ну не вписались они в изменения рынка!»

Но когда крупная держава, например, Россия, начинает ощущать, что в следующем изменении правил игры она вся целиком в эти правила не впишется, возникает желание сломать существующую систему. Это тот самый случай, когда шахматисты говорят: иногда есть смысл пожертвовать пешку и даже фигуру, если мы понимаем, что дальнейший ход событий ведёт к тяжелой позиции, и на некоторое время создать ситуацию, где все будут в неприятной, некомфортной среде. Надо заметить, что за 2013–2014 годы Россия преуспела в создании некомфортной среды.

Рассмотрим ситуацию внимательно и с разных позиций. Началось всё на Украине, что уже само по себе интересно, поскольку обычно в таких странах никогда ничего не происходит. Украина — классический пример страны не очень развитой и не очень неразвитой, с приличным уровнем жизни и интеллектуальным уровнем, с хорошими природными условиями, занимающей свое место в мировом разделении труда и, в общем, ни на что особо не претендующей. Как правило, такие страны живут себе спокойно, никуда не вмешиваются, и ничего с ними не происходит. И вот на пустом месте начинается история Майдана. Подчеркиваю, на абсолютно пустом месте, поскольку вся эта шитая белыми нитками история с евровыбором от начала и до конца имела все черты нормального блефа. Украина не со-

биралась в Евросоюз, Евросоюз не собирался её принимать, а выступающие по этому поводу точно так же не собирались ни в какой Евро-союз. У нас сейчас говорят, что всё это было сделано на американские доллары. Наверно, у нас правы, потому что в мире глобализации все доллары американские. Но вот чьими были эти американские доллары — американскими, европейскими, еврейскими, русскими, китайскими... — это большой вопрос. Вряд ли, конечно, они были зимбабвийскими; но все остальные версии вполне правдоподобны. Важно другое. Когда люди собираются вместе в достаточно большом количестве, они перестают быть управляемыми даже с помощью самых что ни на есть американских долларов. У них возникают свои мысли, свои представления, свои картины мира. Их достаточно много, чтобы они ощущали свою силу. Это может быть использовано в плюс и в минус. Известна фраза Гитлера в адрес финансистов: «Они считали, что я их предприятие. Они ошиблись. Я теперь уже народное предприятие». Сказать, что Гитлер сильно прищучил финансистов, было бы преувеличением; но что он все-таки их прищучил, было, в общем, правдой, хотя в своё время они выделяли на него деньги.

Здесь случилось то же самое. Киевский Майдан далеко ушёл от того, на что были выделены деньги. Он начал всерьёз обсуждать ситуацию о мире без государства, о том, что посттоталитарная демократия, управляемая от начала до конца, не имеет ничего общего ни с какими формами народовластия. Короче говоря, никто не успел и охнуть, как в Киеве началась революция. Надо сказать, что стараниями разных умных людей, начиная с Кропоткина, Жореса и заканчивая Толпыго, у нас прекрасно проанализировано, что такое революция, и мы отлично знаем, как она должна развиваться. Данная революция развивалась в полном соответствии с теорией. Сейчас они вступают в очередную стадию — перехода от режима Конвента к режиму Директории. Во время режима Конвента базовая задача находящихся у власти — не попасть под гильотину (в наше гуманное время — в тюрьму), а уже потом на этом деле как-то наживаться; в условиях режима Директории главная задача — наживаться, а уже потом не попасть под гильотину или в тюрьму. Разница существенна, и в этом плане я, например, наступление на Украине режима Директории всячески приветствую и одобряю. Но потом, конечно, должен прийти Наполеон. Не знаю, кто это будет, варианты возможны;

нас сейчас беспокоит не это. Понятно, что режим Директории приведёт к куче скандалов, после Директории будет режим автократии, не важно сейчас, чьей. После режима автократии будет режим восстановления прежней монархии, то есть реставрации (вряд ли Януковича; но кого-нибудь найдут). Реставрация сменится новой революцией, после которой наконец что-то более или менее устаканится.

Важно другое. Все эти события, как и положено любой революции, крайне интересны для революционеров и абсолютно не имеют значения для остального мира. Собственно, политическая конструкция этого мероприятия абсолютно ни для кого не значима. Но во время любой революции устойчивость всякой политической системы резко снижается, а потому в ней начинаются центробежные процессы. Таким образом Украина потеряла Крым. Это нормальная потеря Крыма Украиной, полностью отвечающая модели революции. Это нормальное приобретение Крыма Россией, полностью отвечающее модели украинской революции и Российской империи. По-хорошему, в мире это не должно было интересовать никого, исключая Россию и Украину. Второй момент революции — кроме отпадения далеко стоящих провинций обычно начинается «Вандея»: контрреволюционное выступление в одной из дальних провинций, которые экономически не поддерживают произошедших изменений. «Вандея» у нас тоже есть: смотрим на Луганск с Донецком. В нашей историографии термин «Вандея» глубоко отрицателен, но вообще нужно иметь в виду, что в любой революции обе стороны выступают исключительно на стороне правды, добра и справедливости. Это внутренняя ситуация, важная для Украины и уже ни в какой степени не важная для России. И вдруг мы видим, что вокруг этой темы возникает политический мировой кошмар. На сегодняшний день присутствует ощущение, что миру уже не интересны израильтяне с арабами. Никто не вспоминает, кто там кого убил. Всех интересует только одно — гнусная агрессия России в отношении Крыма.

Некоторое время назад мы все всерьёз читали, а местами даже писали (не буду показывать на себя пальцем), что мир изжил геополитическую стадию своего развития, что никого давно уже не интересует физическое владение территориями, месторождениями и прочим. Дураков интересует контроль над потоками, портами, инфраструктурами, контроль над перенесениями смыслов, людей, товаров

Россия начинает работать за 6-й технологический уклад, фактически она заново начинает создавать у себя старую советскую систему. Как мы помним, в мире были только две страны (СССР и США), которые имели у себя полный объем НИРов и ключевых технологий, известных человечеству. Сможет Россия решить этот вопрос или нет — другое дело; но сейчас она этот вопрос перед собой поставила. Вернее, его довольно грубо и резко поставили перед ней.

и услуг — это геоэкономический подход. Умных людей интересует вопрос культурных кодов, их развития, преобразования, взаимодействия, вопросы изменений и управления этими изменениями. Что касается геополитики — это уже даже не для дураков, а для идиотов в древнегреческом смысле: людей, которых не занимает общественное, да и личное благо. Более того, совсем умные утверждали, что всё гораздо тоньше, что сложился геопланетарный баланс из трёх «гео», и мы теперь понимаем всё содержание Земли как единой планеты, на которой существует единый экономический организм, с проявлениями культурными, проявлениями политическими... И оказалось, что достаточно собраться куче народа на Майдане в Киеве, чтобы всё это сразу кончилось. Потому что ситуация, складывающаяся вокруг Крыма, — чистейшая геополитика. Оказывается, крайне важно, где именно проходит граница. Настолько важно, что ради этого можно уничтожить всё. И действительно, народ всерьёз этим занялся. Посмотрим, что получилось.

Во-первых, чрезвычайно занятно наблюдать, как Владимир Владимирович продемонстрировал всему миру, что они будут играть в геополитические игры, от которых отрешивались лет этак 25 как от устаревших, по поводу события внутреннего и довольно мелкого. Как еще назвать Крым?.. Пустая территория с достаточно депрессивным населением, точно по старому мультфильму: денег нет, полезных ископаемых нет. Ни электроэнергии, ни даже воды; при этом ещё нет и транспортной связности. Мы говорим: по отношению к России Крым — эксклав. Это чистая правда. Только раскройте глаза: по отношению к Украине это был точно такой же эксклав. Он эксклав сам по себе. В него нужно вложить сколько-то там триллионов, чтобы Крым

наконец стал для России экономически безубыточным. Политически он убыточен для нее всегда. Тем более он убыточен для Украины. Вопрос его убыточности для Европы и Штатов даже смешно рассматривать. И тем не менее борьба за него идёт как за принцип. Наверно, вы скажете, что это принцип и есть — принцип нерушимости границ в Европе. И это после Югославии, после Ирака...

Но тогда встаёт вопрос: зачем? Ведь для того, чтобы развязать конфликт, нужны усилия нескольких сторон. Это не сделаешь за один ход. России нужно было захватить Крым и заявить, что мы не отдадим его никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах. Вообще-то Россию никто за язык не тянул, и делать это было вовсе не обязательно. Понимала ли Россия, что захват Крыма вызовет нервную реакцию Запада и санкции? Понимала. Знаменитую статью Бжезинского на эту тему все читали. Ведь все прекрасно понимают, что базовая задача — не захватить Крым, а объединиться через некоторое время с Украиной, например, через кондоминиум того же Крыма. Опять же, и на Западе, и на Украине понимают, что этим всё закончится. Возможно, до конца этого не понимают только в России, но это уже проблемы России. Что дальше? Россия получает эту территорию. Ещё раз повторяю, что за руки её никто не тянул. Тогда появляется сомнение — похоже, она заинтересована именно в этом колоссальном разгроме. Вокруг ужас и кошмар, доллар растёт, нефть падает, мир разваливается, российская экономика умирает. Простой коротенький вопрос — а может, ей туда и дорога? Вся эта экономика от начала до конца построена только на одном: на продаже углеводородов. Рано или поздно умереть ей предстоит всё равно. Так может, чем раньше, тем лучше? При этом мы, конечно, столкнёмся с кризисом колоссальной величины, но, если честно, он и близко не будет совпадать по масштабу с тем, что творилось в 90-е. Или, в самом худшем случае, будет совпадать с тем, что было в 90-е. И что же? Один раз уже пережили и пережили. Конечно, не хотелось бы пережить ещё раз, но почему бы нет?

Что при этом получает Россия? Смерть углеводородной экономики, выход из мирового экономического пространства; причём не суть важно, исключат ли из него Россию — или это пространство развалится само. Нас устраивают оба варианта, к тому же первый (исключение России) раньше или позже обязательно приведёт ко второму (всё развалится

само) по понятной причине: из общего товарооборота, и так находящегося в кризисе после 2008 года, выключаются довольно большие объёмы торговли, сначала углеводородами; потом к процессу присоединятся и Китай, и Индия; в конце концов раздербанить умирающую систему захотят все, не исключая Новой Зеландии и Пакистана. Россия получит возможность развивать в себе всё то, что раньше она развивать не могла.

Почему не могла? А потому, что в режиме глобализации всё то, что не является вашей специализацией (для России — углеводороды), всегда выгоднее купить. Купленное будет и качественнее, и дешевле, чем сделанное у себя, по крайней мере в первое время. Но это автоматически стабилизирует ситуацию на тех технологиях, которые у нас уже есть. Мы не можем делать новые, ибо производство технологий не является для России тем, что она продаёт. Однако возникшая ситуация сделала картину неустойчивой, и уже многие начинают думать, что есть смысл начинать всё это делать самим, хотя бы надёжности будет больше. Да, хуже, да, дороже, но это хоть будет. А то введут очередные санкции, и не будет вообще ничего.

И Россия начинает работать за 6-й технологический уклад, фактически она заново начинает создавать у себя старую советскую систему. Как мы помним, в мире были только две страны (СССР и США), которые имели у себя полный объем НИРов и ключевых технологий, известных человечеству. Сможет Россия решить этот вопрос или нет — другое дело; но сейчас она этот вопрос перед собой поставила. Вернее, его довольно грубо и резко поставили перед ней.

США ставят перед собой другую задачу: мы хорошо заработали на глобальном мире, давайте хорошо заработаем на гибели глобального мира. И поскольку я очень уважаю американцев, я не сомневаюсь, что они на ней заработают. Но как только они это сделают, в стране начнут резко обостряться существующие противоречия по знаменитой теореме Сципиона-младшего: всякий приток дефицитного ресурса стимулирует расслоение по этому ресурсу. А это означает, что гражданская война, которую мы предсказываем в Америке на 2021 год, станет по-настоящему содержательной. Содержательная гражданская война уничтожит массу людей, массу ценностей, но даст Америке колоссальный толчок к развитию. Как я понимаю, американский когнитивный проект сейчас именно в этом, а мы его ищем в их ста-

АВИАЦИОННЫЙ СИНХРОННЫЙ ПУЛЕМЁТ ШПИТАЛЬНОГО – КОМАРИЦКОГО (ШКАС)

Первый советский скорострельный синхронный авиационный пулемёт был задуман механиком Борисом Шпитальным ещё в 1920 году. 10 лет спустя появился первый образец, созданный при содействии оружейного конструктора Иринарха Комарицкого. После череды модернизаций ШКАС производил до 14 000 выстрелов при скорострельности 2800–3000 выстрелов в минуту. ШКАСами были оснащены почти 30 видов военных самолётов. Когда в 1945 году советские войска взяли штурмом Берлин, в рейхсканцелярии наши бойцы обнаружили необычного вида пулемёт, стоявший в кабинете Гитлера и накрытый стеклянным колпаком. Советские специалисты-оружейники с удивлением узнали в экспонате, хранящемся под стеклом, не что иное, как ШКАС калибра 7,62 миллиметра. Рядом находился личный приказ Гитлера, гласивший, что этот советский пулемёт будет находиться в его канцелярии до тех пор, пока немецкие конструкторы не создадут аналогичное по надёжности и скорострельности оружие для самолётов люфтваффе.

рых соображениях по новым технологиям. Новые технологии, конечно, нужны, без них не построишь фазу, но чтобы её построить, необходимо сломать равновесие предыдущей. Это нужно делать через войну, а войну следует хорошо и умно подготовить, для чего и создают тот самый хаос, из которого удастся качать как смыслы, так и деньги. Отличная стратегия — поздравляю американцев. Единственно, могу высказать им соболезнования — в подобной ситуации на посту президента иметь Барака Обаму очень неудобно. Ну, американцы разберутся сами, без наших советов...

Тяжела ситуация в Европе. Они понимают, что кто-то заплатит за кризис глобализации должен. И верят в то, что платить будет Россия, хотя Америка уже ясно дала понять, что платить будет ЕС. Не потому, что любит Россию, а потому, что у ЕС просто больше денег, да и деньги там доступнее, поэтому грабить ЕС гораздо приятнее. Если страна идёт на кризис, не понимая, что она хочет из него извлечь (Россия понимает, Америка понимает, Китай и Индия великолепно понимают, что они хотят извлечь из чужого кризиса, к тому же Китай сейчас добросовестно регулирует собственный, отлично понимая, что из чужого кризиса развитие не вытащишь), то ничего хорошего для неё ждать не приходится. Европа пока ведёт себя, как в старой книжке Свиридова «Звирьмариллион» (пародия на Толкина), где телери предлагали всем «не делать этого», а чего «этого» — они и сами бы уже не сказали...

В 2014 году мы только заложили основы кризиса. А дальше этому кризису придётся развиваться. Вероятность сохранения американского мира около 4%. Вероятность того, что Англия вновь сменит Америку на посту управления миром, 3%. А остальные вероятности примерно поровну делятся между возможностями России и Европы, с единственным исключением: в Европе должен хоть кто-то заменить Меркель и Олланда. Иначе Европа оказывается в положении Германии без Шлиффена. Все прекрасно помнят, чем кончилась Германия без Шлиффена. Эти вероятности изменения мира в русскую и в европейскую сторону довольно велики, но сейчас Европа не имеет адекватного политического деятеля, а это означает, что Америка получает все европейские шансы, чего она, собственно, и хочет.

Шансы — это очень хорошо. Но надо иметь в виду, что у «Зенита», когда он играет с «Баварией», тоже есть шансы выиграть, только на практике они обычно не реализуются. Мы

попали в ту же самую ситуацию. У России есть большие шансы выиграть на этом кризисе. Они заключаются в том, что без кризиса никакой игры не было бы вообще. Но Россия — страна слабо развитая, с чрезвычайно скверной системой управления. Она, несомненно, лучшая в мире, это правда (остальные ещё хуже), но у этой системы всё равно неадекватные методы. У России очень уставшее население. Большие шансы всегда имеют оборотной стороной великие риски. У России есть риск просто смертельный. 90-е годы вырубili из дальнейшей истории России поколения 30–40-х и 70–80-х. Поколение 40–50-х выжило и сумело справиться с проблемами перестройки, после чего возникло следующее сильное поколение 80–90-х — нулевых, и у них всё нормально. Так вот, если мы повторяем 90-е годы, есть все шансы, что этот кризис уничтожит поколение 50–60-х годов рождения, а вслед за ними и поколение тех, кому сейчас 25–30. Тогда у нас будут подряд выключены четыре поколения. Для страны это критично. Это полный разрыв культурных кодов. Это для нас величайший риск, и с ним надо что-то делать.

Рубль идёт вниз, нефть идёт туда же. Встретились нефть, доллар и Путин, и всем немножко за 60. Народ устал и очень нервничает. При этом, говоря «народ», я имею в виду интеллигенцию и управленческий аппарат. Давненько не приходилось видеть слуг народа в такой панике. Как говорили деятели минского КВН Митько и Жвалецкий, «в безнадежной ситуации не паникуйте, поздно». Пора объяснить нашей власти и интеллигенции, что паниковать и впадать в депрессию поздно. Уже можно расслабиться и получать удовольствие. От чего? Да от того, что, например, я на своем веку третий раз вижу коренные исторические изменения в этом мире. Это редкое везение. Такое бывает не каждый век и не каждый шестисотлетний гумилёвский цикл.

При всём том, даже если мы выйдем, наконец, из общего депрессивного состояния, и страна, например, разберется с глупостями, которые она умудрилась наделать, это ничего не даст. Нам нужно строить 6-й уклад. Какой 6-й уклад, скажут мне, если у нас нет ни одного собственного процессора? Нет инженеров и инженерной школы? Список того, чего у нас нет, можно продолжать довольно долго и даже написать энциклопедию на эту тему.

А что у нас есть? Думать умеем, со смыслами у нас всё нормально, и культурные коды умеем не только создавать, но и транслировать. Всё бы

хорошо, но и этого недостаточно. Сейчас Россия находится в ситуации, где ей позарез нужно чудо. Не экономическое чудо, даже не технологическое. Стране в целом нужно инженерное чудо. Причём чудо настоящее, что-нибудь на уровне полёта первого космонавта, на уровне, на каком американцы выиграли холодную войну через высадку на Луну, и сейчас не важно, произошла ли она на самом деле или это был отлично срежиссированный спектакль. Это не имеет значения, это всё равно было настоящее чудо света, причём того уровня, которым является Голливуд. Есть старая хорошая игрушка «Цивилизация», кстати, американская, где каждая значимая новая технология создаёт своё чудо света. Мышление, новый технологический подход — вот это чудо нужно нам позарез. Какое, где? Вот тут самый интересный вопрос. Во-первых, нам нужно не одно чудо. Нам их нужно довольно много. Предлагаю чётко понять простую вещь: впервые мы столкнулись с ситуацией, где для выживания страны, корпорации, предприятия, семьи и отдельного человека нужно выйти за пределы своих возможностей и сотворить если не настоящее полномасштабное чудо, то по меньшей мере создать шедевр. Напомню, что шедевр — это работа, сделанная своими руками, из своего материала, по своей идее, за которую подмастерье переводили в ранг мастера, если она, конечно, удавалась. С одной стороны, можно сказать, что всякая стратегия, рассчитывающая на чудеса, обречена на поражение. С другой стороны, как известно, **в России всегда было только два сценария: инерционный и нереалистичский, то есть чудесный.** Это известно любому прогнозисту, который вам ответит: Россия иногда реализовывала чудесные сценарии. В этом плане наш опыт истории говорит, что подобные чудеса возможны, а в ситуации, когда они необходимы, их регулярно делают.

Вот ситуация, как она есть: от каждого по чуду, каждому по возможностям. Получится ли? Ну а почему, собственно, и нет? В конце концов, Россия никогда не умела хорошо работать в смысле менеджерского подхода, «от сих до сих», по часам, получая заранее зафиксированные результаты. В своё время один австриец, несколько лет проработавший в Москве, сказал: «Никогда не мог разобраться с русскими специалистами. Они не хотят делать то, что умеют. Никакие деньги, никакие выговоры им не помогают. Но зато если поставить задачу, которую сделать нельзя, они вдруг забывают обо всём: о выпивке, о друзьях, о бабах, сидят сутками на работе, получают результат, и не какой-нибудь, а красивый, идеальный, полностью решающий задачу, после чего уходят пить. Я не знаю, в чём дело, но когда я понял, что они так работают, мне стало намного легче жить. Но поймите и вторую сторону этого дела: доведение до ума, до технологии нужно поручить немцам или австрийцам. Наши инженеры очень хорошо работают «от сих до сих» по правилам».

Давайте начнём играть не по правилам, и играть всерьёз. А будет ли это в неоиндустриальной, когнитивной или какой-то ещё логике, будем ли мы искать свои шансы в пространстве смыслов, в теории мышления (это моё личное убеждение), в философии, в космосе, в недрах Земли или где-нибудь ещё — на самом деле не так важно. Только прошу иметь в виду, что, как я понимаю историю Соединённых Штатов Америки, американское руководство — не Барак Обама и его конгресс, а то, которое по-настоящему занимается этой страной, — сейчас будет ставить перед своими людьми ту же самую задачу.

Отсюда вывод, которым стоит закончить. Нас ожидает десятилетие чудес. Будем надеяться, не чисто военных.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Русские чудеса техники: непростая судьба

История знает немало примеров русских чудес. Но, к сожалению, все они происходили по одному сценарию: рывок — застой — опасный кризис (поражение, развал страны) — новый рывок. Во время большинства известных нам рывков русские не задавали правила мировой гонки. Мы, как правило, только догоняли Запад и пользовались его «чертежами реальности», его правилами и стандартами. Даже СССР не избежал такой участи. И, как правило, верхи страны предпочитали не замечать своих гениев-новаторов, ориентируясь в первую очередь на копирование западных изобретений и технологий.

ПЕЧАЛЬНОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Безусловно, каждый новый виток русской истории сопровождался впечатляющими инновациями. Во времена преобразований Петра Великого появились и станки Нартова, и первый в мире завод-автомат Батищева, и даже подводная лодка — «потаённое судно» Никонова. Но, увы, все эти технические новинки не получили развития. Страна пользовалась в основном технологиями, заимствованными из Европы. Во время инерции «петровского рывка», в XVIII веке, в правление Елизаветы и Екатерины Великой, жили и творили Ломоносов и Кулибин. Именно тогда, ещё до Уатта, появилась паровая машина непрерывного действия Ползунова. Однако, увы, Россия так и не стала строить в массовом масштабе ни самоходных (приводимых в движение силой течения реки) колёсных судов Кулибина, ни его опередивших своё время арочных однопролётных мостов. Машина Ползунова так и осталась в единственном экземпляре.

А дальше полный застой. Хотя русские продолжают творить и изобретать, не получают развития многие прорывные отечественные новации. Если вспомнить царствование Николая I, то в этот период мы упускаем возможности развития:

- дальнобойного (по тем временам) ракетного оружия Засядько;
- своих паровых локомотивов (братья Черепановы);
- электрического телеграфа, электродвигателей, якорных мин (академик Якоби).

Промышленная и техническая отсталость России приводит страну к кризису и поражению в Крымской войне 1853–1856 годов.

Во время следующего рывка, после отмены крепостного права в 1861 году, мы стали свидетелями появления удивительной плеяды русских учёных, изобретателей, конструкторов и инженеров. Перечислить всех просто невозможно. Их символом может послужить Дмитрий Иванович Менделеев. Эта волна развития переходит в Русское чудо Серебряного века начала XX столетия. И вновь мы видим чрезмерное преклонение верхов страны перед всем западным. Опять они упускают множество возможностей для того, чтобы «перепрыгнуть» Запад, а то и вовсе задать новое направление научно-техническому развитию. Опять появляется множество русских изобретений, которые так и остаются единичными «диковинами». В то время как Запад инновации подхватывает и развивает до массового применения.

Именно в период 1861–1917 годов русские первыми создают гусеничную машину — предтечу трактора (Блинов), однако родиной тракторостроения и танков становятся Америка и Британия. Русские первыми создают электрическое дуговое освещение (Яблочков),

но не удерживают приоритета. Хотя первую в мире лампу накаливания изобретает Ладугин, массовое производство таких приборов налаживает Эдисон в Соединённых Штатах. Так и не доводится до ума самолёт Можайского: работы над авиацией в России прекращаются после смерти изобретателя. Только успех американцев, братьев Райт в 1903 году и французских авиаторов заставляет русских броситься вдогонку.

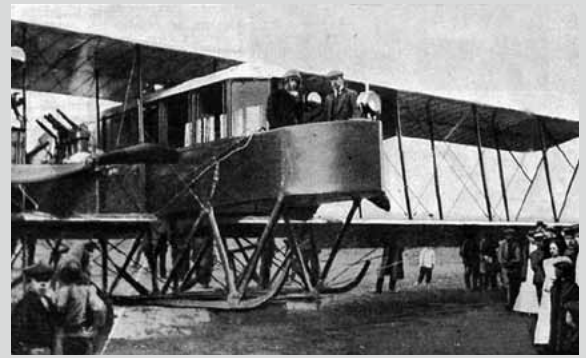
Русские учёные Серебряного века, первыми в мире создав радиосвязь (Попов), упускают приоритет и отстают. Маркони побеждает Попова. То же самое можно сказать об электродвигателе переменного тока Доливо-Добровольского, ледоколе Макарова, первом в мире обтекаемом моноплане Гаккеля. Об электросварке Бенардоса. Об автомате Фёдорова. О парашюте ранцевого типа Котельникова. Всё время и государство, и капитал России предпочитают иностранные образцы. Даже знаменитая «трёхлинейка» Мосина с трудом пробилась в жизнь, ибо правительство упорно предпочитало заграничные модели.

Презрением к отечественным творцам заражено и общество, образованная публика, которая не любит правительство и жаждет реформ и революции. Смелые новаторы тогда в России оказываются буквально в одиночестве. Особо отметим, что к тому времени в стране ещё не было никакого коммунистического прошлого, «вырубаний под корень» элиты, массовой эмиграции, многих лет атеизма и прочего. Для примера возьмём судьбу великого авиаконструктора, создателя первых в мире многомоторных воздушных кораблей Игоря Сикорского.

МЫТАРСТВА ИГОРЯ СИКОРСКОГО

Познакомимся с книгой воспоминаний начальника медицинской службы эскадры воздушных кораблей «Илья Муромец» Константина Финне «Русские воздушные богатыри И.И. Сикорского». Увидевшая свет в Белграде в 1929 году, книга была написана ярим врагом Советской власти. Но тем большую ценность она представляет. Казалось, давно усопший белогвардеец говорит не тогда, а сейчас, о современной РФ, и сердце его сжимается от горечи.

Еще в СССР было принято считать, будто в царской России Сикорский получил все лавры и торную дорогу. Но Финне пишет совершенно о другом. Та, старая Россия оказалась на поверку не менее раболепной перед Западом, не менее глупой, чем сегодняшняя обмылок прежней великой страны.

«РУССКИЙ ВИТЯЗЬ» И «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

«Русский витязь» — первый в мире четырёхмоторный самолёт, сконструированный в 1911 году русским авиаконструктором **Игорем Ивановичем Сикорским** (1889–1972) в качестве опытного самолёта для стратегической разведки. В 1913 году он успешно выполнил все испытательные полёты. «Русский витязь» являлся прототипом тяжёлых самолётов с двигателями, установленными в ряд на крыле. Прямым его продолжением стал «Илья Муромец» конструкции Сикорского, обладавший вдвое большей массой и максимальной высотой полёта. Постройка была завершена в октябре 1913 года. После испытаний на «Илье Муромце» проводились показательные полёты, в ходе которых было установлено несколько рекордов, в частности, по грузоподъёмности (1290 кг). В декабре 1914 года было принято решение о создании эскадры бомбардировщиков «Илья Муромец». За годы войны в войска поступило 60 машин. Эскадра совершила 400 боевых вылетов, сбросила 65 тонн бомб и уничтожила 12 вражеских истребителей. «Илья Муромец» — первый в мире пассажирский самолёт (был оснащён отдельным от кабины комфортабельным салоном, спальными комнатами и ванной с туалетом).

«Несмотря на то что «Муромец» обратил на себя внимание и, казалось, всколыхнул даже стоячую воду в обывательском болоте, широкие слои русского общества остались безучастными и не проявили своего сочувствия делу И.И. Сикорского, полностью самобытному и носившему ярко выраженный национальный характер не только по одному названию. Немногие задумались над тем, что воздушный корабль Сикорского — не только первый русский, но и первый в мире большой многомоторный самолёт — знаменовал собой начало новой эры в авиации, что развитие воздушного транспорта при помощи таких больших аэропланов сулило России, стране с необозримыми границами, бесконечными равнинами и слабо развитыми путями сообщения, неисчислимые выгоды. Не было сделано серьёзных шагов к тому, чтобы организовать большое русское предприятие, собрать внутри страны крупные средства на открытие специального завода для постройки аэропланов Сикорского и моторов к ним. В этом сказалось существенное различие между русскими, преклонявшимися перед «заграницей», и иностранцами. Вспомним, как отнеслись немцы к создавшему громадный управляемый аэростат, названный его именем, — графу Цепеллину».

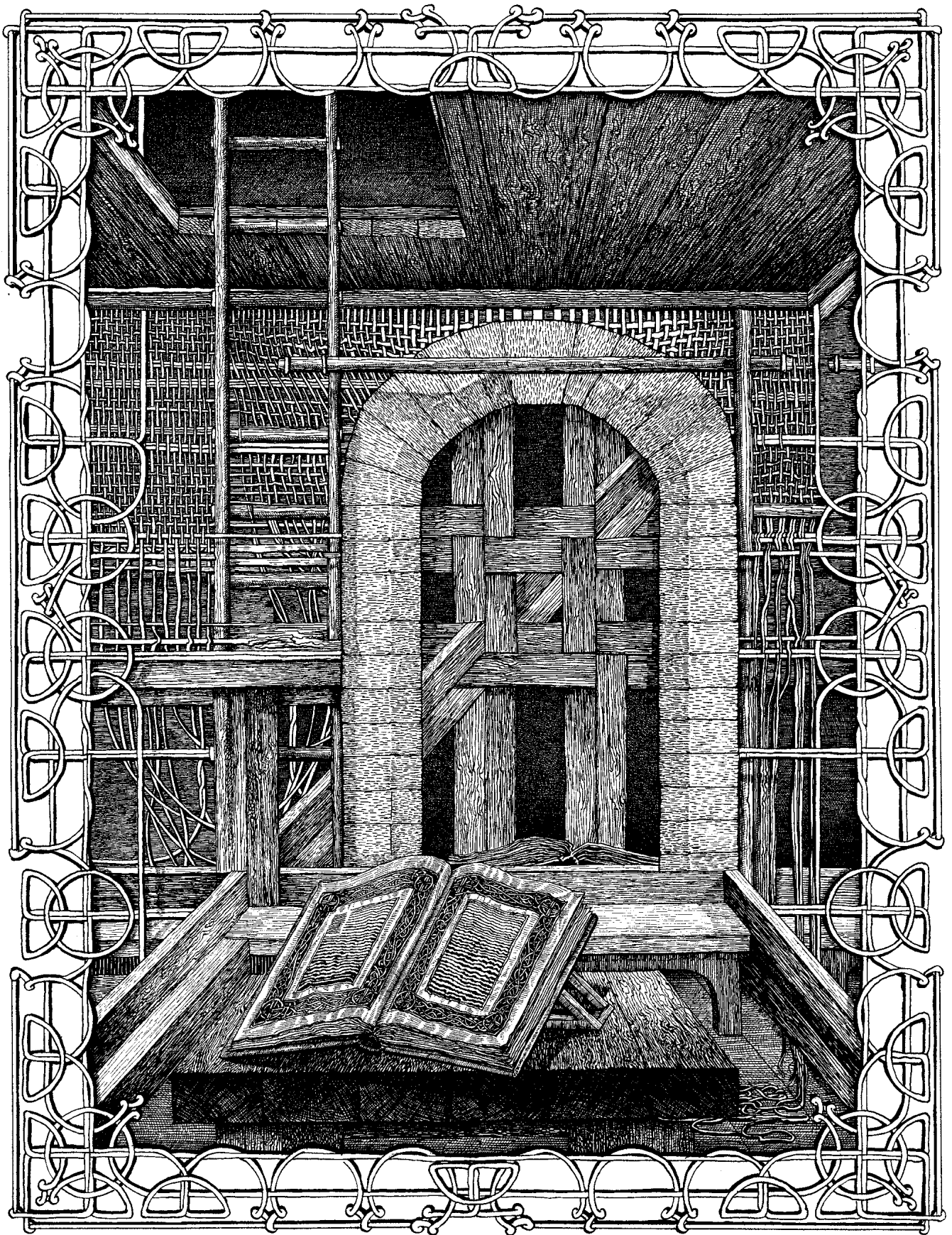
Финне прав: немцы всем народом помогли графу Цепеллину собрать деньги на строительство полноценного цельнометаллического дирижабля. А затем Германия поставила производство «цепеллинов» на поток. Она выпустила их больше, чем Российская империя — самолётов Сикорского. Финне пишет: «Остаётся лишь пожалеть, что мы, русские, благоговевшие перед всем иноземным, порой рабски копируя «заграницу» и не обращавшие внимания на своё хорошее, русское, не позаимствовали у немцев главного: беспредельной любви к своему отечеству, взаимной поддержки, системы в работе и того добросовестного к ней отношения, которое не отделяет мелочей от главной сути дела. Пассивности русского общества, проявленной по отношению к «Илье Муромцу» Сикорского, можно противопоставить ту кипучую деятельность и самопожертвование, которые проявляла часть интеллигентного русского общества в подготовке российского государства к развалу. Само собой разумеется, эти русские люди не считали нужным поддерживать «Муромцев», хотя бы и потому, что их поддерживало ненавистное им «императорское» правительство. Громадное же большинство русских людей считало,

что не их дело думать о поддержке изобретения Сикорского. Мало ли строят всяких аэропланов? Над тем, как поддержать это русское дело, нужно было ещё подумать, а ведь это отвлекало от игры в винт, бридж, преферанс и других тому подобных «серьёзных» занятий. <...> Возможно, что если бы Сикорский избрал целью своего полёта не Киев, а Москву, где ему следовало поклониться тамошним золотым тельцам, то московские меценаты, поливавшие в своё время шампанским дорожки в саду у Шарля Омона, «чтобы не пылило», или жертвовавшие в 1905 году «миллион на революцию», и сделали что-либо. Но шум моторов «Муромца», летевшего из бюрократического Санкт-Петербурга в Киев, не достиг Москвы, и постройка «Муромцев» продолжалась в маленькой мастерской Русско-Балтийского завода».

Как видите, ничего не изменилось за целый век! Только хуже стало. Если русский изобретёт нечто, что ещё не изобрели нигде в мире, то и сам испугается. Если же продолжит работать, то затем налетит на русского чинушу, который первым делом спросит: «А это уже есть на Западе? Нет? Иди-ка ты подальше...» Да только ли в чиновниках дело? Перед русским новатором встанет толпа идиотов. Тупых богачей, которые теперь, конечно, уже не поливают дорожки шампанским, но по-прежнему тратят шальные миллионы на всё что угодно, только не на поддержку русских гениев. Господи, неужели это — родовое русское проклятие? И не из-за этого ли моя страна — трясины, место гиблое для изобретателей и учёных?

Русский интеллигент будет десятилетиями подряд решать последние вопросы мироздания, сочинять идеальную конституцию, мечтать об идеальном обществе или выдумывать новую религию, всегда отмахиваясь от реальных дел, от каких-то «железок» или изобретателей. Он будет выстраивать очередные воздушные замки политических схем и горних идей, не понимая самой простой вещи: все философии и политики должны опираться на вполне твёрдую базу из заводов, технологий, инноваций, подготовленных кадров!

Но продолжим изучать свидетельство Финне: «С отправкой «Муромцев» в действующую армию спешили: в середине сентября 1914 года один из них, «Илья Муромец I», сочтён был вполне готовым для боевых полётов и отправился воздушным путём в действующую армию. И воздушный корабль, и обслуживающий его отряд готовились спешно и кое-как. Результаты такой работы, от которой нас не отучила Рус-

Дмитрий Воронцов: «Sanctum sanctorum», или супрематический интерьер с открытой книгой и лестницей в небо».

Рисунок пером. 1999

ско-японская война, не замедлили тотчас же сказаться на деле».

Финне со злостью описывает то, как армейское командование и даже лётчики-аристократы поливали корабли Сикорского грязью и норовили сделать так, чтобы их вообще убрали с фронта. И то в аэроплане им не нравилось, и это. Генералы просто выживали самолёт из армии. Дело дошло до того, что русскому промышленнику, главе «Руссо-Балта» Михаилу Шидловскому, который с 1910 года поддерживал Сикорского, пришлось сформировать отдельную эскадру воздушных кораблей и стать первым русским генералом Дальней авиации. Её основоположником. Ибо иначе нельзя было защитить его любимое детище от нападков толпы злопыхателей в погонах.

Финне следующим образом излагает ситуацию, сложившуюся в 1915 году: «Время показало, что многое из того, что командир «Ильи Муромца I» относил к плохой конструкции моторов и ненадёжности «Ильи Муромца» по сравнению с «нормальными» типами аэропланов, было лишь следствием больших симпатий этого лётчика к принятым у нас в то время в армии типам аэропланов, то есть почти исключительно французским аппаратам Фармана, Ньюпора, Дюпердюссена, Морана, Вуазена. Пристрастие командира «Ильи Муромца I» к иноземным аппаратам не было единичным явлением. Корни этой склонности ко всему заграничному можно видеть в космополитизме Главного военно-технического управления, ведавшего авиацией. <...> Недоверие к «Муромцам», а также явно отрицательное отношение штаба полевого генерал-инспектора авиации к начальнику эскадры воздушных кораблей генералу Шидловскому, впоследствии принявшее ещё более острый характер, привело к обособлению тяжёлой авиации и, конечно, не могло не повлиять на нормальное развитие русского воздушного корабля «Илья Муромец» и широкое применение самолётов этого типа для боевой работы. В этом сказала наша русская или, вернее сказать, общеславянская черта: видеть в несогласных с нами, хотя бы и в мелочах, соотечественниках — врагов злейших, чем внешний неприятель. Русь неоднократно испытывала тяжёлые последствия непримиримой междоусобной розни удельных князей, бояр и, наконец, политических партий. Уроки истории не пошли нам впрок и слова, сказанные в старину: «Нам, русским, не надобен хлеб, мы друг друга едим и с того сыты бываем», — остались в силе и по настоящее время. Мы сравни-

тельно легко прощаем ближним их ошибки, но не можем простить им наши собственные... Не это ли привело нашу родину к тому, что враги без труда захватили её в свои руки и дали ей иго во много раз горшее, чем монгольское?»

Интересно, а что сказал бы Константин Финне, если бы тогда, когда изливал свои мысли и чувства на бумагу, узнал бы, что история с тяжёлыми самолётами и Шидловским почти зеркально повторится при Сталине, когда энтузиаст Голованов станет формировать инновационную Авиацию дальнего действия? Ведь и накануне сорок первого года только покровительство «Иосифа Грозного» спасло Голованова от того, чтобы его с потрохами не сожрали генералы ВВС?

Что бы сказал Финне, узнай он тогда о том, что сталинская попытка внушить русским веру в их способность быть не хуже западников захлебнётся вскоре после смерти вождя? Что уже советские бонзы — вчерашние рабочие и крестьяне — начнут страдать точно таким же раболепием перед всем иностранным, как и романовские дворяне? Что страна останется такой же равнодушной к своим учёным, инженерам и конструкторам? И что в начале XXI столетия то, о чём он с ненавистью писал в своей книге, полностью повторится в постсоветской, урезанной и деградировавшей РФ?

НЕ БЛАГОДАРЯ, А ВОПРЕКИ

И вновь предоставим слово Финне.

«Уже в 1916 году, когда «Муромцы», по указанным выше причинам, могли лишь медленно совершенствоваться, у наших врагов, а также и у союзников появились многочисленные аппараты лёгкого типа, обладавшие скоростью, превосходившей «Муромца» чуть ли не вдвое. Не совсем понятным является тот факт, что наши союзники не помогли нам в деле изготовления русских двигателей, оказавшихся много лучше французских и английских. Надо думать, им было выгоднее, не только с коммерческой точки зрения, сбывать нам свои. Ведь в России привыкли считать, что всё, имеющее марку «Made in England», «Germany» и т.д., говорит само за себя, поэтому, раз хлам имел такую марку, то он был уже хорош и его принимали чуть ли не как знак великодушного внимания со стороны наших друзей и союзников. В 1919 году автору этой книги пришлось быть очевидцем гибели шести русских лётчиков, заживо сгоревших на трёх английских аэропланах KE-8 во время испытательных полетов.

Этими аэропланами Англия любезно снабдила Белую армию... Время, однако, показало «рукою беспощадною», что союзникам нужна была не сильная национальная Россия, а лишь пушечное мясо для ослабления их конкурента Германии, поэтому заботиться о поддержке и развитии наших отечественных предприятий вовсе не входило в их планы».

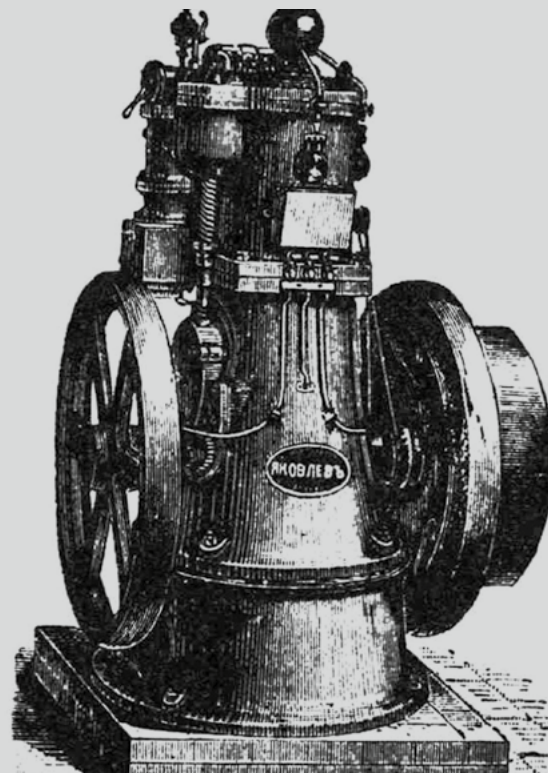
«...Причины общественного равнодушия к нашим выдающимся людям нужно искать в отсутствии у нас здорового национального воспитания, приучавшего с детства любить родину, относиться с уважением к её лучшим представителям, уметь и самим жить хорошо, и другим жить давать. Взирая с благоговением на «заграницу», у нас привыкали видеть в родине одни лишь недостатки, выставляя их напоказ и на посмешище, забывая, что этим самым достигали сходства с одним из сыновей Ноя. Боязнь российского интеллигента показаться недостаточно либеральным приводила к тому, что он готов был выбросить из своего лексикона слова «Россия», «Родина», «Отечество», лишь бы не дать повода считать его «приспешником полицейского режима и слугою реакции»...

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале войны, в то время, когда русская кровь лилась в Восточной Пруссии и Галиции, когда немцы обращались с нашими попавшими в плен солдатами хуже, чем со скотом, находились русские люди, встречавшие пленных германских и австрийских офицеров с шампанским и букетами цветов.

И.И. Сикорский придал своему изобретению ярко национальную окраску, и этого было достаточно, чтобы наша так называемая интеллигенция отнеслась к нему сдержанно...

Равнодушие русского общества к своим выдающимся людям, к сожалению, факт давно известный; ещё Пушкин сказал: «Замечательные люди исчезают у нас бесследно: мы ленивы и нелюбопытны»... Композитор Мусоргский печально окончил свои дни на койке Николаевского военного госпиталя, в расцвете своего могучего, самородного таланта; он получил известность значительно позже своей смерти; после того, как о нём заговорили иностранцы. Современное М.И. Глинке русское общество отнеслось пренебрежительно к творчеству композитора, называя его произведения «извозничьей музыкой»...

...Что касается наших талантливых людей на других поприщах, то с ними дело обстояло ничуть не лучше. Судьба русских изобретателей очень красочно изображена Лесковым в его

ДВИГАТЕЛЬ ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯ

Первый русский ДВС на жидком топливе был изготовлен в 1889 году отставным лейтенантом флота **Евгением Александровичем Яковлевым** (1857–1898). В 1893 году ДВС на жидком топливе конструкции Яковлева, построенные на Первом русском заводе газовых и керосиновых двигателей, были представлены на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго. Выставочный комитет наградил завод и его владельца бронзовой медалью и почётным дипломом выставки. Здесь же встретились Яковлев и горный инженер Пётр Фрезе. Через три года их совместного труда был создан первый русский автомобиль с ДВС. 14 июля 1896 года модель была выставлена на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде. Зажигание смеси было электрическим (батарея сухих элементов и патентованная свеча), в то время как на большинстве двигателей тех лет применялась калильная трубка. К сожалению, посетивший выставку император и крупные промышленники не проявили интереса к изобретению Яковлева. После его смерти Фрезе самостоятельно построил несколько типов легковых и грузовых автомобилей, пожарных машин, автобусов и даже троллейбусов.

Причины гашения инноваций в России, их неразвития в нашей стране лежат прежде всего не в экономической области и не в недостатке частной инициативы. Они — прежде всего психологические. Это — комплекс национальной «вторичности», неверие в свой народ и его способности, робость делать что-то первыми в мире, без оглядки на Запад.

«Сказе о тульском Левше и стальной блохе». Здесь можно вспомнить о профессоре Попове, открывшем на полгода ранее Маркони беспроводный телеграф и телефон. Последние носят имя Маркони, дают громадные барыши предприятиям, эксплуатирующим «радио», профессор же Попов умер чуть ли не в нищете, а об открытии им беспроводного телеграфа говорилось лишь коротко в специальных, мало доступных широкой публике руководствах по электротехнике.

Этот пробел в настоящее время восполнен в Советской России, где помимо популярных книг об открытии Попова выпущены были даже специальные почтовые марки, посвящённые ему. Такое внимание к русскому учёному, не имевшему отношения к коммунизму, надо объяснить стремлением правительства Советов подчеркнуть ошибки старой, буржуазной России, а главное — пробуждением национального чувства у русских людей, оставшихся в России и пытающихся сохранить остатки русской культуры...»

«В России было немало талантливых учёных, специалистов по всем вопросам техники; эти специалисты нисколько не уступали заграничным, а иногда и превосходили последних. С мнением наших учёных считались в странах с высокоразвитой техникой и промышленностью, сырого материала было более чем достаточно, смывлённость и искусство русских рабочих бывали порой изумительны, а «отсталость» отрицать, конечно, невозможно. Зависела она не от отсутствия средств или неумения взяться за дело, а главным образом от нашего равнодушия, от нежелания дружно и серьёзно взяться за работу, оставив в стороне разрешение всевозможных «социальных проблем». Это нежелание, а порой и попросту русская лень, при отсутствии у нас привитого воспитанием уважения к своему, русскому, вместе с преувеличенным представлением о достоинствах всего иностранного, вело

к более лёгкому выходу — получать всё в готовом виде из-за границы. К сожалению, подобные взгляды глубоко укоренились в широких слоях так называемого интеллигентного общества, и робкие попытки отдельных лиц отстаивать русскую самобытность готовы были отождествлять с отсталостью, наделяя пытавшихся стать на защиту национального достоинства и достоинства различными эпитетами вроде «наёмников правительства», «квасных патриотов», «черносотенцев» и проч. Слепление лучами пресловутой западной культуры в конце концов и довело Россию до настоящего положения».

Умри, Денис, а лучше не скажешь. Финне оставил нам ярчайшую картинку того, как жилось смелым новаторам России даже в пору Серебряного века. Понятно, почему и тогда Россия так и не смогла расправить крылья, заставив Запад догонять себя. Всё упиралось в ограниченность, склочность, неверие в собственные силы, в национальный мазохизм и преклонение перед всем иноземным. Хотя, казалось бы, в России тех времён была и частная инициатива, и своя промышленность, которые могли бы подхватить и коммерциализовать смелые русские новации. Однако этого не случилось.

Первый в мире частный фонд финансирования изобретений (предтеча нынешних венчурных фирм и «бизнес-ангелов») возник тогда же — общество купца Христофора Леденцова (1909 г.).

Как пишет журналист Евгений Панов: «На средства Общества была построена и оборудована лаборатория физиолога И.П. Павлова в Петербурге и аэродинамическая лаборатория Н.Е. Жуковского при Московском университете и лаборатория для испытания гребных винтов и моделей при Московском Техническом училище (из неё вырос знаменитый ЦАГИ). Общество финансировало работы выдающихся химиков А.Е. Чичибабина, Л.А. Чугаева, Н.М. Кинжера и исследования В.И. Вернадского по радиоактивным минералам Российской империи. Их лаборатории — ростки будущих институтов Академии наук СССР, а затем и РАН. Общество субсидировало изыскания К.Э. Циолковского, работы В.И. Гриневичкого по двигателям внутреннего сгорания, издало научные труды Д.И. Менделеева, И.И. Мечникова, Н.А. Умова. На средства Общества строится биостанция на Карадаге в Крыму. Периодическую материальную поддержку от Леденцовского общества получали Московское общество испытателей природы, Русское физико-химическое общество, оргкомитет Первого Всероссийского съезда

по вопросам изобретений, который состоялся в Москве в октябре 1916 года. Общество способствовало появлению пионерных работ по авиации, телевидению, радиоактивности».

Иными словами, миллионщик Леденцов был истинно русско-православным инноватором. И опять мы должны признать горчайшую правду: на фоне массы русско-православных купцов начала XX века Леденцов так и остался «белой вороной». И хотя в нынешней РФ появилось новое православное «купечество», оно не возродило Общество Леденцова или его сколько-нибудь приблизительного аналога.

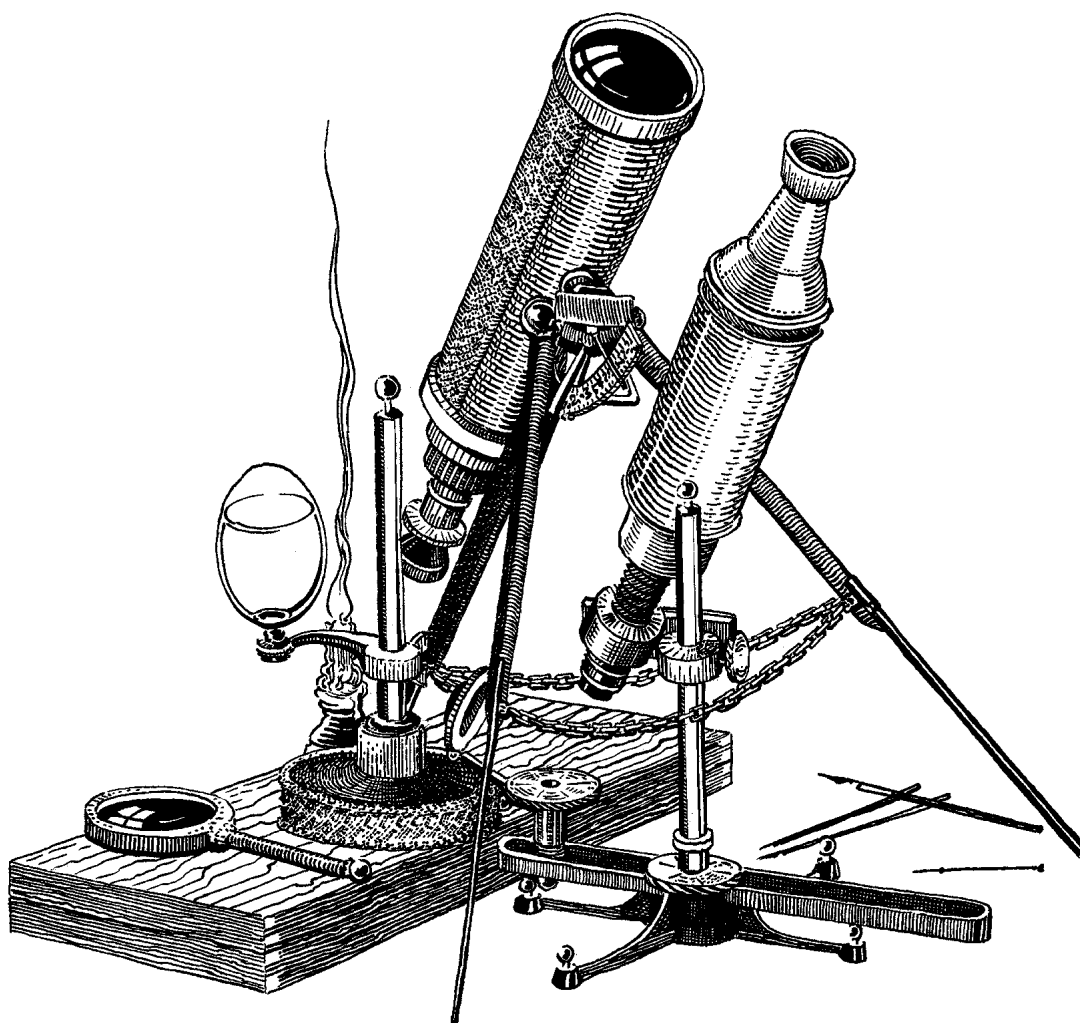
Видимо, причины гашения инноваций в России, их неразвития в нашей стране лежат прежде всего не в экономической области и не в недостатке частной инициативы. Они — прежде всего психологические. Это — комплекс национальной «вторичности», неверие в свой народ и его способности, робость делать что-то первыми в мире, без оглядки на Запад.

Со времен Сикорского и Леденцова пролетел бурный век. Но как будто и не было его. Недавно мой читатель Алексей Улитин из Нижнего Новгорода прислал афишу, висевшую в его вузе осенью 2013 года — спустя ровно век после тех дней, когда Сикорский поднимал в воздух «Илью Муромца», а толпа русских интеллигентов внизу продолжала хаять всё русское.

«Уважаемые студенты и сотрудники!

13 ноября в 15.00 состоится публичная лекция профессоров — исследователей истории науки на тему «Мифы научного развития» В ней будут рассмотрены и опровергнуты следующие навязанные идеологией легенды об отечественной науке:

1. Миф об открытии Ломоносовым атмосферы Венеры.
2. Миф о первенстве Менделеева в создании Периодической системы.
3. Миф о влиянии Циолковского на дирижаблестроение.

Дмитрий Воронцов: «Инструменты». Рисунок пером. 1996

4. Миф о Лодыгине как создателе электрической лампы накаливания.
5. Миф об участии Петра Капицы в исследованиях ядерной энергии.

Лекция состоится в малом актовом зале. Вход свободный»

«Ну что, как вам такая идеология? «Мы никогда не были первыми ни в чём! Все открытия идут с Запада!» И какого же развития мы достигнем, если сами идеологи — носители пораженческого мировоззрения? А им за это ещё и звания профессорские дают (интересно, не американских ли вузов?). Такое возможно только в России! Представьте себе, что в американском вузе прошла бы публичная лекция на тему «Эдисон — не изобретатель лампы накаливания»? Я лично такого представить не могу. Наоборот, начиная со школы американцам вбивают мысли о том, что «Мы — самые лучшие! Мы — самые первые!». Даже если первенство оспорить не удастся, стараются говорить о «первенстве рыночного продукта». Человек, устроивший подобное, был бы в среде преподавателей нерукопожатным... А у нас — чемпионат по мазохизму! Причём даже в научной среде. Видать, личности первооткрывателей прошлого не дают спать всяким «борцам со лженаукой». О, они готовы сдать даже нашу историю и наши победы, лишь бы наслаждаться «тихой жизнью» (по Мухину) в кабинетах. Неудивительно, что над нами издеваются даже ляхи», — написал А. Улитин.

ЧЕГО НЕ СМОГ ДОБИТЬСЯ СССР?

К сожалению, и СССР не хватило смелости и национальной «мании величия», чтобы использовать могучий творческий потенциал русских новаторов. Это выходит за границы нашей работы, но есть и пример другого гения: Александра Леонидовича Чижевского. Основателя гелиобиологии и изобретателя «люстры Чижевского». Той, что испускает отрицательно заряженные ионы воздуха, благотворно влияющие на организм, повышающие продуктивность в животноводстве и птицеводстве.

Советское правительство заметило работы учёного, оценило их значение для сельского хозяйства и медицины. Ведь мировых аналогов технология «отрицательных аэроионов» тогда не имела. Более того, сталинское правительство в апреле 1931 года выпустило постановление о поддержке работ Чижевского в интересах животноводства, птицеводства, медицины. Но именно это и стало началом травли новатора. В конце

концов его «коллеги» по науке в 1936 году добились своего. Чижевского объявили шарлатаном и закрыли его лабораторию.

Подобных историй, увы, много. Можно вспомнить и то, как в СССР не смогли использовать мировой приоритет в создании Львом Юткиным электровзрывных технологий. Хотя это будет тридцать лет спустя. Перечислить всё будет трудно, но мы попробуем дать картину упущенных шансов штрихами.

Итак, первой в мире создав спутник телевидения (1966 г.), наша страна дальше утрачивает мировое лидерство в этой сфере.

Первым в мире создав уникальный заменитель крови, перфторан, СССР утрачивает преимущество. Инновация практически уничтожается трудами некоторых академиков АН СССР.

СССР, первым в мире (1970-е) занявшийся стволовыми клетками, не смог развить это направление.

Первым в мире создав «Сетунь», компьютер с троичной, а не с двоичной логикой, СССР не стал развивать это направление дальше.

СССР не смог развить лекарства на основе фагов, а не антибиотиков.

Советский Союз отказался от развития своего направления в авиационной многоцветной космонавтике (система «Спираль» 1966 г., Лозино-Лозинский), а пошёл по пути копирования неудачной системы американского «Челнока» (1976 г.)

СССР не смог развить альтернативные виды транспорта: экранопланы и подводные атомные грузовые суда.

СССР последовал за США, свернув им в подражание дальние пилотируемые миссии — к Луне и Марсу в начале 70-х.

Любой серьёзный историк науки и техники может привести множество иных примеров того, как Советский Союз мог бы стать первым в мире, но не стал. После первых, опытно-экспериментальных успехов, уступал первенство другим. К 1980-м годам СССР по большей части лишь копировал Запад. Отдельные прорывы вроде суперкомпьютера «Эльбрус», к сожалению, лишь подтверждают общую пагубную тенденцию низкопоклонства перед Западом. Копировались направления в гонке вооружений, моде и вкусах, бытовой технике, производстве автомобилей (ВАЗ как копия итальянской модели 1965 г.), теориях и взглядах. Копировались и направления научных исследований. То, что не имело аналога на Западе, чаще всего заглушалось.

Каждый четвёртый научный работник мира в 1985 году был советским. Но не каждая четвёр-

тая мировая новация и новая технология! С моей точки зрения (а я занимался историей нашей науки), промышленность и аппарат государственного управления в СССР были не в состоянии воспринять всё, что делала и предлагала отечественная наука. Новшества приходилось буквально внедрять — то есть преодолевать сопротивление. Это касалось даже уникальных роботов, созданных в Институте прикладной математики в 1988 году. А ведь они могли своими «руками» вставлять детали в шпиндели станков и даже пробовать, насколько они там крепко сидят.

Причём проблему невозможно списать только на негибкость и нерыночность советского экономического механизма. Как вы видите, во вполне рыночной и конкурентной экономике Серебряного века царской России происходило то же самое. Корни, как мы теперь понимаем, лежат в комплексе национального мазохизма, оставшегося неистребимым и при царях, и при генсеках.

СССР вновь повторил прежние русские циклы. Мощный рывок в начале своего развития — а потом инерция и последующий кризис, ставший для него роковым. Горбачёв тоже не смог (а возможно, и не стремился) использовать потенциал русского новаторства. Закономерный итог — распад великой державы. Постсоветские «реформаторы» выступили как полные пресмыкающиеся перед Западом, его дурные подражатели, отказывающиеся русским в способности творить самостоятельно.

Сейчас, когда мы пережили катастрофу СССР и скатились к статусу деиндустриализованной, полусырьевой страны, нам вновь нужно совершить Чудо: индустриализовать Россию, сделав её мощной научно-промышленной державой. Но на сей раз — Чудо, свободное от проклятия прежних циклов. Без затухания и перехода в инерцию и последующий за этим застой. Делая

стратегическую ставку на творческие способности собственного народа. Ибо весь наш общий мир — на переломе эпох. И ему неизбежно предстоит смена фаз цивилизационного развития.

Чистое копирование в данном случае представляется просто гибельным. Необходимо сочетание «подсматривания» с совершенно самостоятельными прорывами. Тем более что наши противники создают свой вариант будущего: новое кастово-рабовладельческое общество с расой господ-долгожителей. Эдаких трансгуманоидов, созданных с помощью инфо-нано-биотехнологий. В доступе к ряду подобных технологий они нам, русским, отказывают уже сейчас. По сути дела, русским нужно создать альтернативную цивилизацию. А это и есть национал-футуризм, не меньше! Поэтому на первый план выходят главные задачи обеспечения нового Русского чуда, которое заключается не только в реиндустриализации (ибо наука и изобретательство не живут без собственной промышленности!) и сугубом поощрении предприимчивости во всех сферах деятельности. Речь идёт не только о борьбе с коррупцией. Нет, придётся, наконец, вдохнуть в русских веру в собственные силы, дать неограниченные полномочия на дерзновенность идти первыми, опережая прочий мир, на стремление совершать «невозможное» и начать, наконец, по достоинству оценивать собственных гениев. Нам придётся излечиться от комплекса «вторичности» и национальной неполноценности, совершить то, чего не удалось реализовать Сталину в его борьбе с низкопоклонством перед западными «авторитетами». Нам надлежит пропитать духом молодости, напора и дерзости всё общество. Мы можем всё! Нам нет преград! Мы — авангард цивилизации! Для этого потребуются сделать очень многое. И не только на духовно-идеологическом, но и на пропагандистском фронте.

/ Владислав ЖИГАЛОВ /

Невидимая угроза

*Нетрадиционные технологии СССР
способны отбросить назад Россию*

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС СССР

На рубеже 80–90-х годов СССР упустил стратегическую возможность по созданию кумулятивного опережающего задела в развитии новых технологий, на которых будет основан следующий технологический уклад. Эти технологии (назовём их нетрадиционными) разрабатывались в СССР сотнями научных групп и курировались различными ведомствами преимущественно в закрытом режиме, без должной централизации. Львиную долю их предполагалось использовать в рамках различных военных программ. После развала СССР некоторые результаты этих исследований вместе с их авторами оказались за рубежом. Однако большая их часть осталась в России, вместе с учёными, вступившими в конфликт с правящими кланами советской науки и потому оставшимися без должной государственной поддержки.

Чтобы понять природу этого конфликта, нам нужно представлять, о каких именно технологиях идёт речь.

Это новые средства сверхдальней связи (в том числе с подводными лодками, находящимися в погружённом состоянии, и дальними космическими аппаратами).

Новые источники энергии, не основанные на добыче нефти и газа.

Методы утилизации ядерных отходов, не связанные с их захоронением.

Принципиально новые лекарственные средства, в том числе против рака и СПИДа.

Технологии повышения урожайности в сельском хозяйстве.

Новые принципы в металлургии и многое другое.

То, что их объединяет, — некоторая оторванность от современной научной картины

мира: фундаментальные явления, на которых основаны все эти технологии, ещё только ждут раскрытия своей природы. Как следствие — практически все они объявлены в России лженаучными. Ещё одна важная особенность — для реализации таких технологий не нужны сверхзатраты, их можно получить и продемонстрировать в обычной университетской лаборатории. Разумеется, если знать, как.

ЗДЕСЬ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ

Несмотря ни на что, разработка нетрадиционных технологий продолжается в России и по сию пору. Правда, происходит это в вялотекущем режиме, без всякого вмешательства государства, в условиях перманентного прессинга со стороны официальной науки, лоббирующей устаревшие и неэффективные «традиционные» технологии.

Однако широкое внедрение нетрадиционных технологий — только вопрос времени и территории, откуда они начнут своё распространение. Ещё раз подчеркнём, что в настоящий момент большой процент этих технологий локализован в России и в силу ряда причин (языковой барьер, особенности частных инвестиций, ярлык лженауки, реалии вырождающейся российской науки и др.) практически не известен за рубежом.

За последние 5 лет наметилась отчётливая тенденция к постепенному объединению учёных, работавших в нетрадиционном секторе советской науки, в том числе оказавшихся в настоящий момент за рубежом. Проводятся совместные исследования, организуются дискуссионные площадки, создаются профильные научные журналы, проходят конференции — и всё это при отсутствии какого бы то ни было официального или неофициального «центра».

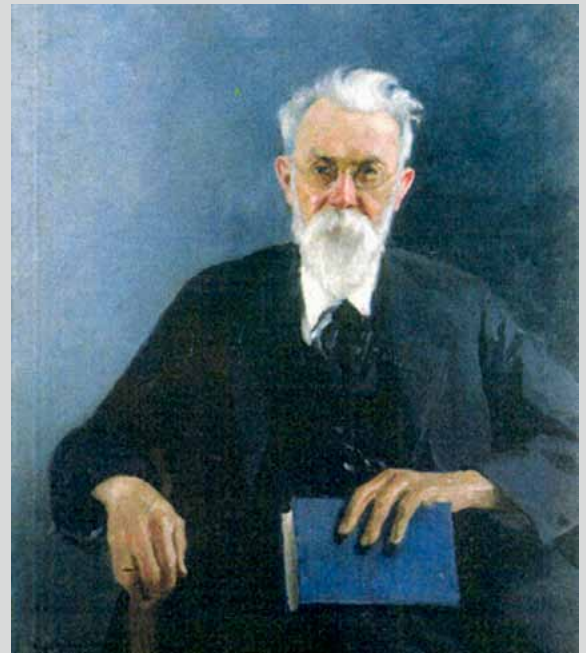
Фактор самоорганизации «лжеучёных» остаётся пока вне поля зрения как стратегических аналитиков, так и комиссии по борьбе с лженаукой. Эти процессы скрыты от тех, кто «не в теме». Тем не менее в перспективе следующих пяти — семи лет вполне вероятен следующий сценарий.

1. Наиболее яркие нетрадиционные технологии, созданные в СССР и на постсоветском пространстве, преодолеют языковой барьер и получат независимое подтверждение в западных университетах и лабораториях. К примеру, недавно были опубликованы результаты эксперимента «Австралия — Германия» по межконтинентальной приборной нелокальной связи, которые фактически повторили результаты с торсионными генераторами, полученные группой Акимова при поддержке КГБ ещё в середине 80-х годов.

2. Первенство в изучении новых фундаментальных явлений и в использовании основанных на них революционных технологий перейдёт Западу (не составляет никакого труда «переоткрыть» открытое, но не опубликованное на английском языке). Вспомним, что базовые работы по открытию структуры ДНК были проведены в СССР, но заклеены как лженаучные. Получившие за это открытие Нобелевскую премию Уотсон и Крик не ссылаются на работы Кольцова и Тимофеева-Ресовского. Та же история произошла с голографией, и этот список можно продолжать.

3. Новый технологический уклад (ориентировочно с 2020 года) будет развиваться на основе технологий, созданных во многом в СССР и России, но уже без участия наших исследовательских центров, с неизбежной потерей приоритета. Первый мегаваттный коммерческий реактор холодного ядерного синтеза продан в Италии в конце 2011 года и уже серийно производится в США под пристальным вниманием министерства энергетики США и НАСА.

В случае развития такого сценария, при дальнейшем безучастном отношении государства, «подаренные» миру новые технологии усугубят отставание России в гонке по переходу на следующий технологический уклад. Одно только отставание в энергетическом сегменте способно опрокинуть российскую экономику в ближайшие 2–3 года, если новые технологии неожиданно снизят спрос в Европе на нефть и газ. Всё это может привести к катастрофическим последствиям для всей системы нынешней российской власти. Может получиться так, что скрытое наследие СССР, позабытое и на первый взгляд никому уже не нужное, ударит нам в спину. Как вещий Олег, мы примем смерть от своего коня.

Игорь Грабарь. Портрет В. И. Вернадского.
Холст, масло. 1934

КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ

Основана в 1915 году при Российской академии наук академиком Владимиром Ивановичем Вернадским (1863–1945). Деятельность КЕПС заложила устойчивый фундамент развития экономики страны на многие годы вперёд. В 1916 году в её составе были представлены 10 научных и научно-технических обществ и 5 министерств. После Октябрьской революции КЕПС существенно расширяет сферу своей деятельности, обеспечивая преемственность основных научных школ страны в переходный период. Весной 1918 года КЕПС разрабатывает программу научного обеспечения первоочередных нужд нового государства, принимает участие в подготовке плана ГОЭЛРО и первого пятилетнего плана. В 1930 году на основе объединения КЕПС и Комиссии экспедиционных исследований АН СССР создаётся Совет по изучению производительных сил (СОПС), к которому переходит роль основного «мозгового центра» сталинского СССР. Масштабность работы СОПС наглядно иллюстрируется его участием в подготовке планов индустриализации и организацией перебазирующей промышленности из Европейской части России на восток в первые месяцы Великой Отечественной войны.

ПРОМЕТЕЙ XXI ВЕКА?

События начинают развиваться столь стремительно, что нам приходится бежать за ними вдогонку. Начнём с главного: с энергетики. Надо признать, что эту гонку мы, скорее всего, уже проиграли итальянцам и американцам. Никому доселе неизвестный изобретатель Андреа Росси, автор реактора E-Cat, заручившись поддержкой американских военных, НАСА и министерства энергетики США, начинает производство своих реакторов в Америке. Что представляет собой реактор Росси? Прежде всего, это реактор ядерный, и производство энергии на единицу расходуемого вещества, как и подобает ядерным реакторам, в нём очень велико. Иными словами, несколькими граммами вещества можно отапливать дом в течение сезона. Но, в отличие от традиционной для ядерной энергетики цепной реакции деления урана, в этом реакторе происходит превращение никеля и водорода в медь, железо и кобальт — так называемая холодная трансмутация ядер. Мало того, что такой вид реакций никак не объясняется современной ядерной физикой; в довершение и без того непонятной ситуации продукты реакций нерадиоактивны, а в ходе реакции нет губительного для всего живого проникающего гамма-излучения. То есть реактор не более опасен, чем обычная печь, и во много раз более эффективен.

Кроме того, выглядит он совсем не так, как выглядят привычные ядерные реакторы — огромные и сложные фабрики по производству энергии. Тепловыделяющий элемент E-Cat — размером с бутылку виски, как выразился сам изобретатель. Независимые испытания, проведённые в 2012–2013 годах интернациональной группой учёных, показали, что выделение энергии в реакторе Росси таково, что оставляет позади любые известные химические источники энергии, косвенно тем самым подтверждая, что внутри всё-таки идут ядерные реакции. Испытания 2014 года показали, что на 1 грамме топлива (никель с небольшими добавками) реактор способен работать по крайней мере месяц. Сравнение изотопного состава топлива до и после реакции не оставило сомнений в ядерной природе процессов. И очень важно то, что даже если реактор выйдет из-под контроля, это не может обернуться катастрофой с точки зрения радиационного загрязнения, да и ядерным взрывом не чревато. Во время одного из ранних испытаний реактор разогнался так, что у него расплавилась сердцевина.

Собственно, это самое страшное, что может с ним случиться. А погасить его можно, просто охладив — так же как и обычную печь, например, залив водой. Мы не знаем, какое будущее уготовано этому изобретению, но вполне возможно, что перемены могут быть примерно такими же, как при появлении огня в руках людей в доисторические времена. Впрочем, судьба Прометея также хорошо известна...

СНОВА РОДИНА СЛОНОВ

Если оглянуться назад, можно увидеть, когда именно и как мы упустили возможность быть первыми в новой энергетике. В 60-е годы прошлого века в СССР о реальности реакций холодного ядерного синтеза заявил Иван Филимоненко, работавший в космической отрасли. При испытаниях прямоточных реактивных двигателей он, к своему удивлению, обнаружил превращения химических элементов в условиях, далёких от типичных условий ядерных реакторов. Эти результаты, по некоторым источникам, дошли до Курчатова, Королёва и Жукова. По крайней мере, специальным постановлением ЦК КПСС были запланированы работы по изучению и использованию этого эффекта: для того чтобы лететь на Марс (мечта и дело всей жизни Королёва!), нужны были альтернативные источники энергии. Но со смертью Королёва дорога на Марс была закрыта, а сам Филимоненко, как и многие другие соратники Королёва в те годы, был отстранён от работ. Существует версия, что именно результаты Филимоненко, просочившиеся на Запад, легли в основу экспериментов Флейшмана — Понса конца 80-х годов, когда мир впервые услышал сам термин «холодный ядерный синтез». Впрочем, в те годы было невозможно себе представить, чтобы такие непонятные «алхимические» ядерные реакции открыто исследовались институтами АН СССР.

В этом деле имеется и ещё один важный фактор. Послевоенные реалии «холодной войны» заключались в том, что, когда происходило какое-либо фундаментальное открытие, которое тем или иным образом могло быть использовано в военных целях, сведения о нём немедленно «закрывались». Таким образом, открытие совершенно исчезало из поля зрения мировой науки, а значит, и науки вообще. Зеркальная ситуация воспроизводилась и по другую сторону «железного занавеса».

Это означает, что и изобретение Росси, попав в оборот людей в погонах, потенциально может ожидать судьба других фундаментальных

«недооткрытий» в закрытых исследовательских центрах: смерть под грифом секретности.

Существуют ли сегодня аналогичные разработки? Только в России и на Украине в этом направлении работают десятки научных групп, и некоторые, подобно Росси, добились определённого успеха: энергетически выгодные ядерные реакции нового класса устойчиво воспроизводятся, хотя пока и не столь удобны для непосредственного практического применения.

С. Цветковым ещё в середине 90-х годов было показано протекание ядерных реакций при насыщении титана дейтерием. Группа Уруцкого из Москвы в 1999 году при исследовании взрыва металлической фольги в воде открыла эффект протекания ядерных реакций с выделением энергии. Лаборатория Адаменко из Киева уже более 10 лет изучает подобные реакции при электрическом разряде в вакууме (превращению в другие элементы там подвергается до 30% исходного вещества). Группа Бажутова — Пархомова совсем недавно при насыщении водородом различных металлов (а именно так работает реактор Росси) подтвердила факт протекания ядерных реакций. Словом, фундаментально наличие этого странного эффекта пусть и не объяснено, но подтверждено, и даже если с Росси и его изобретением что-то случится, научное продвижение все равно продолжится: только за последние два года интенсивность исследований в этом направлении во всём мире увеличилась в разы. А учитывая совсем недавние события в Москве, о которых будет сказано ниже, ситуация может развиваться непредсказуемо и лавинообразно.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Что же мешает сейчас создать подобный реактор в России? На этом примере можно увидеть весь блеск и нищету нашей сегодняшней страны и отечественной науки. Сегодня десятки групп, каждая из которых является осколком когда-то могучей советской ядерной физики, работают над будущим мировой энергетики безо всякого финансирования и внимания со стороны государства. Но это ещё полбеды — примерно так же или чуть лучше обстояли дела и на Западе до появления «сверхновой Росси». Хуже, что со стороны постсоветского академического сообщества на протяжении долгих лет наблюдается даже не игнорирование, а откоро-

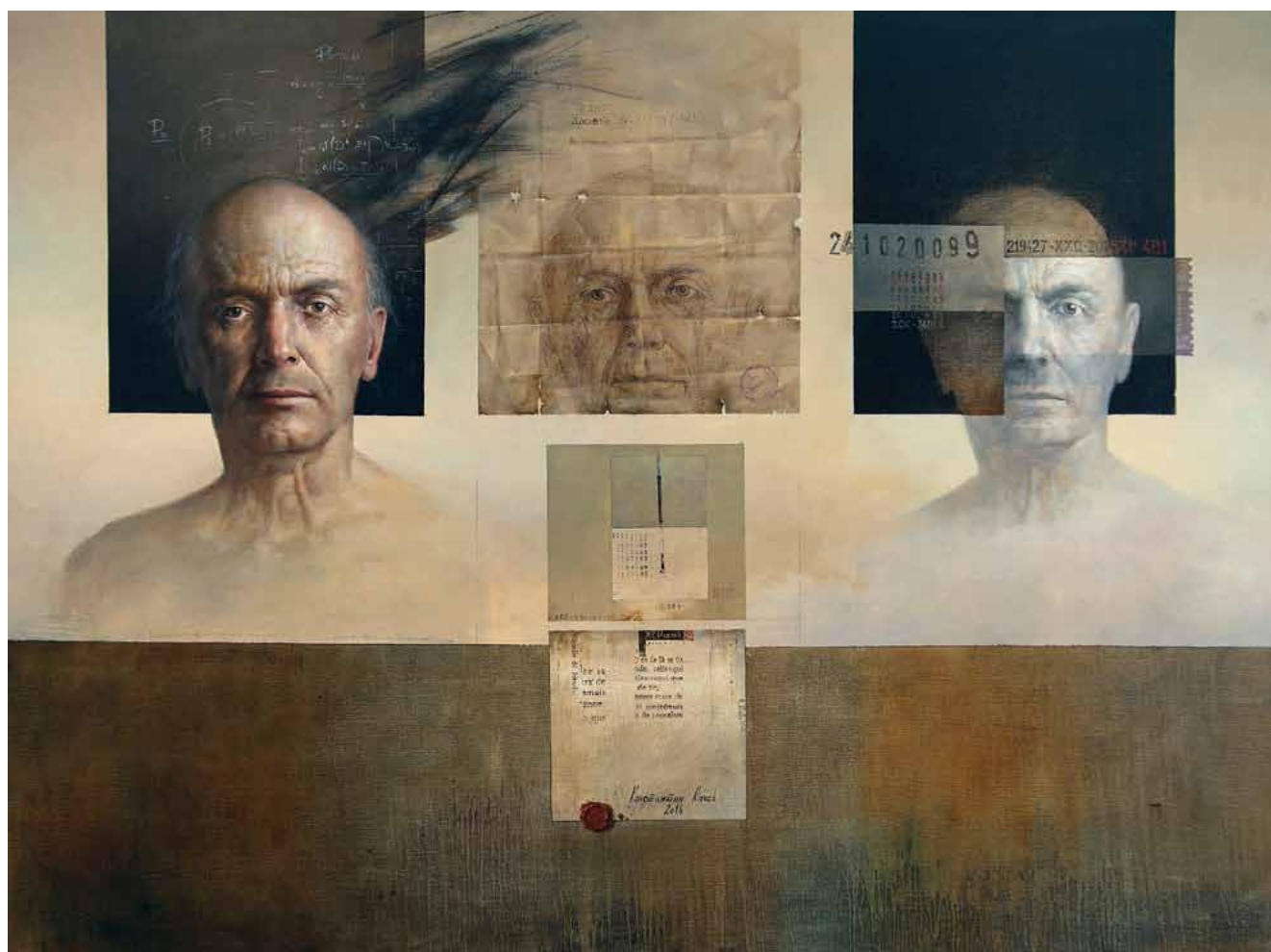
венная травля нового направления. Комиссия по борьбе с лженаукой во главе со специалистом по токамакам академиком Э.П. Кругляковым годами отстаивала тезис, что холодным ядерным синтезом занимаются только шарлатаны. Круглякова нынче нет на свете, да и Академия наук находится, по одним сведениям, в реанимации, по другим — в крематории. А «эффект Круглякова» продолжает действовать — отставание России в области новой ядерной энергетики преодолевать никто не спешит.

Дело Круглякова продолжают его последователи. Вскоре после опубликования в октябре 2014 года отчёта международной группы экспертов с испытаниями высокотемпературного реактора Росси случились два замечательных, хотя и очень разных события. Первое — как-то вдруг, скачком понизилась цена на нефть. Второе — появилась публикация двух членов комиссии по борьбе с лженаукой: академика Александрова и журналиста Лебедева, которая называется «Шарлатаны в Америке». Там к шарлатанам причислены кроме Росси все члены комиссии из университетов Италии и Швеции, испытывавшие его реактор. Если первое событие можно назвать совпадением (ну мало ли из-за чего меняется цена на нефть), то второе — это уже диагноз. Такой диагноз, который больному обычно не сообщают...

Тем не менее, похоже, первая независимая репликация этого реактора состоялась, и состоялась именно в России. 25 декабря 2014 года на семинаре по холодному ядерному синтезу в РУДН в Москве Александр Пархомов сделал доклад, в котором рассказал о своей инициативной попытке повторить высокотемпературную ячейку Росси. Попытка, по словам Пархомова, оказалась успешной: при нагреве до 1300 °C выход тепловой энергии превысил подведённую электрическую в 2,58 раза. После публикации презентации доклада началось оживлённое обсуждение на западных профильных форумах. Например, Martin Fleischmann Memorial Project¹ проводит онлайн-трансляции своих испытаний аналогов реакторов Росси.

В результате сложилась парадоксальная, почти детективная ситуация. Андреа Росси по-прежнему не желает раскрывать секрет своего реактора. В ходе независимого тестирования международной комиссии и в результате публикации её октябрьского отчёта проясняются некоторые детали работы реактора. На основании этих

¹ <http://www.quantumheat.org/index.php/en>

Константин Качев: «Трилогия жизни». Холст, масло. 2006

деталей (элементный состав топлива) реактор независимо воспроизводится специалистами из России. Этот успех подхватят теперь уже западные специалисты. По слухам, в заинтересованных кругах России, и прежде всего в ВПК, уже начнется паника. Сложность повторения устройства в простейшем варианте невысока — это уровень домашней лаборатории, а при ещё одной независимой репликации, возможно, начнётся вал экспериментов «в гараже» по всему миру.

Конечно, это пока не совсем наука. Наука следует своим путём, она консервативна и инерционна, но тут она, похоже, всё-таки берёт своё. Открытие нового источника энергии — это, прежде всего, открытие, и его нельзя путать с изобретением. Его нельзя защитить как интеллектуальную собственность, скрыв некое ноу-хау. Оно принадлежит или всем, или никому. Хотя Нобелевскую премию за него дадут только после теоретического объяснения этого явления, и, скорее всего, именно за объяснение, то есть теоретику.

Но мы всё же говорим о России. Наше государство на официальном уровне по-прежнему игнорирует это направление. В своё время на запрос Сергея Цветкова о возможности инициирования работ по LENR в России с приложением аналитического отчёта по LENR Разведывательного управления министерства обороны США (Defense Intelligence Agency) был получен следующий ответ из Росатома: «Росатом не считает целесообразным развивать тематику ХЯС ввиду отсутствия реальных экспериментальных подтверждений возможности его осуществления».

Этот ответ надо запомнить — по крайней мере для наших потомков он будет поучителен. Особенно если сравнить его с выдержкой из того самого, недавно рассекреченного отчёта:

«Если ядерные реакции в LENR-экспериментах реальны и управляемы, DIA (Defense Intelligence Agency) оценивает, что независимо от того, кто первым коммерциализирует LENR-источники энергии, это может револю-

ционизировать производство и накопление энергии в будущем. <...> Поскольку ядерные реакции производят в 10 миллионов раз больше удельной энергии, чем жидкое топливо, военный потенциал таких высокоэнергетичных источников энергии огромный. И поскольку армия США — крупнейший потребитель жидкого топлива для транспорта, LENR-источники энергии могут произвести крупнейшее преобразование военной области для армии США со времён перехода с гужевой тяги на бензин».

Наконец, ещё одна цитата. Деннис Бушнелл, научный руководитель НАСА:

«Я думаю, мы уже почти преодолели проблему «мы это не понимаем». Я думаю, мы уже почти преодолели проблему «здесь нет ничего полезного». И я думаю, здесь будет быстрое продвижение вперёд. И если будет так, это способно само по себе полностью изменить геэкономику и геополитику через решение энергетической проблемы».

Как страна мы катастрофически проигрываем гонку за альтернативные источники энергии просто потому, что отказались в ней участвовать. У нас есть специалисты, у нас всё ещё есть лабораторная база, которую можно развернуть в сторону новой ядерной энергетики. Но у нас отсутствует государственная и политическая воля, которая бы поддержала эти процессы.

Разумеется, на это есть вполне объективные причины. Определённым группам высокопоставленной элиты в нашей стране просто не нужна новая энергетика. Экономика России основана на торговле нефтью и газом. Однако азы работы на финансовых рынках в такой ситуации учат: нужно страховать, развивая именно то, что взлетит при одновременном падении цен на нефть и газ ввиду их возможно скорой невостребованности, даже если вероятность этого падения кажется пока невысокой. Но ни государственной воли, ни управленческого ресурса на то, чтобы рядом с пока работающей трубой развивать то, что станет заменой ей в случае наступления часа X, а именно альтернативную энергетику (кстати, не обязательно ядерную), пока не наблюдается и в помине. Остаётся надеяться, что в условиях разворачивающегося кризиса голос российских учёных будет всё же услышан трезвомыслящими представителями отечественной политической элиты.

Несмотря на то что мы фатально опаздываем на поезд под названием «новые энергетические технологии», это не отменяет необходимости продолжать путь. Тем более что в том же направлении движутся и другие поезда.

ЛАМПА НАКАЛИВАНИЯ

История лампы накаливания — это цепочка открытий, сделанных в разное время разными людьми. Ключевая роль в её создании принадлежит **Александру Николаевичу Лодыгину** (1847–1923). Именно Лодыгин превратил её из физического прибора в практическое средство освещения. Он первым предложил использовать в лампе вольфрамовую нить и закручивать её в виде спирали; первым стал откачивать из лампы воздух, что увеличивало срок её службы во много раз. Другое изобретение Лодыгина, направленное на увеличение срока службы лампы, — заполнение её инертным газом. В 1872 году Лодыгин подал заявку на своё изобретение, а спустя два года получил патент (привилегия № 1619 от 11 июля 1874 года) и премию Ломоносова от Петербургской академии наук. Он запатентовал своё изобретение в Австро-Венгрии, Испании, Португалии, Италии, Бельгии, Франции, Великобритании, Саксонии, Швеции, Австралии, Индии. Подал заявку и в Америку. Однако патентный сбор оказался изобретателю не по карману, поэтому патент США Лодыгин получить так и не сумел.

/ Наталья РОМАНОВА /

Ясновидец

Рассказ

В тот зимний морозный день 8 февраля 1906 года, когда под сапогами разговаривал снег, а щёки горели, словно грудь снегиря, в день, памятный тем, что в Петербурге открылся Всероссийский съезд «Русского собрания», появился на свет божий человек. Он оповестил своими первыми звуками квартиру на Невском.

— Хлопчик! — сказала акушерка-хохлушка.

Это был третий ребенок в семье, но пока что единственный, двое предыдущих детей умерли, не прожив каждый и по году. Но этому новорожденному, предстояло жить долго. Его отец, потомственный дворянин, член «Русского собрания» — правомонархической, православно-консервативной партии, рано утром уехал на съезд, а вернувшись, узнал две новости — радостную и горькую — о рождении сына и смерти жены. А на девятый день после случившегося отошёл в мир иной и сам дворянин. Младенца отдали родственникам матери в село с названием Большой Обед. При крещении нарекли Василием, поскольку крестили в день преподобного Василия-исповедника.

Рос Васенька кротким и болезненным, а к шести годам с ним случилась беда. Упал с дерева, ударился спиной, и мальчонку парализовало. Обе ноги и правая рука стали неподвижными. Лечили его святой водой, соком горькой редьки, отваром из клоповника — ничего не помогало. Несмотря на то что родственники дальние от ребенка не отказались, ухаживали за ним, жалели. Книг в доме не было, только молитвенники. Васенька учился по ним читать. Память у него оказалась великолепная, и спустя некоторое время он читал молитвы уже без книги. Ему нравилось, и большую часть времени мальчик проводил в молитвах. Это и боль облегчало, и хоть как-то спасало от скуки и однообразия. Но главное — давало веру в исцеление.

«С высоты прием Божественное откровение, изшел еси, мудре, от среды молв и,

монашествовав преподобно, чудес приял еси действо и недуги исцеляти благодатию, Василие всеблаженне священнейший», — шептал парализованный мальчик.

С молитвами крепла его душа. Он легче сносил болезнь наяву и только по ночам, когда забывался во сне, слышались стоны. Наутро же он по обыкновению был светел и радостен.

Васенька жил в семье Матвея Степановича — родного брата его деда. Дед Матвей был весёлый и придумной. Называл неродного больного внука Василия «внучиком-лучиком», а родного, тоже Василия, — Самоваром. А и впрямь толстый Васька походил на самовар. Важный и значительный. Он учился и жил в городе, а когда приезжал домой, они с дедом Матвеем вели длинные рассудительные беседы, от которых Васеньке становилось забавно.

— Почему люди не летают? — сокрушался Матвей Степанович. — Было бы замечательно. Чуть разбежался, стал быстрее перебирать ногами и оттолкнулся от земли. Повисел недолго в воздухе, осмотрелся, а потом в голубую высь. Стремительно! Потом можно вниз камнем. Чуть не долететь до земли, сделать резкий разворот — и обратно в небо.

— Ну и ну! — качал головой Самовар.

— Плавать же люди умеют, как рыбы. А почему летать, как птицы, нет? Приземлённость, она не всегда бывает хороша. Стало грустно — поднялся в небо, окинул взглядом красоты.

— Дед, не дано людям летать! Хотя от любви, например, тоже крылья вырастают.

— Так-то оно так, да только всё равно человек по земле ходит.

— Далась тебе эти полёты. Никогда не будет летать. Не будет! Кости у него не полые, как у птиц. Не его это функция, понимаешь, дедушка? Или ты перекроить человека собрался? — говорил Самовар, посмеиваясь.

— Перекроить-то я не смогу никого, а вот когда к Господу приду, то спрошу его, чем же мы, люди, хуже птиц?

— Тебе не до того будет! — махнул рукой Самовар. — Тебе какое дело будет тогда до людей? Сам-то ведь летать сможешь.

— Так-то оно так, а за людей всё равно обидно, только после смерти и могут летать.

— А что мы о смерти-то знаем?

— Как что? — удивился дед. — Человек умирает по болезни или ещё как, тело земле предадут, а душа улетает к Господу, чего тут не знать?

— Люди летают, — не выдержал Васенька.

— Как это? — удивился Матвей Степанович.

— А вот так. Садятся в стрекоз и летают.

— Прямо по небу?

— Прямо по небу. Большие такие стрекозы. Из железа и фанеры.

— Да уж конечно! — засмеялся дед.

На следующий день жители села Большой Обед впервые увидели в небе огромную стрекозу. Стрекоза своим стрёкотом огласила округу. Многие, упав на колени, крестились и читали молитвы, кто-то побежал прятаться. Дочь Матвея Степановича Анфиса забралась под лавку и потом долго не выбиралась.

— Клещами тебя оттуда доставать? — ругал её дед Матвей.

А нарушил мирный ход течения жизни села авиатор офицерской воздухоплавательной школы в Гатчине поручик Горшков, совершавший испытательный полёт. Он снизился на допустимую высоту и, увидев испуганных молящихся людей, громко крикнул:

— Кайтесь, грешники!

На следующий день церковь была забита до отказа. Люди наперегонки бежали к храму, даже те, кто порой увивал от исповеди. После этого случая жители села стали чаще ходить в церковь, и храм с каждым месяцем всё расцветал и расцветал.

— Церковь-то разрушат, — грустно сказал Васенька, когда тётка однажды пришла из храма.

— Да помилуй, Васенька, кто её разрушит?

— Немцы.

— Какие немцы?

— Другие, не эти.

Анфиса Матвеевна настороженно посмотрела на племянника.

— Какие другие, какие не эти? Васенька, не говори, чего не знаешь! И про церковь не говори так. Нехорошо это. Скажи вот лучше, сколько котят народится у Мурки? — тётка кивнула в сторону переваливающейся кошки.

— Четыре. Два рыжие-рыжие. Два серые.

Кошка при этом была белая, словно сметана. Через неделю два рыжих и два серых котёнка увидели свет.

— Васенька, а скажи, кто назавтра первым к нам в дом придёт?

— Вася, — тихо сказал Васенька, имея в виду Самовара.

— Да как же Вася? Не должен он.

Наутро первым, кто перешагнул порог дома, был действительно Василий.

— Я попрощаться. Ухожу в солдаты, — больше он ничего сказать не смог, так как послышался истошный вой матери.

— Не пуцу! Не пуцу! — сползла она по одежде сына на деревянные половицы. — Не пуцу! — кричала Анфиса Матвеевна, обнимая сына за колени.

Вася пытался утешить мать, но бесполезно.

— А ну цыц! — не выдержал дед Матвей. — Сын у тебя благословения пришёл испросить, а ты?

Уже зима сменила осень, а писем от Василия все было. Наконец, на Крещение пришла весточка: «За меня не беспокойтесь. Здесь на войне тихо. В Рождество знаете, что германцы с англичанами устроили? Перемирие! Прямо на линии фронта. Пели песни, даже в футбол играли!»

Анфиса прочитала несколько раз вслух коротенькое послание сына и положила в круглый вырез блузы.

— Дай хоть мне письмо-то! — насупился дед.

— Читать не умеешь! — усмехнулась Анфиса.

— Так поддержать дай. И Васеньке тоже!

Тётка протянула мальчику письмо. Он взял его левой рукой, поддержал немного и отдал матери Самовара.

— А чего читать не стал? Умеешь ведь!

— Не дышит оно.

— Кто? — удивилась Анфиса Матвеевна.

— Письмо. Холодное.

Тётка уставилась на племянника.

— Ты... Ты что хочешь сказать? — замерла она. — Да что ты такое несёшь, стервец? — И ударила Васеньку по лицу письмом.

Мальчик закрыл глаза и ничего не ответил. Через некоторое время в дом пришло известие о гибели Василия — единственного сына Анфисы Матвеевны. Она сильно исхудала, что стала похожа на заборную жердь. Кричала по ночам и звала сына. С Васенькой же она больше не разговаривала.

— Это ты напроорочил, — с ненавистью сказала она ему.

— Не обижайся на неё, — гладил дед Матвей мальчика по пшеничным волосам, — Анфиса сейчас не в себе. Сына ведь потеряла.

Долго ещё не разговаривала с Васенькой тётка, считая, что он причастен к гибели её сына.

— Побойся Бога! — говорил ей Матвей Степанович. — Мальчонка и так весь изувеченный, а ты ещё ему боль причиняешь. Ребенок он ведь. А если бы с твоим так?

— Уж лучше бы мой хоть такой, а был бы жив. Этот-то кому нужен? Ни матери, ни отца.

— Ещё раз такое вымолвишь — прокляну! Не смей чтобы мне. Слышишь? Не смей.

Наутро Анфиса Матвеевна подошла к спящему Васеньке. Тот сразу же открыл глаза. Лицо его было измучено и бледно. Видно, всю ночь его терзали боли.

— Прости меня, Васенька, — сказала тётка, заливаясь слезами. — Смерть сына ожесточила. Зачем мне жить-то теперь?

— Не плачь, тётенька, — успокаивал её мальчик, глядя подвижной левой рукой, — не плачь. Ему хорошо там. Я его часто во сне вижу. Просит, чтобы ты не горевала так.

— Ах ты мой мальчик, — плакала тётка и непонятно, кого она сейчас имела в виду — сына или племянника.

Несколько раз Анфиса Матвеевна спрашивала у Васеньки о том-то и том-то. Но мальчик не отвечал или говорил коротко: «Не знаю!»

Прошло несколько роковых лет. Завершилась позорным Брестским миром Германская война. Революционный мятеж перевернул жизнь страны. Рухнула великая империя. Расстреляли царя. Гражданская истребляла своих. Продразвёрстка распространилась с хлеба, картофеля и мяса почти на все сельскохозяйственные продукты, крестьяне негодовали. Страна голодала, и теперь название села — Большой Обед — стало раздражать самих крестьян.

— Переименовать в Большой Голод!

Не было керосина. Сельдевые бочки ломали на щепочки и эти щепочки вываривали, чтобы получить соль. Кроме голода свирепствовали цинга да тиф.

Васенька непрестанно молился, может быть, это и помогло выжить всей его небольшой семье. Он молился о сострадании к нищим, сирым и незащитным, о помощи в бедности и нужде святителю Николаю Угоднику, святителю Спиридону Тримифунтскому и священномученику Харлампию, помощникам во время голода.

В конце двадцатых стало полегче, не так голодно. Анфиса, которой уже было под пятьдесят, вышла замуж за человека из новой власти. Косолапов был младше жены лет на десять.

Но она его слушалась во всём. Этот неказистый с виду мужичок держал в своём худом кулаке всё село. Приехал он в эпоху массовой коллективизации.

К Васеньке Косолапов относился с презрением. Особенно его раздражали молитвы, которые тот постоянно читал.

— Зачем мы его держим? — всякий раз наступал он на Анфису. — Ему и так за двадцать. Сколько можно его кормить?

— А куда его прикажешь? — виновато спрашивала жена. — Закопать? Не по-христиански это — не любить калечных. И не по-советски, — добавляла она.

— Я сам разберусь, что по-советски, а что нет! — злился Косолапов.

— Вас убить хотят, — однажды вдруг сказал Косолапову Васенька.

— Что? Кто? — не понял тот.

— Не ходите сегодня никуда из дому.

Анфиса примолкла.

— Не ходи, — сказала она мужу с тревогой, — слушай, что он говорит, — и Анфиса Матвеевна привела в пример несколько случаев прошлых лет.

— Да ты что, Анфиса? Мне — и бояться каких-то предсказаний? Что он может знать? Лежит, не двигается. Таракан запечный.

— Не ходи, — повторила она, — народ очень сердит на тебя.

— Что? — побагровел Косолапов. — Сердит на власть?

— А то ты не знаешь, — потупила она взор.

— А что тебя любить? — прошаркал дед Матвей по избе. — Бедных возвышаете. А они ленивцы. Люди, которые гнут спины, у вас кулаки. Две лошади и сразу — кулак! Гоните их с насиженных мест с детьми, стариками. Играетесь маленькими людьми.

— Но-но, дед! Ты говори, да не заговаривайся! А то быстро и на тебя управа найдётся.

— Не пугай меня! Молоко ещё на губах не обсохло, — дед не отводил взгляда от Косолапова.

— Значит, защищаешь тех, кто отказывается вступать в колхоз? Тех, кто уничтожает скот и утварь?

— Так всё равно отберёте, вот и уничтожают люди. Скоро опять голодовать будем.

— Да, — тихо подтвердил Васенька слова деда Матвея, — скоро опять наступит голод.

В тот вечер Косолапова не стало. Очень жестоко расправились над сельским партийцем. Топором раскололи голову надвое. О том, что это предсказал калечный Васенька, скоро узнало всё село. Проводилось громкое расследова-

ние. Допрашивали всех и вся. Стало известно, что незадолго до смерти Косолапов поделился с кем-то из своих друзей о дурном предсказании блаженного.

Кинулись к Васеньке:

— Откуда что знаешь?

Даже хотели в органы забрать. На защиту грудью встал дед Матвей.

— Не отдам! Не видите, расслабленный он. Ходить не может.

— Откуда тогда у него были заранее сведения?

— Да не убивал он. И не причастен к убийству, — настаивал дед.

— Откуда сведения? — грозно повторил следователь.

— Он малость того.

— Чего того?

— Будущее видит.

— Да ну.

— А вот и да ну.

Дед рассказал про внука Василия, что был убит в германскую. Про стрекозу.

— Прямо на следующий день прилетел к нам энтон авиатор!

Следователи не поверили. Настаивали на том, что, может быть, Васенька слышал, что Косолапова собрались убить. От кого? Мог слышать только от деда Матвея или от Анфисы. Значит...

— Ни при чем они, — тихо сказал Васенька, — я и вправду иногда знаю, что должно с кем произойти.

— Знаешь? Ну вот что ты знаешь про меня? — следователь в упор посмотрел на Васеньку.

— У вас есть женщина, не жена. Вы с ней живете вместе. Вы её бьёте. Напьётесь и бьёте. Злость срываете.

— Что? — следователь посмотрел на всех. — Что он говорит такое? Неправда это. Чтобы я Зинку пальцем?

— Да, при людях вы к ней ласково. Ревнуете её без повода. И почём зря дубасите.

— Да я за Зинку кого хочешь...

— Бежать ей надо от вас. Не ровен час убьёте.

— Да как убьёте? Я ж люблю её!

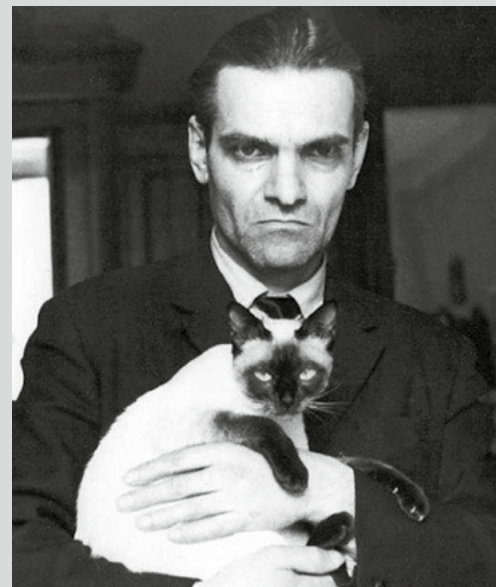
— Вот от такой своей любви и убьёте.

Что бы ни спрашивали больше у Васеньки, он не отвечал. Повернул голову к стене, вперился в деревянные брёвна избы и молчок.

К вечеру возле дома деда Матвея толпились селяне. Слух уже прошёл по деревне, что Васенька видит будущее и прошлое.

— Идите по домам, — приказал дед, — не хорошо это. Не Божье это — судьбу знать. Идите.

Но люди не расходились.

ДЕШИФРОВКА ПИСЬМЕННОСТИ МАЙЯ

Решающая роль в расшифровке письменности одной из крупнейших культур доколумбовой Месоамерики принадлежит советскому историку и лингвисту **Юрию Валентиновичу Кнорозову** (1922–1999). В 1952 году в журнале «Советская этнография» была опубликована его статья «Древняя письменность Центральной Америки», в которой излагались основные принципы дешифровки письма майя. Вопреки мнению подавляющего большинства американских исследователей Кнорозов полагал, что письменность майя является иероглифической, а не идеографической, «то есть принадлежит к тому же типу, что и письменность древнейших в мире центров цивилизации (Китай, Шумер, Египет)». Дешифровка Кнорозова оценивается филологами выше открытия Жана-Франсуа Шампольона, раскрывшего тайну египетских иероглифов, поскольку в случае языка майя отсутствовали параллельные тексты на известных языках. За расшифровку письменности майя Кнорозов был награждён орденом Ацтекского орла, который вручается мексиканским правительством иностранным гражданам за исключительные заслуги, и Большой золотой медалью (Гватемала).

— Пусть зайдёт Варвара, — сказал Васенька деду, — ей больше всего надобно.

У Варвары не было детей. С мужем они прожили пять лет. А в последнее время тот стал заглядываться на сельскую учительницу. Учительница делала вид, что ей всё равно, но Варвара перехватывала иной раз её взгляд и понимала, что к чему.

— Не печалься, Варвара, — сказал Васенька, — дело не в тебе. Отпусти его с миром. Он не твоя судьба. А дети у тебя будут. Даже трое. Молитвы читай. И главное, веруй! Праведные Иоаким и Анна до старости несли горькое несплодство, а потом кого родили? Пресвятую Деву Марию. У благочестивых Захарии и Елисаветы также не было детей до старости, а потом по благословению Божию родили Иоанна Предтечу. Вот и молись им. Не оставят тебя они.

Следующим посетителем была Аграфена Куличкина. Она буквально ворвалась в избу.

— Помоги, Васенька! — взмолилась она. — Сын пьёт, мочи нет.

— Совесть его нечиста, вот и пьёт. В гражданскую свирепствовал.

— Так ведь он по заданию, — заступилась Аграфена за сына.

— Вот сейчас и видятся ему повсюду кошмары.

— Что делать-то, Васенька?

— Каяться, каяться.

— Да неверующий он стал.

— А ты всё равно молись за него. И я буду. Может, обратно до веры и дойдёт.

— Молись, Васенька, молись! А то погибает человек-то.

Почти каждый из Большого Обеда побывал у Васеньки. Приезжали из соседних деревень, даже из города не раз. Тайком приезжал какой-то важный чин. Но Васенька ничего ему не сказал. И вообще, не всякий раз говорил людям. Иной раз говорит, говорит, а потом замолчит, и ни в какую продолжения не допросишься. А потом у того человека беда случается.

Здоровье деда Матвея ухудшалось и ухудшалось. Всё-таки восемьдесят годков.

— Помереть бы мне не мешало, — говорил он Васеньке, — да вот только боль на сердце — как ты без нас останешься? На Анфису надежи нет. Её всё время подстёгивать приходится. Всё-таки злоба у нее на тебя. Сын-то Вася погиб её, а ты живёшь. И какой шайтан влез ей в душу?

— Не переживай, дед. Ты не скоро померешь. Поживёшь ещё годков десять.

— Васенька, как десять? До сорок первого? Где уж мне.

— Доживёшь, доживёшь, дед Матвей!

— Эх ты, трепло! — смеялся Матвей Степанович. — Да в моём роду по мужской линии никто за пятьдесят годков не переваливал.

— Ты-то уже перевалил, и давно.

— Что есть, то есть. Может, забота о тебе не даёт помереть. Сколько у нас живёшь?

— Двадцать пять. С девятьсот шестого.

— Вот и хорошо! А у меня совесть чиста перед братом Антипом — дедом твоим. Куда бы я себя дел все двадцать шесть годков, если бы знал, что ты мыкаешься по домам призрения?

— Хороший ты дед Матвей, хороший!

— Да ладно, чего уж там, — Матвей Степанович поправил одеяло на больном, — глянь! А к тебе опять посетители.

Васенька был всегда на посту. Зато и люди приходили не с пустыми руками. Что-то да приносили, несмотря на голодные времена.

— Не надо! — бушевал дед Матвей.

— Как не надо? — удивлялась Анфиса.

Ходила за Васенькой она всегда исправно, а когда односельчане стали что-то приносить, так пуще прежнего стала ухаживать за больным.

Не раз к ним приходил батюшка. Исповедовал и причащал Васеньку.

— Хорошее дело делаешь, богоугодное, — говорил он лежащему. — Людям помогаешь. Слышал я, что благодаря тебе многие исцелились, многим на душе стало легче. Вот ведь как. Иной с ногами, руками, всё может, а столько зла несёт людям, а ты без движения, а от тебя только польза.

Несколько раз навевывались представители власти.

— Бросайте эти всякие свои штуки! — с порога ругали они. — Не советское это дело.

— Так что он против Советов-то делает? — искренне не понимал дед Матвей.

Кричать-то кричали, а сами ходили к Васеньке — то колено полечить, то радикулит, а то и посоветоваться, как дальше поступить. И Васенькиными молитвами не гнушались.

— А своё будущее ты знаешь? — спросила его как-то Анфиса Матвеевна.

Васенька покачал головой, нет, мол, не знаю.

Перед самой войной Васенька вдруг перестал пророчествовать. Ни одному посетителю ничего не сказал.

— Васенька, что случилось? — Анфиса была в недоумении. — Не видишь ничего?

— Вижу, всё вижу, — уныло ответил ей племянник. — Беда надвигается. Страшная. Смерть кругом.

— Да что же это будет-то? — всплеснула руками Анфиса. — Только зажили люди хорошо.

— Война, — коротко ответил предсказатель.

Когда началась Великая Отечественная, почти все мужики Большого Обеда ушли добровольцами на фронт. В селе только и говорилось о войне. Припадали к репродукторам, чтобы узнать вести с фронта. Однако известия были неутешительными. Враг стремительно шагал по советским просторам. Кто-то эвакуировался из села, однако большинство женщин, детей и стариков оставались на местах. Как ехать-то? Дом, хозяйство, скотина. Да и к кому ехать? Надеялись, что до них немец не дойдёт.

Война — значит, смерть. Стали приходиться первые похоронки. А у кого не было известий — бежали к Васеньке.

— Что с моими? — спрашивала каждая.

— Живы, живы, — отвечал калечный.

— С моими что? — припадала другая.

— Сына старшего нет у тебя больше. Убило.

Никто из женщин не хотел верить этому. На Васеньку сыпались проклятья, крики. Поэтому, если он знал, что человека нет в живых, то просто молчал и не встречался взглядом с проходящей. Как бабы боялись этого невзгляда! Зато когда Васенька смотрел в глаза, то и спрашивать не надо было. Живы её — муж, отец, дети! Ни разу за всё время Васенька не ошибся. Тем, кому он сказал о гибели родственника или же не сказал, а скорбно промолчал, — действительно получали похоронки или краткое: пропал без вести. Двум матерям, получившим такое известие, он сказал, что их сыновья живы.

Снаряды войны стали долетать и до Большого Обеда. Неподалеку находилась узловая станция, вот немец и бомбил со всей дури. Васенька всегда знал, когда будет бомбёжка. Народ был предупреждён и успевал спрятаться. Многим спас жизнь Васенька в ту страшную пору.

— Уходите, уходите! — приказывал он деду Матвею и тетке Анфисе во время очередного налёта, но те даже ухом не вели, вздрагивали только и крестились.

А однажды бомба попала в церковь.

— Горе-то какое! — заплакала Анфиса Матвеевна. — Бога на них нет. Церковь вся в руинах. Да что же это делается?

— В двадцатые её не тронули, в тридцатые уцелела, — тихо сказал Матвей Степанович. — А ведь Васенька когда ещё говорил о ней...

Васенька постоянно пребывал в молитве. Он просил и об избавлении страны от врага, о том, чтобы как можно быстрее закончилась война.

Но ещё он дерзнул просить вот о чем. Как никогда ему захотелось выздороветь. Как никогда. На фронт. Воевать. А потом вернуться бравым воякой. Вон кругом баб сколько красивых!..

— Что толку от моих предсказаний? — говорил он Богу. — К чему это всё? Ну узнала она раньше на неделю, что сын погиб, какая от этого польза? Почему так? Почему я вынужден лежать? Почему я в шесть лет сорвался с дерева? Зачем, Господи, ты сотворил со мной такое? Почему я не могу быть сейчас в строю и защищать свою землю, деда Матвея, тетку Анфису, у которой сын погиб на войне, а я разлёживался тут, в её доме? Хочу человеческой жизни! Не хочу больше предсказывать! Не хочу! Не посылай мне ничего! Дай мне ноги и руку!

Однажды Васенька проснулся от тяжёлого грохота. Всё кругом полыхало. Дед Матвей лежал посреди избы. На пути к нему, Васеньке. Из рта сочилась кровь. Рядом с ним в белой ночной рубашке лежала его дочь с кровавым растекшимся пятном на груди.

— Дед! Дед Матвей! — закричал Васенька.

Дед смотрел на него мертвыми открытыми глазами.

— Тетка Анфиса! Анфиса! Анфиса Матвеевна, — истошно кричал Васенька.

Звать их было бесполезно.

— Помогите! Помогите! — кричал Васенька.

Огонь подступал ближе и ближе.

— Помогите... — уже не кричал, а шептал он.

Он понимал, что помощи ждать неоткуда. И начал неистово молиться:

— Господи, сделай чудо! Спаси меня и сохрани! Господи, помилуй! Господи, не оставь!

Здоровой рукой он приподнялся на постели. Что есть силы схватился за железную спинку кровати и, оттолкнув себя, перевалился через край койки. Громко шмякнулся на пол. Здесь было прохладнее. Все той же здоровой рукой он зацепился за ножку своего лежбища и вновь оттолкнулся что было сил. И вновь небольшое расстояние выиграл у пожара. Рывок, и снова прополз чуток. Он посмотрел на деда, огонь уже подбирался к нему. Ползти до двери Васеньке было совсем немного, но чего стоило ему это немного по человеческим меркам. Он тащил себя, зубами хватаясь за жизнь, выгрызая её из лап смерти. Задыхался от дыма, но тащил!

Наконец у двери. Сил нет толкнуть. Толкай! Рукой, головой уткнулся в деревянную дверь. Задыхался, кашлял, не мог, но толкал. Дверь со скрипом распахнулась. Порожек высокий! Я буду жить! Буду! Он подтянулся, причём

машинально на обеих руках. Неподвижная рука вдруг двинулась и тоже пособила в этом деле. Но ему некогда было удивляться. Дым безбожно резал глаза. Дыхания не хватало. Он переполз порог. Силы кончались. Огонь наступал на пятки.

— Помогите! — прошептал он и потерял сознание.

Очнулся лежащим на земле. Где он? Василий сел.

— Мать честная! — услышал над ухом.

Вася не мог понять, что с ним. Сильно болело тело, особенно ноги.

— Васенька, так ты ведь сидишь! — сказал тот же голос.

Голос принадлежал односельчанке Марии Стругацкой.

— Что со мной? — он даже попытался встать, но не смог.

— Мы тебя из дома вытащили, уже гореть начал. В сенях нашли на ступенях.

Василий вспомнил весь ужас произошедшего. Дед Матвей, тётка Анфиса, пламя...

— Вот и вас немец не пощадил, — сказала Мария.

— Дед погиб и Анфиса Матвеевна.

— Так оно понятно... — перекрестилась Стругацкая. — Как ты остался жив — никак не уразуметь. И как преодолел столько?

Василий пошевелил доселе немощной рукой. Она слушалась. Ступни тоже могли не спеша поворачиваться в разные стороны.

— Больно! — сказал Василий.

— Так как иначе? Обгорел ведь! Пятки вона — тёмные какие. Уже портки на тебе тушили. По земле, беднягу, катали, огонь чтоб унять. Потерпи, Васенька. Дочка пошла, кого из взрослых привести, это мы с ней тебя выволокли. Тяжёл, однако! До нашего дома тебя не дотащить. Сейчас из баб кто придёт, унесем. Ну надо же, сидит!

В доме Марии Стругацкой было уютно, пахло свечами и лепёшками. Словно не было войны. Словно осталась она далеко, там, в доме деда Матвея, в другом конце села. Василия помыли. Мария дала ему тряпку.

— Сходи на нее.

— Как? — засмутился Василий.

— Самым обычным способом, — засмеялась она.

Тряпку, пропитанную мочой, она прикладывала к его пострадавшим в огне ногам. Он засыпал, обернутый в чистую простыню. Ему дали выпить много воды. Под утро стало знобить. Мария укрыла теплым одеялом.

— Выпей, — она подала стакан, наполовину наполненный водкой. — Пей, пей, не морщись. Боль поднимет.

Василий осушил стакан. Тепло растеклось по всей его сущности. Даже на душе теплее стало. Его совсем не удивляло, что он может двигать рукой, что ступни его шевелятся. Наверное, он ещё не осознал того, что уже не растение. О смерти деда и тётки он пока тоже не думал.

— Не знаю даже, что и поделать, — услышал он утром разговор Марии с соседкой, — немцы на подходе, все только и говорят об этом. Как одного его оставишь?

— А говорят, он шевелиться стал. Из пожара сам выполз.

— Да и сидит уже всюю.

— Вот ведь как! И чего у него там сдвинулось в пожар-то?

— Всё равно не ходит ведь запросто, — вздохнула Мария. — Мы-то с дочерью не сегодня-завтра собрались уходить из села. Не унести нам его будет.

— Да... — только и сказала соседка. Брать его к себе она явно не собиралась. Да и кому нужна такая обуза, хоть уже и сидячая.

Этим же вечером через село проезжали эвакуированные из Ленинграда и области. Мария упростила взять на борт медицинской машины Василия:

— Возьмите парня. И так судьба такая... А еще обгорел ночью.

Она вкратце поведала одному из врачей по имени Фёдор Александрович о его жизни. Тот опешил:

— Редчайший случай в медицине.

Мария с дочерью тоже пристроились к беженцам. Но в дороге и по прибытии Василий с ними не виделся. Может, отстали где в дороге. А может, и под бомбу угодили. Во время пути бомбили нещадно.

— Как тебя лечили? — спросил Фёдор Александрович.

— Сырую картошку прикладывали, когда сильно больно было.

— А врачи, врачи тебя смотрели?

— Приезжал доктор из города, сказал, что бесполезно всё. Перелом позвоночника, что тут поделаешь.

— А сколько лет тебе было?

— Когда упал? Шесть.

— А когда врач осматривал?

— Так... Это еще Косолапов был жив. Значит, за двадцать мне было. Я лежал все время. Пошевелиться не мог.

— Не покоем надо было тебя лечить, а движением. Я займусь тобой.

Но заняться Федор Александрович интересным больным не успел, отправили на фронт. Перед уходом дал Василию список упражнений и множество рекомендаций.

— Не ленись только! — предупредил врач.

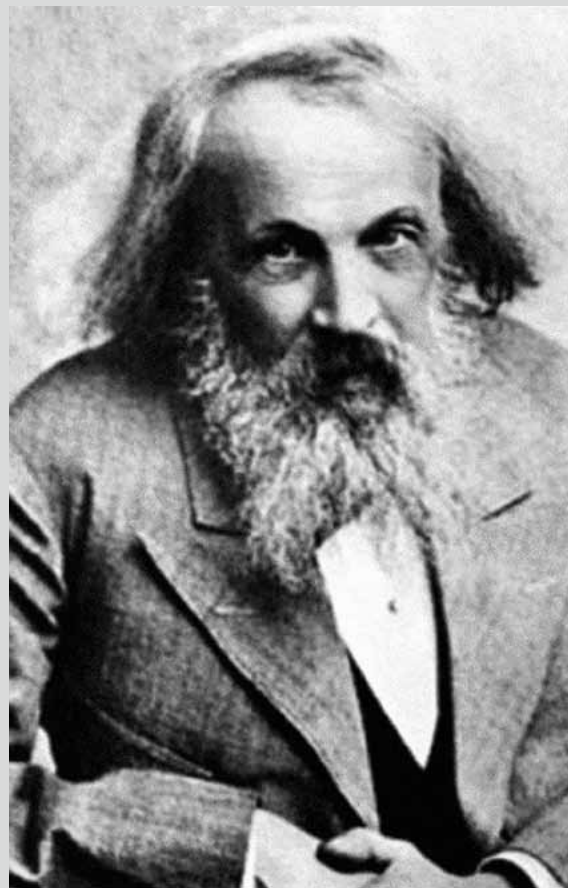
А Василий и не думал лениться. Разрабатывал подвижность конечностей. Через какое-то время уже мог ходить на костылях, потом с палочкой. Нет, бегать и прыгать он не мог и ходил неважно, но всё-таки! И чем лучше ходил Василий, тем меньше он правильно предвидел. Поначалу ошибался, но редко. А потом, наоборот, всё реже и реже стал попадать в точку.

На войну, разумеется, не взяли. Какой из него вояка? Во время войны работал в госпитале — стирал бинты, кипятил шприцы, давал раненым пить. А что он ещё мог делать? Силы-то не было ни в руках, ни в ногах. Хотел было податься в артель инвалидов. Слышал, что в Молотовске такая была создана ещё в сорок втором. И производства свои имеются — швейное, галантерейное, сапожное. И даже жильём обеспечивают и денежную помощь дают. Но Василий побоялся туда сунуться. Русским языком ведь сказано — забота оказывается семьям фронтовиков и инвалидам. А он какой фронтовик? И травма у него не в боях получена. После войны потыкался-помыкался и обратно в свой Большой Обед. Ехал, думал — зря едет. Дом сгорел ещё в сорок первом. На что надеялся?

А приехал — оказался нарасхват. Бабы увидели его, сбежались, охают. Они слышали, что он из пожара выполз в начале войны. А тут сам на своих ногах приехал. Да видный такой, справный. И молодой. Сорок лет всего. А мужиков-то в селе раз-два и обчёлся. На фронтах сгнули. Почти каждый дом похоронку получил, да не одну. Вдов на селе видимо-невидимо. Повыкорчёвывали мужиков-то из России. А новые ещё не народились. Вот и подсобить в этом деле нужно оставшимся в живых. Василий решил, что погостит тут в селе, да и поедет в Ленинград. Не тут-то было. В первый же вечер остался Василий после теплой встречи с застольем у Варвары. Той самой, что приходила к нему по поводу своей бездетности. Варвара рассказала, что во время войны село было занято немцами. А её и ещё нескольких односельчан угнали на работу в Германию.

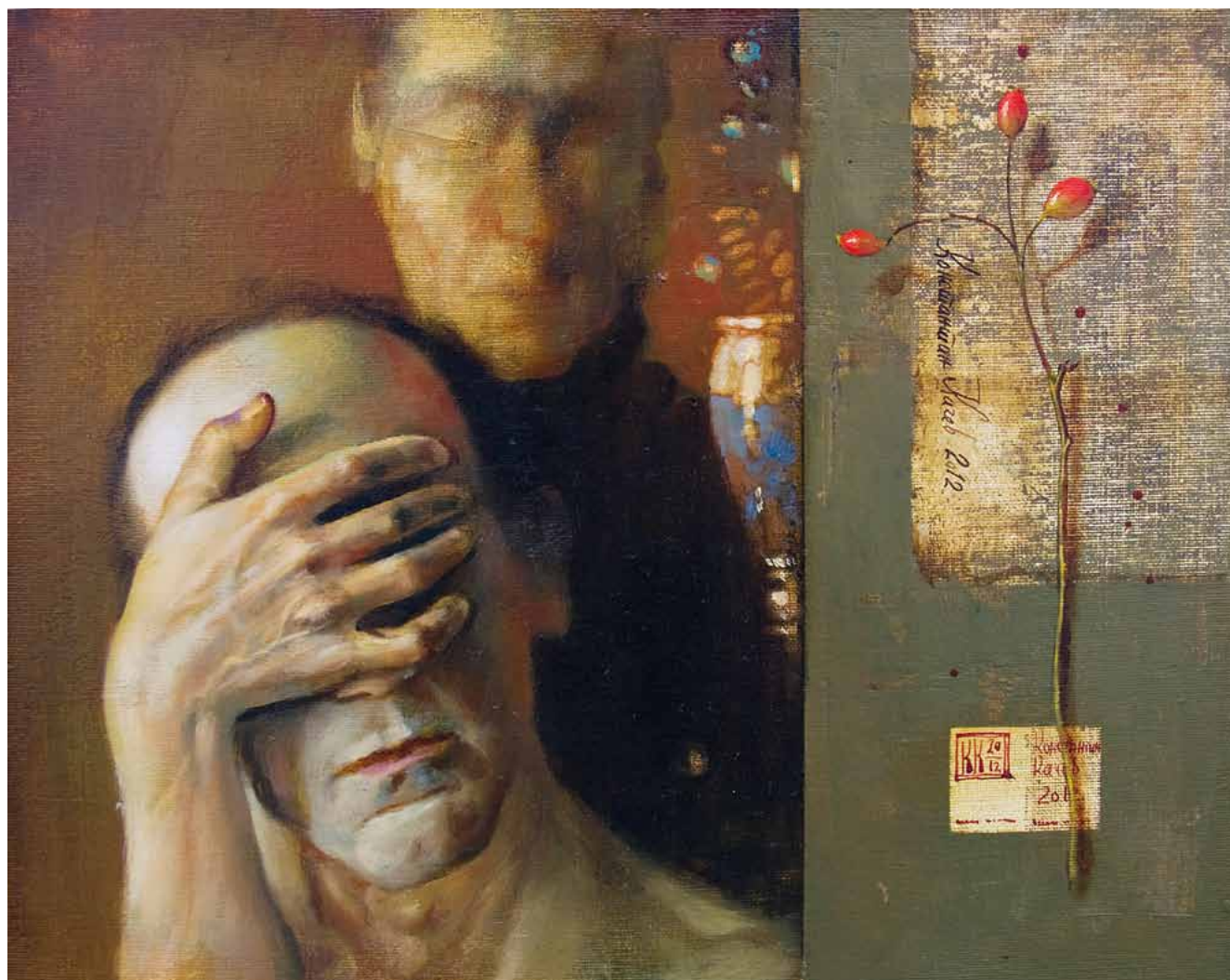
— А муж твой бывший где? Жив?

С мужем-то Варвара развелась давно. Лет пятнадцать назад. Ушёл он к той учительнице. И там детей не было. Варвара же до войны

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХИМИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Одним из фундаментальных вкладов русских учёных в сокровищницу мировой научной мысли является Периодический закон химических элементов, открытый в 1869 году выдающимся химиком и учёным-энциклопедистом **Дмитрием Ивановичем Менделеевым** (1834–1907). В 1871 году Менделеев сформулировал его следующим образом: «Свойства простых тел, а также формы и свойства соединений элементов, а потому и свойства образуемых ими простых и сложных тел стоят в периодической зависимости от их атомного веса». В отличие от прочих фундаментальных законов, Периодический закон выражен не в виде математического уравнения, а в виде разработанной Менделеевым графической Периодической системы химических элементов, более известной как таблица Менделеева. Отличием работы Менделеева от работ его предшественников было то, что основ для классификации элементов у Менделеева была не одна, а две — атомная масса и химическое сходство. Появление периодической системы открыло новую научную эру в истории химии и послужило стимулом для развития новых направлений физики XX века — физики атома и физики ядра.

Константин Качев: «Отражение». Холст, масло. 2012

жила одна. Василий знал об этом, ведь только в сорок первом покинул село.

— Нет, не жив, — она покачала головой, — в сорок пятом, уже перед самой победой, получила жена на него похоронку.

— А ты? Замуж не вышла? Или схоронила?

— Нет, не вышла. В войну, что ли? Не до замужества было.

Варвара замолчала.

— А помнишь, говорил, что трое детишек будет. Мне через два дня сорок — и ни одного.

— Будет, — пообещал Василий.

Трижды год за годом у них рождались дети — и все мальчишки. Жить бы Василию да радоваться. А он грустнее год от года. Ни ремесла нет у него, ни умений каких. В деревне не применить себя ему. Переехали с семьей в Ленинград. Варвара устроилась библиотекарем. Она и в селе работала в избе-читальне. Дали им комнату в коммуналке. Василий устроился в рыбное

хозяйство, но оттуда выгнали. За пьянку. Он с войны попивал время от времени, а тут так вообще стал не просыхать. Пытался, как прежде, предсказывать, да денег ещё за это брать — на выпивку-то надо где-то находить. Но, увы, прогнозы его не сбывались. Даже пару раз чуть не побили за враньё. Василий пил, устраивал дебоши, гонял жену, соседей. Совсем от него житья не стало.

— Во мне дворянская кровь! — стучал он кулаком по столу. — У меня отец был... ого-го! Не чета вам, батракам!

— Тише ты, Васька, тише, — успокаивала его Варвара, — соседи услышат.

Жили они бедно. Денег не хватало. Работала одна Варвара. А Васька работать не желал. Махал перед всеми своей тростью, какой, мол, я работник?

— Где только деньги на выпивку находишь? — удивлялась жена.

Бросить ей его было жалко. Дети общие. Им отец нужен. А вдруг образумится? А Васька совсем обнаглел. Стал погуливать. Сначала втихаря, потом в открытую. Узнав это, Варвара не выдержала. Собрала детей и уехала обратно в Большой Обед.

— Ну и катись! — психанул Васька, когда, придя домой с очередной попойки, увидел, что дома никого, а на столе записка.

Пировал крепко. Водил друзей, девиц. Имел дело с милицией.

— Эх, и за кого кровь проливали, — сказал однажды в сердцах сосед-фронтовик.

— Думаешь, я не жалею, что не был на фронте? — тихо промолвил пьяный Васька и добавил зло: — Вас чествуют, вы в почёте, а я в дерьме.

— Не пей, вот и не будешь в дерьме, — огрызнулся сосед.

На следующий день Васька уехал в село. Зашёл к Варваре в избу-читальню. Она выглядела посвежевшей. Худенькая, в цветном ситцевом платице, с гребнем в рыжих волосах Варвара не выглядела на свои сорок пять. Девчонка, да и только.

— Опять изводить нас приехал, — вздохнула Варвара.

— Не буду я больше. Не буду пить. — Васька виновато повесил голову.

— Сто раз слышала. Каждый раз одно и то же.

— Не буду. Ну прости, Варя, — заканючил Васька. — Без вас кранты. Ведь пять лет уже вместе. Привык я. И по парням нашим соскучился.

— Ой ли...

— Ну Варенька!

— Иди домой, — сказала она ему, — там поговорим.

Васька шёл по дороге, мимо разрушенной церкви, в которой он был ещё ребёнком. Дошёл до места, где стояла изба деда Матвея. Здесь почти тридцать лет он пролежал парализованный. Остановился на пепелище. И вдруг ему стало невыносимо тяжело. Так скрючило от боли, что он даже присел.

Нет, не тогда ему Бог дал мучения. Сейчас. А тогда ему радостно было. Он молился. Людям помогал своими прозрениями. Даже батюшка сказал однажды, что он хорошее дело делает, богоугодное. Васька как сейчас помнил слова священника: «Слышал я, что благодаря тебе многие исцелились, многим на душе стало легче. Вот ведь как. Иной с ногами, руками, всё может, а столько зла несет людям, а ты без движения, а от тебя только польза». Он и молитвы-то не сразу вспомнил. Молился по-настоящему в последний раз той ночью.

Зачем его Бог оставил в живых? Не хочет он больше так жить. Не хочет. Уж лучше обратно, как было.

— Не хочу я жить так. Не хочу.

Он еле-еле дошел до избы Варвары. Болело в груди. Отец Варвары, увидев муженька дочери, аж заплевался.

— Ты пошто приехал? Опять мучать её будешь? Пошел вон отседова!

— Тихо, дед, не шуми. Варя знает, что я приехал.

— И что, что приехал? Свиныя ты, Васька! Ей парней воспитывать надобно. А ты ее муржишь. Она ведь не молодая. Сорок пять уже. А робятишкам — четыре, три да два по возрасту. Ей воспитать их надо успеть! А ты ей всю душу вымотал. Убирайся подобру-поздорову.

— Кто есть у нее?

— Так я тебе и сказал!

— Дед, скажи, у неё есть кто?

Дед пристально посмотрел на Ваську, свернул газету и насыпал туда табака.

— Ходит за ней Сафронов.

— Однорукий, что ли?

— Ну и что, что однорукий. Ты вон, когда однорукий-то был, так и человеком был. Уходи, Васька, не мешай ей. Всё равно от тебя толку не будет. Боль ей одна.

— Дед, у тебя выпить есть?

— Еще чаво! Выдумал мне тоже. Иди давай. Иди!

Васька вышел во двор. Варвару нужно дожидаться. Поговорить. Нестерпимо хотелось выпить. Васька стал вспоминать молитвы, которые он сам же и говорил другим читать от пьянства. Очень болело в груди. Василий расстегнул ворот рубашки.

— Душно как, нестерпимо душно...

Это оказались его последние слова.

Когда Варвара через некоторое время подошла к избе, то увидела на завалинке Василия, чуть откинувшегося назад.

— Пьяный уже!.. — Варвара не скрывала досады, но когда, подойдя к нему, поняла, что Василий мертвый, заголосила.

На похороны пришло всё село.

— Хоть и стервец он, Васька, был в последнее время, а всё равно в памяти моей он добром останется. Помог мне и не раз.

— И мне тоже.

— И мне...

— А кому он не помог-то? Почитай всем...

На могильном кресте написали: «Васенька. Ясновидец».

Славянские тайны книги Еноха

КАК ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАХИ ДРЕВНЮЮ «ЕРЕСЬ» СОХРАНЯЛИ

Обращаясь к проблеме Русского чуда в различных его изводах, следует помнить о тектонических подоплеках этого во многом таинственного «процесса», корнящихся в самом основании «загадочной славянской души». Характерное свойство русского человека — обострённое переживание особой всеобщей связности, объёмлющей «небесное» и «земное», «этот» и «тот свет». Связности не отвлечённой, но в буквальном смысле созидающей ткань исторического процесса — оказывающей решительное влияние на жизнь отдельного человека и общества в целом. В этом метафизическом прорыве русская интуиция неожиданно, но провиденциально и осознанно соприкоснулась с традициями, казалось бы, давно минувших времён. Только так можно объяснить удивительное богатство апокрифической и псевдоэпиграфической славянской традиции, которое ставит в тупик многих историков и богословов.

Православные монахи скрупулёзно переписывали и сохраняли неканонические тексты и жития, в то время как в ветхозаветной традиции и отчасти на католическом Западе они уже были целенаправленно уничтожены. И ведь не просто сохраняли, но и распространяли через исторические и моральные компиляции призванные наставлять православных верующих сборники навроде Мерила Праведного, Четьи-Минеи, Палеи и т. п.

Наряду с сирийской славянская традиция по массиву переведённой и цитируемой литературы стоит на втором месте после эфиопской, сохранившей самый богатый и важный массив ветхозаветной псевдоэпиграфической литературы эпохи Второго Храма (516 год до н.э. — 70 год н.э.). Некоторые представления, зафиксированные в литературе того периода, легли впоследствии в основание богословского фундамента христианской традиции. Своё существование они

продолжили и в ветхозаветной традиции, но уже в качестве скрытого течения, которое придало мощный импульс развитию мистики *хехалот* и возникшей на её основании *Каббалы*. В этом свете славянские псевдоэпиграфы представляют особый интерес для изучения воспринятых христианством, но скрытых иудаизмом внутренних богословских традиций. При этом следует понимать, что в ряде случаев ветхозаветная традиция невольно выступила в качестве посредствующего звена между христианством и традициями куда более отдалённых эпох.

Особое место в ветхозаветной эзотерической традиции занимает представление об обитателях Земли, получивших специальное посвящение, а через него сакральное знание. Наследие это по большей части было удалено из письменных источников или, по крайней мере, изрядно завуалировано. Во многом именно благодаря славянским псевдоэпиграфам мы сегодня можем получить представление о содержании этой внутренней традиции.

ОТКРЫТИЕ КНИГИ ЕНОХА

В первых стихах 6-й главы Книги Бытия мы встречаем загадочные строки: «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт. 6, 1–2); «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди» (Быт. 6, 4). Содержание этих скупых библейских строк раскрывает и комментирует древняя апокалиптическая традиция, связанная с именем допотопного патриарха Еноха. Традиция эта вышла из древней Месопотамии, была впоследствии принята ветхозаветным Израилем и сохранилась до наших дней во многом благодаря усилиям восточно-христианской церкви.

Именно славянский мир стал органичным восприемником и хранителем одной из её ветвей.

В настоящий момент ядро енохической традиции составляют Первая книга Еноха (Эфиопская книга Еноха), Вторая книга Еноха (Славянская книга Еноха, или Книга Тайн Еноха) и Третья книга Еноха (Еврейская книга Еноха, или Книга небесных Дворцов). В них повествуется о древнейшем предпотопном периоде истории человечества от лица его очевидца и непосредственного участника — патриарха Еноха, прадеда пережившего Великий потоп Ноя.

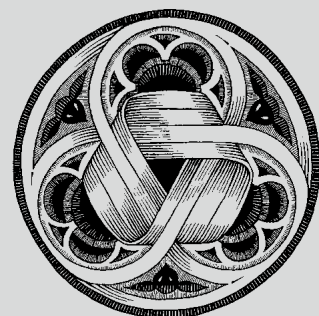
Имя Еноха было почитаемо у самых разных народов с первых веков нашей эры до начала Нового времени. Книга Еноха упоминается в Послании апостола Иуды, ссылки на неё встречаются в сочинениях Иринея Лионского, Тертуллиана, Климента Александрийского и Оригена. Несмотря на подобную популярность, полный текст Книги Еноха был неизвестен вплоть до XVII века. В 1773 году английский путешественник и исследователь Джеймс Брюс привез из Абиссинии в Европу три рукописи, содержавшие полный вариант Книги Еноха на эфиопском языке. Эфиопская православная церковь и по сей день сохраняет её в составе своей Библии. Начиная со второй половины 40-х годов XX века фрагменты Первой книги Еноха на арамейском и древнееврейском языках были обнаружены в пещерах Кумрана, древней крепости Масаде и других районах Иудейской пустыни. Вторая книга Еноха сохранилась исключительно на славянском языке, так что полностью на еврейском языке до нас дошла только Третья книга Еноха.

Первое упоминание о славянском варианте Книги Еноха встречается в 1859 году в Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки А.В. Горского и К.И. Невоструева. В составе одной из рукописей авторы обнаружили фрагмент, не имеющий соответствий в известном на тот момент эфиопском изводе. В 1880 году А.И. Поповым был опубликован полный текст Книги о Тайнах Еноховых по рукописи 1679 года, написанной в Полтаве и хранившейся в библиотеке А.И. Хлудова. В 1884 году сербский учёный Стоян Новакович сделал достоянием общественности найденный им новый более краткий список Книги Еноха. Особая заслуга в разыскании, исследовании и публикации славянских списков Книги Еноха принадлежит М.И. Соколову. В 1899 году он подготовил издание двух редакций славянского текста — краткой и пространной, с учётом новых обнаруженных им списков.

МИРНЫЙ АТОМ

Работы по практическому использованию атомной энергии в мирных целях были начаты в СССР в 1948 году, до испытания первой советской ядерной бомбы. Генеральным направлением стала электроэнергетика. Уже 27 июня 1954 года в городе Обнинске Калужской области была запущена первая в мире промышленная атомная электростанция. В 1959 году был спущен на воду ледокол «Ленин» — первое в мире надводное судно с ядерной силовой установкой. Атомный ледокол «Арктика», спущенный на воду в 1972 году, стал первым в мире судном, достигшим географической точки Северного полюса в надводном положении. Россия является единственной в мире страной, обладающей флотом ледоколов с ядерной силовой установкой: все 10 существующих в мире атомных ледоколов были спроектированы в СССР и России. Ещё одним направлением мирного использования атомной энергии в СССР были ядерные взрывы в народно-хозяйственных целях. С 1965 по 1988 год в рамках секретной «Программы № 7» было проведено 124 подземных ядерных взрыва. В настоящее время в России реализуется уникальный проект по созданию мобильных плавучих атомных электростанций малой мощности.

По сию пору не установлено как происхождение славянского перевода Книги Еноха, так и его оригинала. Согласно одной версии, перевод осуществили с греческого языка в Македонии или Паннонии. В соответствии с другим предположением он был сделан в Киевской Руси непосредственно с древнееврейского языка. В пользу второго варианта свидетельствует сравнительный анализ, произведённый первым издателем и исследователем еврейской версии Книги Х. Одебергом. Он же пришёл к заключению, что Славянская книга Еноха восходит к более ранней традиции, чем Еврейская книга Еноха.

Хотя эфиопская, славянская и еврейская версии Книги различаются по своему содержанию, современные исследователи не сомневаются, что они восходят к общему первоисточнику. В этой связи специалисты указывают на очевидные параллели между образом Еноха и фигурами двух легендарных царей шумеро-аккадской традиции — Утнапиштимом и Энмендуранки.

ХРАНИТЕЛИ НЕБЕСНЫХ ТАЙН

Согласно Ниппурскому царскому списку, до Великого потопа в Шумере на протяжении 277 200 лет правили 9 царей в пяти поочередно сменявшихся городах-государствах. Последний девятый царь Утнапиштим, в течение 36 000 лет возглавлявший пятый город-государство Шуруппак, подобно Еноху при жизни был вознесён на небо. Однако в большей степени образу ветхозаветного патриарха соответствует «хранитель тайн великих богов» седьмой допотопный царь Энмендуранки, 21 000 лет правивший четвёртым городом-государством Сиппаром. Так же как и седьмой от Адама патриарх Енох, шумерский царь при жизни был восхищён на небеса и даже допущен в «небесный совет». Там ему были открыты тайны, благодаря чему по возвращении на землю Энмендуранки создал таблицы «небесных явлений» и приёмы прорицания прошлого, настоящего и будущего.

Одна из фундаментальных обязанностей Энмендуранки-Еноха заключалась не только в приобщении к небесному знанию, которое включало в себя комплекс астрономических, метеорологических, календарных и эсхатологических сведений, но и в передаче его остальному человечеству. Большое значение для понимания характера и природы этой передачи имеет сюжет, в контексте которого она происходит на страницах Книги Еноха.

В Эфиопской книге Еноха рассказывается о падении «сынов Божиих», называемых

«стражами» или «наблюдателями», описанном в Книге Бытия. Согласно Книге Юбилеев, «стражи» были первоначально отправлены на землю с тем, чтобы наставлять людей в должном образе поведения. Впоследствии они «осквернились с дочерьми человеческими, и взяли себе жен, и поступили как сыны земли, и родили сынов-исполинов». Последние, повзрослев, стали пожирать «произведения тяжкого труда всех сынов человеческих», так что люди стали не в состоянии прокормиться. Дальше — больше: «исполины замыслили уничтожить людей и пожрать их. И они начали грешить и против всех птиц и зверей земных, и пресмыкающихся, ползающих по земле, и животных, обитающих в воде и в небесах, и рыб морских, и пожирать плоть друг друга, и пить кровь».

Однако главная вина «стражей» состояла в том, что они стали открывать своим жёнам недозволенные тайны, хранящиеся на небесах, «с тем чтобы наиболее сведущие из сынов человеческих смогли применять их на практике». Благодаря знаниям, полученным от «стражей», их потомки от «дочерей человеческих» получили колоссальную власть над природой. В частности, они умели «охватывать небесный свод, способствуя низведению дождей».

В Эфиопской книге Еноха допотопный патриарх выступает в качестве посредника между «стражами» и Господом. Однако его попытка вступить за «падших ангелов» не имеет успеха — они не могут возвратиться обратно на небеса, а часть из них приговаривается Господом к заключению «под холмами земли». Прочим «живущим на тверди» уготован конец в водах потопа, так как они «знают все тайны ангелов, и всю власть дьяволов, и всю их сокровенную силу, и всю силу тех, которые совершают волшебства, и силу заклинаний, и силу тех, которые льют для всей земли изображения идолов; и хорошо также знают, как серебро производится из праха земли, и как жидкий металл образуется на земле».

В качестве антиязычества растлившемуся «недолжным» знанием человечеству Еноха берут в обучение ангелы, предварительно восхитив его на небеса в физическом теле. В славянском и еврейском изводах Книги Еноха с особой ясностью подчёркивается, что речь идёт о буквальном телесном вознесении патриарха. Возвратив Еноха обратно на землю, ангелы предупреждают его: «На один год мы оставим тебя при твоих детях — пока ты не укрепилшься снова, — чтобы ты научил своих детей, и записал им это, и засвидетельствовал им, всем твоим детям, и на другой год ты будешь взят из среды их».

И. Н. Шуршаков: «Райские птицы». Холст, масло. 2011

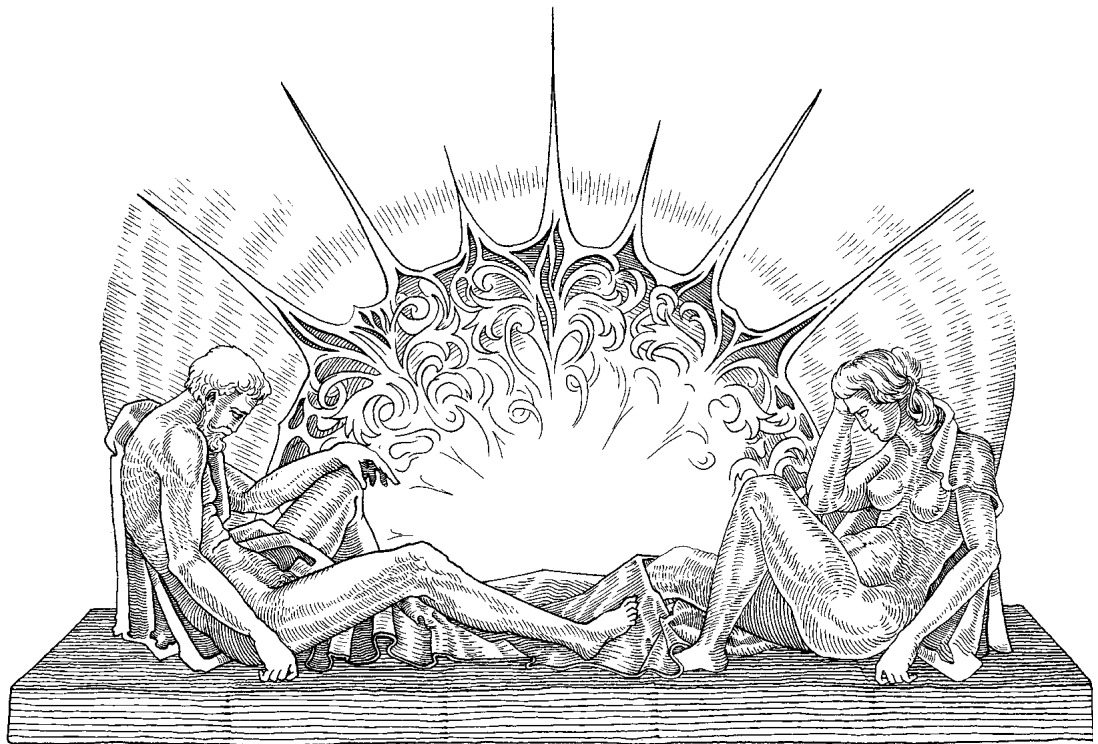
Далее Енох обращается к своему сыну Мафусаилу со следующими словами: «сохрани же писания руки твоего отца и передай их грядущим родам. Мудрость я дал тебе и твоим детям, и тем твоим детям, которые ещё придут, чтобы они передали её своим детям и грядущим родам до вечности, — именно эту мудрость, превышающую их мысли. И разумеющие ее не будут спать».

Речь идёт о зарождении особой традиции, основанной на знании, переданном Еноху ангелами, которая не должна прерываться на протяжении всей последующей истории человечества, включая и текущий «последопотопный» период.

В положенный срок ангелы повторно и теперь уже окончательно возносят патриарха на небеса. Пребывая на «небесной высоте», он призван свидетельствовать против поколения Потопа: «для всех, кто придёт в мир, чтобы они не могли сказать: “Милосердный — жесток!”».

О СОЧЕЛОВЕЧНОСТИ АНГЕЛОВ

Помимо Еноха благополучно переждать предстоящие воды Потопа на небесах предстояло еще одному, пожалуй, наиболее загадочному персонажу славянской Книги — сыну Софонимы, жены священника Нира. Судя по контексту, этот необычный ребенок был зачат от одного из «небесных существ», пребывавших в то время на Земле. Согласно повествованию, Софонима была бесплодна, да и сам Нир «не спал с нею с того дня, как поставил его Господь служить перед лицом людей». Более того, этот чудесный ребенок родился уже после смерти своей матери: «И вошли Ной и Нир, чтобы похоронить Софониму, и увидели отрока, сидящего около мёртвой, и одежды были на нём. И ужаснулись Ной и Нир весьма, ибо был отрок совершен телом, говорил устами своими и благословлял Господа. И смотрели на него Ной и Нир внима-

Дмитрий Воронцов: Из коллекции «Гримуар». Рисунок пером. 2007

тельно, и сказал Нир: «Это от Господа, брат мой. И вот печать священства на груди его, и славен видом». В ночном видении Господь сообщает Ниру, что чудо-ребенок, наречённый Мелхиседеком, будет взят Архангелом Михаилом в Рай Едема, а после Потопа станет «Священником для всех святых священников, и Он освятит его и утвердит его главой священников будущего, или вовек». Господь обратит его «в великий род, который благословляет Его». В ветхозаветной традиции Мелхиседек известен как первый послепотопный «священник Бога Всевышнего» и царь города Салима, существовавшего некогда на месте нынешнего Иерусалима. Именно Мелхиседек хлебом и вином благословил родоначальника еврейского народа — Авраама.

Указание на происхождение от «небесных существ» самого прародителя нынешнего человечества Ноя содержится в Эфиопской книге Еноха: «Тело его было бело, как снег, и красно, как роза, и его волосы, головные и темянные, были, как волна, и его глаза были прекрасны; и когда он открыл свои глаза, то они осветили весь дом подобно солнцу, так что весь дом сделался необычайно светлым. И как только он был взят из руки повивальной бабки, то открыл свои уста и начал говорить к Господу правды». Показательна реакция отца Ноя Ламеха, который настолько устранился необычной внешности ребенка, что обратился к своему отцу Мафусаилу со следующими

словами: «Я родил необыкновенного сына; он не как человек, а похож на детей небесных ангелов, ибо он родился иначе, нежели мы: его глаза подобны лучам солнца и его лицо блестящее. И мне кажется, что он происходит не от меня, а от ангелов; и я боюсь, как бы в его дни не произошло на Земле чудо. И теперь, мой отец, я здесь с неотступною просьбою к тебе о том, чтобы ты отправился к нашему отцу Еноху и выведал от него истину, ибо он имеет своё жилище возле ангелов».

Ещё один принципиально важный момент заключается в антропоморфном характере изображения Бога и других небесных существ в енохической традиции. О сугубой близости ангельской и человеческой природы наглядно свидетельствует сама история грехопадения «стражей», которые не только взяли себе человеческих жён, но и сумели произвести на свет жизнеспособное потомство. Следует подчеркнуть, что антропоморфная образность не была изобретением ветхозаветной священнической традиции, но происходила из унаследованных ещё до Вавилонского пленения месопотамских представлений о божественных явлениях в конкретных телесных образах.

Тема сочеловечности ангелов обнаруживается и в одной из наиболее загадочных книг Нового Завета — Откровении святого Иоанна Богослова, проливающим свет на ангелочеловеческий характер всего исторического процесса.

В поражающем своей вещественностью и детальностью описании сходящего с небес града Иерусалима мы находим: «И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела» (Откр. 21, 17).

Толкователи обычно не без недоумения проходят мимо этого фрагмента, однако он имеет принципиальное значение. Это, казалось бы, «попутное» замечание, относящееся к общей «мере» человека и ангела, устанавливает конгруэнтность человеческой и ангельской природы. Ангелы в Откровении Иоанна Богослова наряду с человеком являются деятелями истории и её непосредственными соучастниками. Другими словами, ангелы и люди живут общей жизнью, но мера этой общности сокрыта от глаз современного человечества. Та же самая мысль, только в более развёрнутом виде, звучит в Книгах Еноха.

Наряду с этим Откровение Иоанна Богослова содержит важнейшее свидетельство о действительном участии в делах земной жизни и человеческой истории «загробного мира» в лице избранных, посредством молитвы и словословия помогающих устройению земного Царства Агнца. В частности, речь идёт о 144 000 избранных, сопровождавших Агнца в Его явлении на горе Сион.

Чудесным образом обе эти древнейшие традиции, одна из которых вышла из глубин древней Месопотамии, были органично восприняты славянским миром и нашли в нём живейший отклик.

В славянском варианте Книги Еноха особо подчёркивается, что со временем знания, полученные допотопным патриархом, обретут новое значение: «И оставлю мужа праведного из племени твоего, со всем домом его, который делал всё по воле моей. И от семени их поднимется род последний, многочисленный и не пресыщенный. И когда взойдёт род тот, явятся книги, написанные тобой и твоими отцами, поскольку стражи земные покажут их мужам верным, и будут те книги рассказаны роду тому и будут почитаемы впоследствии более чем в первый раз». Более лаконично тот же самый мотив звучит в Эфиопской книге Еноха: «от них (ангелов) я слышал всё, и уразумел, что видел, но не для этого рода, а для родов отдалённых, которые явятся».

Древнее пророчество сбывается на наших глазах во многом благодаря славянской псевдоэпиграфической традиции. И это, без всякого сомнения, можно назвать одним из Русских Чудес нашей эпохи.

УЧЕНИЕ О МИРОВЫХ ЦЕНТРАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ

В 1926–1939 годах советским генетиком, ботаником и географом **Николаем Ивановичем Вавиловым** (1887–1943) было создано учение о первичных географических центрах происхождения культурных растений. В его основе лежат данные о том, что наибольшее разнообразие форм того или иного вида сосредоточено в районах его исторического происхождения. Вавилов определил 7 главных центров: Южноазиатский тропический, Восточноазиатский, Юго-Западноазиатский, Средиземноморский, Абиссинский (Эфиопский), Центральноамериканский и Южноамериканский (Андийский). Он установил, что основные географические центры начального введения в культуру большинства возделываемых растений связаны не только с областями, отличающимися богатой флорой, но и с очагами древнейших цивилизаций — местами их первичного возникновения. Также Вавиловым были локализованы вторичные центры, связанные с последующими периодами культуры земледелия. Центры происхождения культурных растений стали впоследствии источником ценного исходного материала для селекции новых сортов растений.

/ Татьяна ФАДЕЕВА /

«Странствующее царство»

Княжество Феодоро и русско-крымские связи в XIV–XV веках

История средневекового княжества Феодоро, сложившегося в Юго-Западном горном Крыму в XIV–XV веках, известна фрагментарно. Однако его краткое существование отмечено особенно яркими страницами. Первым на территории нашего отечества оно избрало в качестве эмблемы двуглавого орла; было активным участником антиосманской коалиции причерноморских государств; гордилось родством с Палеологами; пережило на 23 года падение Константинополя, подхватив эстафету «переноса империи». Одноимённая столица княжества на горе Мангуп, воспетая в поэме XIV столетия, по природному и рукотворному величию сравнивается с самим Константинополем. Этот **последний островок византийской цивилизации** явил беспримерную стойкость и мужество, выдержав почти полугодовую осаду турецкого войска, и пал в 1475 году. Преемственность с Византией как «странствующим царством» прослеживается в геральдике и генеалогии, существенно дополняющей краткие сообщения в турецких, генуэзских и русских источниках. Несмотря на скудость фактов и артефактов, просматривается стремление его диаспоры довести эту идею до Московского княжества («Москва — Третий Рим»).

Появление княжества и его активная роль в противостоянии новым претендентам на Крымское поморье представляется вполне правомерными, если рассмотреть его на фоне ожесточённой конкурентной борьбы республик Венеции и Генуи за отрезок Великого шёлкового пути, переместившийся в XIII–XV веках на побережье Таврики.

Пограничное и стратегически важное побережье Таврики традиционно находилось под юрисдикцией центральной власти Византии, однако её позиции неуклонно слабели. Борьба за контроль над потоком товаров на пути Север — Юг, на Великом шёлковом пути, часть которого проходила вдоль Крымского поморья, привела сюда энергичных соперников в лице торговых городов-республик — Генуи и Венеции. Обе в конце XII века заключают торговые договоры с византийской администрацией и становятся хозяевами морской торговли на Чёрном море. Греки вынуждены вступить в отчаянную борьбу за сохранение прежних своих позиций на побережье. Княжество Феодоро «по замыслу его князей, — утверждает Малицкий, — должно было занять место в системе торгово-экономических и политических отношений Крыма не подчиненное, а одно из главных и основных»¹.

Во время четвёртого крестового похода в 1204 году рыцари разгромили православный Константинополь, столицу Византийской империи. После этого монопольное право торговли и колонизации в Причерноморье получила союзница крестоносцев Венеция. В Крыму появляются венецианские фактории и крепости. Вскоре крупнейшей из них становится Сугдея — Солдайя. Венецианцы владели городом полтора столетия. Это было время невиданного расцвета Сугдеи, ставшей связующим звеном между русским Севером, азиатским Востоком и византийским Средиземноморьем².

Купеческая республика Генуя была неприимым врагом и конкурентом Венеции. В 1261 году за поддержку Михаила Палеолога,

¹ Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 11.

² В 1206 году там появляется знаменитый Марко Поло и его родственники, причём дядя Марко имел в Солдае свой дом.

отвоевавшего у латинян Константинополь, генуэзцы получили фактически монопольное право торговли в Чёрном море. В свою очередь, Венеция в 1265 году заключила с Византией мир и снова получила доступ в Черноморье, где в Солдае находился её консул.

К концу XIII века генуэзцы прочно обосновались в Каффе, которая со временем становится центром генуэзской торговли на Чёрном море и резиденцией генуэзского консула. Стремление Генуи поставить под свой контроль всю торговлю империи было не только направлено против венецианцев, но и вело к вытеснению торгового флота самих византийцев. В ожесточённой войне между Генуей и Венецией (1350–1355 годы) сторону Венеции приняли византийцы. В 1352 году близ берегов Босфора произошло решающее сражение. Союзный флот Венеции, Византии и Арагона потерпел сокрушительное поражение со стороны генуэзцев. Византия утратила возможность проводить независимую политику в области морской торговли.

Новое соотношение сил напрямую отразилось на побережье Таврики. В июне 1365 года генуэзцы внезапно напали на Сугдею, взяли её приступом и захватили 18 селений в округе³. Во второй половине XIV века они утвердились на Крымском побережье от Чембало (Балаклавы) до Каффы, а затем и на берегах Керченского пролива. Чтобы поддержать Каффу экономически и подорвать торговлю Сугдеи, генуэзцы специальным указом, под угрозой штрафа, запрещают купеческим судам заходить в её гавань и направляют их в Каффу. Солдай в конце XIV — начале XV веков утрачивает своё торговое значение.

Захват Сугдеи — Солдаи и побережья генуэзцами, изгоняющими оттуда своих соперников-венецианцев, а заодно их союзников — греков-феодоритов, возвышение Каффы имели два важных последствия. Первое — вытеснение и отъезд ветви правителей, связанных с Великими Комнинами Трапезунда — Гаврами — Ховрами. Речь идёт об отъезде из крымских уделов — «вотчины из Судака, да из Каффы, да из Мангупа» — князя Стефана Ховры с сыном Григорием в Москву. Второе следствие — решимость оставшейся ветви Гавров во главе с князем (ауфентом) Алексеем вступить в борь-

бу за возвращение побережья под законную юрисдикцию Феодоро как правопреемника Византии. Важным аргументом легитимации власти были династические браки и геральдика. Сообразно нравам того времени только император ромеев и его законное потомство имели право на употребление эмблемы двуглавого орла. И «внезапное» появление двуглавца в начале XV века на плитах с надписью Алексея, именовавшего себя *αυθέντου πόλεως Θεοδώρου και παραθαλασσίας* (владелец (ауфент) города Феодоро и Поморья)⁴, означало реальный союз с представителями фамилии Палеологов, скорее всего — брачный союз с Палеологиней. Это также означало, что Таврида по-прежнему, пусть в ожесточённом противостоянии генуэзцам, оставалась «царским уделом». Назначение этого удела в наследство Константину императором Мануилом Палеологом (1391–1425 годы) подтверждает статус заморских земель как наследия членов императорской семьи.

В «Бархатной книге» — составленной в 1687 году родословной знатных русских семей — сообщается об их приезде при Василии Дмитриевиче, в других её версиях — при его отце Дмитрие Донском (1363–1389 годы). Приездов было несколько⁵, и, вероятно, они были связаны с сокращением владений Феодоро. Московия была весьма заинтересована в торговом пути Север — Юг, и экспансия генуэзцев, захват центра транзитной торговли Сурожа (1365 год), по имени которого и звали купцов-сурожан, его упадок и возвышение Каффы не могли не беспокоить московских князей. Об этом говорит участие в Куликовской битве купцов-сурожан, причём один среди них назван по имени Косьма Ховра (Ковря). Видимо, это был представитель правящего дома Феодоро, носитель той же фамилии, что и окончательно обосновавшийся в Московии Стефан Ховра-Гаврас и сын его Григорий.

На связи Стефана Васильевича в Крыму, Москве и Суздале проливает свет упоминание в летописи его сестры — Анны Васильевны, княгини, супруги князя Суздальского Константина Васильевича, бабушки Евдокии, супруги Дмитрия Донского.

В «Редакции родословной Головиных Н. Ф. Иконникова» содержится следующее со-

³ Лаконичная заметка об этом событии находится в греческом рукописном Евангелии, в котором сообщается, что в 1365 году «взяли высоты Сугдеи кафинцы».

⁴ См.: Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2011. С. 75–76.

⁵ Байер Х.Ф. Указ соч., с. 180.

общение: «Анна Васильевна, отмеченная в летописях («Полное собрание русских летописей», IV, 350; VI, 104; VIII, 53) в 1391 году как дочь Мангупского князя Василия и сестра Стефана Васильевича; скончалась около 1381 года. Замужем за удельным Суздальским князем Константином Васильевичем, Нижегородским (Рюрикович), умер в 1355 году. Родство по матери супруги великого князя Дмитрия Донского объясняет причину возвышения Головиных в Москве»⁶.

Современные исследователи отмечают, что потомки князя Стефана Ховра не имели княжеского титула, но зато имели почетную должность казначея и боярина великого князя. И. Е. Забелин отметил по этому поводу, что они явились не с дружиной, а с богатством, нажитым благодаря участию в торговых операциях, в которых лично не участвовали. В. Е. Сыроечковский отмечал, что «близость купца и патриция-феодала» характерна «для итальянских торговых городов позднего Средневековья», что распространялось и на крымские города. «Не будучи купцами в собственном смысле этого слова, — продолжает исследователь, — городские патриции ссужали торговцев деньгами или товарами, предоставляли им корабли. Предоставляя другим торговые странствия и хлопоты, они лишь участвовали как в риске, так и в барышах»⁷. Занимаясь строительной деятельностью, они «сами являлись заказчиками каменных храмов в Симоновом монастыре (Спаса Преображения) и Кремле (Крестовоздвижения и Введения), вкладывая в их строительство немалые деньги».

Внук Стефана Ховры, гость и боярин Владимир Григорьевич Ховрин, прославился как строитель каменных храмов в Кремле. Он ставит каменную церковь Крестовоздвиженья на своем дворе в Кремле, руководит строительством Успенского собора, очевидно, по поручению Ивана III и митрополита Филиппа. Большое строительство ведет он и в Симоновом монастыре, где «поставил церковь кирпичную Преображение Спасово» и «собор архистратига Михаила да Николы Чюдотворца с колокольницею»⁸. В Кремле

его двор и дворы его сыновей Ивана и Дмитрия располагались неподалеку от Фроловских (Спасских) ворот напротив Чудова монастыря. Сын Владимира Иван был крестником великого князя и получил от него прозвище «Голова», от которого и пошли Головины. Иван, как и брат его Дмитрий, продолжали заниматься строительством. Наконец, сохранился родословец Ховриных — Головиных, в котором поименованы не только сыновья, но и дочери, выданные замуж в знатные боярские семьи — Шуйских, Патрикеевых, Морозовых. Потомство одной из них, Варвары Ховриной, следует отметить особо: выданная замуж за Никиту Романова, она стала матерью Федора Никитича, впоследствии патриарха Филарета, и бабушкой Михаила Романова — первого царя династии Романовых.

Название Феодоро появляется в XIV веке в качестве обозначения государственного образования с крепостью-столицей на горе Мангуп, имевшего во главе независимого владетеля — ауфента, согласно надписи *αυθέντου πόλεως Θεοδώρου και παραθαλασσίας* (владелец (ауфент) города Феодоро и Поморья). В генуэзских документах его величали «господин», в русских — князь. Установлены имена трёх князей, княживших во второй половине XIV века на Мангупе: Димитрий, Василий и его сын Стефан (Степан Васильевич Ховра, окончивший свои дни в России). У Стефана было два сына — Григорий, сопровождавший отца в Москву, и Алексей, оставшийся в Таврике и водворившийся на Мангупе.

Там с первых лет XV века начинается эпоха князя Алексея. И хотя, согласно семейному преданию, он назван сыном уехавшего в Москву князя Стефана Васильевича, его родовое имя отныне не употребляется⁹. Нам важно подчеркнуть, что Алексей первым выступил как глава независимого государственного образования, а в подобных случаях суверен, как правило, отказывается от употребления фамилии (которую все и так отлично знают). Его деятельность хорошо известна по многим генуэзским документам и эпиграфическим памятникам¹⁰.

⁶ Шаховской Д. М. Редакция родословной Головиных Н. Ф. Иконникова // Род дворян Головиных в контексте российской истории. Сб. статей. М., 2003. С. 160.

⁷ Сыроечковский В. Е. Гости-сужожане. М., Л., 1935. С. 28.

⁸ Сыроечковский В. Е. Указ соч. С. 13.

⁹ Мыц В. Л. Каффа и Феодоро, 2008. С. 152. О высказанных в связи с этим сомнениях мы подробно писали в нашей книге. Т. М. Фадеева, А. К. Шапошников. Княжество Феодоро и его князья. 2-е изд. Симферополь, 2011.

¹⁰ Якобсон А. Л. Дворец // МИА. № 34. 1953. С. 419. Правление его началось, видимо, в самом начале XV столетия; об этом можно судить на основании фрагментов беломраморной плиты с рельефным аканфовым узором и датой — 1403 год. Латышев, разобравший надпись, сделал следующее существенное наблюдение: по характеру букв и всем внешним признакам техники надпись очень сходна с известными надписями 1425 и 1427 годов, о которых речь ниже.

О значительном укреплении позиций Алексея свидетельствует обмен послами с Каффой; мангупский князь рассчитывал также на поддержку крымского хана Хаджи-Гирея, в то время сюзерена и друга Алексея и противника Каффы. Во 2-й половине XIV века территория княжества включала Юго-Западный горный Крым и Южный берег от Ласпи до Алушты (Поморье). Неудивительно, что Алексей претендовал на прибрежные территории, уступленные за плату татарским ханом генуэзцам по договору 1380 года, в особенности на Чембало — город с удобной гаванью, захваченный генуэзцами у греков ещё в середине XIV века.

В 1422 году между Феодоро и генуэзцами начались военные действия, длившиеся три года. Чембало был взят штурмом, но генуэзцы отбили крепость. Тогда феодориты, используя в качестве баз восстановленные укрепления предгорий, отправились вдоль побережья, захватывая приморские города и местечки: Алустон, Горзувиты, Партенит и другие. Судя по всему, они по несколько раз переходили из рук в руки; по-настоящему феодоритам удалось закрепиться только в Инкермане, где на месте старого византийского укрепления была возведена крепость Каламита. Другим итогом войны было возвращение под юрисдикцию готского митрополита области Кинсанус — прибрежной полосы от Гурзуфа до Алушты. В 1424 году мир был заключён, однако отношения оставались напряжёнными, и князь Алексей, не добившись выхода к морю через Чембало, сосредоточил внимание на строительстве крепости Каламиты (Инкерман). Под её защитой находился морской порт Авлита, ставший конкурентом соседнего Чембало (Балаклавы). С 1427 года Каламита становится единственным портом княжества, через который поддерживались связи и осуществлялась торговля с Трапезундом, Синопом, Венецией, Молдавией и т.д.

Князь Алексей не оставлял надежд вернуть Чембало (Балаклаву); весной 1433 года из Феодоро в Чембало был послан военный отряд. При поддержке горожан генуэзцы были изгнаны и крепость перешла в руки феодоритов. Сенат Генуи снарядил карательную экспедицию из 20 галер с шестью тысячами войска под начальством известного полководца Карла Ломеллино. После осады крепости и обстрела её из пушек она была взята. Среди осаждённых находился сын князя Алексея. Полагают, что в ходе войны 1433–1434 годов (или позднее) погиб Алексей-младший.

ПОЛУПРОВОДНИКОВАЯ ЭЛЕКТРОНИКА

В 20-е годы прошлого века физик-изобретатель, сотрудник Нижегородской лаборатории **Олег Владимирович Лосев** (1903–1942) создал первые в мире усилитель и генератор электрических сигналов, а также разработал и изготовил практические приёмно-передающие устройства на полупроводниках. При помощи кристадина — разновидности кристаллического детектора — Лосев продемонстрировал усиление и генерацию разночастотных колебаний. Американский журнал «Radio News» в 1924 году назвал его радиоизобретение «революционным» и «сенсационным». Благодаря Лосеву у СССР появился реальный шанс создать полупроводниковые технологии намного раньше, чем в США. Пионер в области оптоэлектроники, Лосев создал и всесторонне исследовал первый в мире светодиод. Несмотря на то что выдающийся физик приобрёл мировую известность в возрасте 20 лет, самая высокая научная должность, которую он занимал, — старший лаборант. Открытия нашего соотечественника слишком опередили своё время и к началу эры бурного развития полупроводниковой электроники были совершенно забыты.

В Синодике Головиных имеется запись: «Помяни... князя Стефана, который стал монахом под именем Симон, и его детей: Григория и Алексея, что погиб в Балаклав»¹¹.

Генуэзские галеры направились к Каламите (Инкерман), взяли город, уже покинутый жителями, и сожгли его. Затем они двинулись вдоль южного побережья на восток, грабя поселения, разрушая крепости местных феодалов, приводя их к повиновению Генуе. Тем временем союзник Алексея мангупского крымский хан Хаджи-Гирей подошёл к Каффе и, уловив удобный момент, молниеносным ударом наголову разбил потерявшую бдительность армию наёмников. Ломеллино с остатками войска бежал в Каффу, так что его победа над феодоритами была сведена на нет. По мере роста турецкой угрозы генуэзцы всё более склонялись к тому, чтобы рассматривать феодоритов как ценного и, пожалуй, наиболее важного союзника.

Реконструкция хронологической последовательности правления государей Феодоро и Готии пока возможна лишь гипотетически. Для восстановления генеалогии мангупского правящего дома материала сегодня явно недостаточно. Но, что более важно, самопредставление феодоритов о себе, своём долге и назначении, идеи «странствующего царства» во многом дополняются геральдическим материалом — монограммами и эмблемами. Это царство не могло, не должно было погибнуть; образно говоря, на место павшего воина вставал другой. Преемственность выражалась в родстве и в принятии символических эмблем или знаков власти.

С конца 50-х годов в качестве главы княжества в документах упоминается «Олубей (расшифровано его христианское имя — Мануил, или Манолис-бей) и его братья». Наконец только в 1465 году в документе назван «князь Саик», то есть Исаак. Именно он княжил до конца 1474-го — начала 1475 года. В 1459 году князь мангупский Олубей восстанавливает крепость Фуна близ Алушты и передаёт её вместе с округом Кинсанус своему сыну, соправителю и наследнику Александру. Найденная здесь плита с греческой надписью содержит монограммы

владельцев княжества — предположительно, слева направо идёт монограмма князя Алексея, в центре — правящего князя Олубея (или Мануила), в конце — монограмма Александра как владельца крепости и наследника Феодоро. На двух щитах по краям плиты справа изображён двуглавый орел в его мангупской версии — с соединяющей две главы орла сердцевидной фигурой. Знаменательно появление корон на головах орла (уже пал Константинополь!). На щите слева изображён крест в круге с надписями в четырёх отделениях IC XC e NI KA (побеждай). Этот знак отсутствовал в геральдике Алексея старшего; вместе с тем в поздней Византии он чаще употребляется на правах печати или герба. Появление такого изображения спустя шесть лет после падения Константинополя (1453 год) может рассматриваться как подчёркнутый символ духовной преемственности византийского наследия.

Укрепление династических связей княжеского дома, гордившегося родством с Комнинами и Палеологами, продолжалось. Дочь князя Олубея — Мария стала женой Стефана III Великого воеводы, господаря Молдавского, который оказывал упорное сопротивление турецкой экспансии. Брак с Марией, которую величали Асаной Палеологиней, давал Стефану Великому права на византийское наследство¹². Мария оставила свою подпись на двух артефактах. На Афоне осталась подаренная ею икона с надписью на серебряной пластине, гласящей, что это дар Марии Палеологини, господарьни Молдовлахии¹³. А в монастыре Путна хранится собственноручно вышитая ею погребальная пелена. На ней в фас представлен портрет княгини в парадном одеянии, или, по словам румынского историка Йорги, «наряде императрицы»¹⁴. По углам пелены изображены: дважды — двуглавый орёл, монограмма Палеологов и монограмма АСАН, то есть Асанина, указание на родственную связь Марии с родом болгарских царей Асеней¹⁵.

В свете этих рассуждений понятен смысл намерения Ивана III женить своего сына Ивана Молодого на феодоритской княжне: такой брак закреплял бы эти права и давал возможность

¹¹ Головин Н.Г. Несколько слов о роде греческих князей Комниных. М., 1854. С. 11.

¹² Tafraли O. Le tresor byzantin et roumain du Monastere de Poutna. Paris, 1925. P. 54.

¹³ Путеводитель по св. Афонской горе. Одесса, 1902. С. 106.

¹⁴ Iorga N. Byzance après Byzance. Bucarest. 1971. P. 20.

¹⁵ Род Палеологов — Асанов ведёт своё начало от болгарского царя Иоанна III Асеня и Ирины, дочери Михаила VIII Палеолога.

претендовать на ещё реально сохранявший независимость осколок византийского наследства.

...Летом 1475 года турки-османы при поддержке татар высадили войска на крымском побережье. Они осадили Каффу, которая сдавалась через несколько дней, взяли несколько прибрежных крепостей, а затем в начале июля подошли к Мангупу. Вооружённые огнестрельным оружием и снятыми с кораблей пушками, турки и татары пять раз ходили на приступ, потеряв множество солдат. Все ужасы осады, длившейся почти полгода, завершились захватом крепости в 1475 году в результате хитрости турок; они притворились, что отступают, выманив, таким образом за стены защитников крепости и ударив по ним из засады. Турки предали город страшному разграблению, истребив защитников и взяв в плен уцелевших жителей. Князя Исаак и Александр, дядя и племянник, были отправлены в Стамбул и там казнены. Оба они чтятся как святые. «Княжество Феодоро стало единственным государством «византийского мира», оказавшим достойное сопротивление превосходящим силам турок-османов»¹⁶.

Что давало им силы, какие духовные ценности и убеждения были для них превыше страха неминуемой гибели? Ведь сдаться тогда османам означало возможность сохранить жизнь, а оказывать сопротивление значило идти на верную смерть.

Для многих в Византии было очевидно, что империя медленно, но неуклонно приближалась к гибели. Многие византийские аристократы меняли мирскую славу на монашескую аскезу. Среди них распространялось учение исихазма — «священнобездельствующих». Размышляя о спасении империи, одни возлагали надежды на Запад. Так, к Риму обращались и последние императоры династии Палеологов. Другие, полагаясь на печальный опыт, не верили в помощь западного католического мира, ибо за него требовалось расплачиваться унией и отречением от православия. Пути спасения следовало искать среди единоверцев, и здесь взоры обращались на Русь. Путь из Руси в Константинополь проходил через территорию княжества Феодоро. И здесь ориентация на единоверцев, судя по всему, была преобладающей.

После падения Константинополя (1453 год) и захвата турками Трапезунда (1461 год) — по-

следнего византийского государства в Малой Азии, правители Феодоро принимают бремя «странствующего царства» на себя. В монограммах правителей появляется греческая буква β — традиционное сокращение слова «василевс» («басилеус»). В надписи из Фуны 1459 года на головах двуглавца появляется императорская корона, которая отсутствовала в более ранних вариантах феодоритских надписей. Последний правитель Феодоро Исаак (1465–1475 годы), очевидно, от титула «ауфент» переходит к титулу «автократор». Об этом свидетельствуют найденные при раскопках 1938 года две чаши с надписью Исаак Ауто (кра) ту, что исследователями прочитано как «автократор», самодержец, — титул, который могли носить только императоры. Принятие такого титула в то тревожное время менее всего можно объяснять честолюбивыми устремлениями. Верность идеям изначального, неискажённого православия, царства, ответственного за судьбы христианского мира, апокалиптические предчувствия «конца света» одушевляли последних феодоритов.

В Феодоро, последнее византийское государство, бежали монахи из монастырей Малой Азии и Балкан, а также светские лица, включая представителей последних императорских династий Комнинов и Палеологов. Многие из них оказались впоследствии в Московском княжестве. Среди духовных сокровищ угасающего византийского мира особое значение имел исихазм, христианское мистическое мировоззрение, вместе с древними духовными практиками составившее основу православного аскетизма. Это направление оказало определяющее влияние на политическую ситуацию Византии и Руси XIV века. Многие действия Иоанна VI Кантакузина (1341–1354 годы) и его соратников во внутренней и внешней политике связаны именно с исихазмом. Сознвая масштабы турецкой угрозы, они попытались «организовать антитурецкий союз православных государств», одну из главных ролей в котором должна была сыграть Московская Русь¹⁷. Благодаря Кантакузину в 1353 году Вселенским патриархом стал афонский монах-исихаст Филофей Коккин (1353–1354 и 1362–1376 годы). В свою очередь, видные русские исихасты — Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Нил Сорский и другие —

¹⁶ А.В. Васильев, М.Н. Автушенко. Загадка княжества Феодоро. Севастополь, 2006. С. 239.

¹⁷ Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Повесть о Митяе. Ленинград: «Наука», 1978. С. 16.

определяли судьбы Московского государства и создали идеологию формирования великорусской народности.

Важно подчеркнуть, что юго-западная часть Крыма, входившая в состав княжества Феодоро, была одним из главных центров распространения исихазма. Во второй половине XIV века кафедру митрополии Готии занимали преимущественно сторонники исихазма, а сама митрополия пользовалась особым покровительством патриарха-исихаста Филофея Коккина. В 1368 году он поручил управление церковью Херсона митрополиту Готии¹⁸, а также выступил категорически против расчленения Готской митрополии и изъятия из-под её юрисдикции районов Южного бережья, захваченных в 1365–1374 годах генуэзцами¹⁹. Этим он оказал важную церковно-дипломатическую помощь правителям Феодоро, которые на протяжении последующих десятилетий будут пытаться восстановить контроль над этими землями.

Только в районе феодоритской крепости Каламита (на скалах в верховьях Севастопольской гавани) в XIV–XV веках действовало до 28 пещерных монастырей и скитов, в которых функционировало около 30 только пещерных храмов²⁰. Причём большинство из них представляло собой не крупные общежительные монастыри, а пещерные лавры с маленькими часовнями, предназначенными для малочисленных собраний или одиночных молений, что указывает на их тесную связь с традициями исихастского отшельничества. Всё это позволяет утверждать, что в указанный период времени в Инкерманской долине находился развитый средневековый монашеский центр, подобный Афону, Олимпии, Метеоре, Вулканической долине²¹, и что большинство пещерных монастырей и малых лавр Крыма тесно связано с распространением практики и учения византийского исихазма²². Под-

тверждают это и свидетельства письменных источников. Так, противники Иоанна Кантакузина указывают на распространение его проихастских сочинений на окраинах «византийского мира»: в Трапезунде, Палестине, на Кипре и в Херсоне²³.

На протяжении XV века в Москву прибывали византийцы из захваченных турками регионов империи. К концу столетия здесь можно было встретить представителей знатных греческих фамилий — Палеологов — Ралей, Комнинов, Ласкарей, Гавров, Тарханиотов и других²⁴. В первой половине XVI века Москву посещали послы султана, носители титула «князей мангупских» — Кемал и Скиндер. Однако летописи называют их греками, отмечают тесные контакты с представителями греческой общины в Москве. Невозможно переоценить их влияние на духовную жизнь Московии. Они привозили с собой не только православные святыни, иконы и книги, но, главное, идеи, побуждавшие Русь к объединению, противостоянию татарам и Османской империи, надежды на восстановление «православного царства» на новой земле. В этой среде оформилась идея «Третьего Рима». «Озвучить» эту идею был избран Филофей, скромный монах Псковского монастыря. И хотя он особо подчеркивает своё «смиреномудрие», высказанные им идеи выдают хорошее знакомство с византийской мыслью ревнителей «благочестия». Они опирались на учение о вечном Ромейском царстве, куда Христос «вписался» (намёк на его рождение во время переписи в Римской империи), и тем самым оно должно пребывать до скончания века. Поэтому оно не может погибнуть с падением Константинополя. Такое уже случилось однажды: в 1204 году, когда крестоносцы захватили Великий город. Тогда византийская богословская мысль разработала идею «переноса империи» (*translatio imperii*). Империя из статичного государственного

¹⁸ Антонин. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. 6. Одесса, 1867.

¹⁹ Там же, с. 465.

²⁰ Бобровский Т.А., Чуева Е.Е. К вопросу о характере пещерных комплексов Инкерманской долины в юго — западном Крыму // Сугдейский сборник. Киев — Судак: «Академперіодика», 2005, вып. II. С. 12 — 25.

²¹ Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия. 1997. С. 29.

²² Могаричев Ю.М. Указ соч. С. 102.

²³ Прохоров Г.М. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367–1371 гг. // Византийский временник. Т. 29. 1968. С. 322.

²⁴ Скржинская Е.Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италии (к истории итало-русских связей в XV веке) // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 267–282.

образования превратилась в странствующее царство. Эту идею развивали в Трапезунде и других государственных образованиях византийского мира. Но сам термин «Третий Рим» впервые применяется в Болгарском царстве, чья столица Тырново получила такое название в середине XIV века. Согласно Филофею, главная причина падения царства греческого заключается в том, что его императоры изменили православияу принятием унии с Римом. Поэтому следует со смирением блюсти чистоту веры, ибо наступили последние времена, конец земного царства приближается.

Идея «Третьего Рима» на российской почве постепенно утрачивала свой эсхатологический характер. Покидая историческую сцену, византийская цивилизация сумела передать высокое духовное наследие. Оно зарядило народ, измотанный татарским гнѐтом и бессмысленными междоусобицами собственных князей, высокой идеей, «миссией», в свете которой те же страдания, лишения и непосильный труд обретали смысл. Идеи «странствующего царства», «Третьего Рима» дали импульс самоидентификации населения, что, в свою очередь, позволило ему стать государствообразующим народом. Они оказали огромное влияние на становление российского самосознания и дальнейшее развитие России.

«МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ»

Знаменитая пилотажная фигура, представляющая собой замкнутую петлю в вертикальной плоскости, иначе называемая «петлёй Нестерова». Впервые в мире была выполнена 27 августа (13 сентября) 1913 года на самолёте «Ньюпор-4» русским военным лѐтчиком, основоположником высшего пилотажа **Петром Николаевичем Нестеровым** (1887–1914). Своѐ название «мѐртвая петля» получила из-за того, что была рассчитана лишь теоретически, на бумаге, а на практике не выполнялась. Развороты на самолѐтах делали без крена. Заслуга Нестерова состояла в том, что он начал использовать подъѐмную силу крыла для манѐвра и в горизонтальной, и в вертикальной плоскостях. Лѐтчик был настолько уверен в своих расчѐтах, что перед выполнением «мѐртвой петли» даже не пристегнулся ремнями безопасности. Расчѐты оказались верны: в верхней точке петли, вопреки предостережениям скептиков, пилот не выпал из кабины, так как центробежная сила прижимала его к сиденью.

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Крым — это судьба

Романы Александра Проханова, написанные после «Чеченского блюза» и «Идущих в ночи», можно назвать «романами пятой империи». Их — от «Господина Гексогена» до «Времени золотого» — объединяет идея преодоления постсоветской исторической пропасти, идея созидания новой державы и поиск ее героя — национального лидера, вдохновителя.

Именно в этом контексте важно обратиться к новому прохановскому роману «Крым». Он, продолжая и развивая все основные категории философии автора: имперскость, непрерывность русской истории, русское мессианство, — в ряду постчеченских романов получился самым непредсказуемым. И непредсказуемость эта заключается, прежде всего, в образе главного героя, сюжете и композиции и названии романа.

ЛЕМЕХ

Герой романа «Крым» — Евгений Константинович Лемехов — вице-премьер, куратор оборонно-промышленного комплекса, как и все герои «романов пятой империи», выступает государственным, пассионарием, на которого ложится миссия восстановления отечества после великого катаклизма. Задача Лемехова — «разбудить народ, который лежит в хрустальном гробу, как спящая царевна», снять с родной земли отравленный, неплодородный слой почвы, добраться до живоносных исторических недр, потому он, «как лемех, стал вспарывать мертвелую, усыпанную камнями пустошь».

Но если герои «романов пятой империи» выступают и идейными, и деятельностными строителями отечества, то рядом с Лемеховым присутствует идеолог, определяющий вектор всех действий вице-преьера. Загадочный сотрудник одного из оборонных заводов Верхоустин — знаток русской истории и рус-

ской души, её потаенных кодов, заложенных в фольклорных песнях и пушкинской поэзии. Именно он внушает Лемехову мысль о его божественном предназначении: «Почувствуйте себя избранником Божьим, который спасёт Россию от великих бед, поведёт её к великому возрождению». Он рассказывает о тайной организации «Жёлудь», хранящей кристалл русской имперскости. Он убеждает главного героя в болезни президента и необходимости создания новой «Партии Победы», от которой, во избежание смуты, Лемехов будет выдвинут на пост главы государства. Так, Верхоустин, возникшая сначала в орбите Лемехова как помощник и советник, постепенно становится гипнотизером, волхвом, оборотнем, «кудесником — любимцем Богов», завладевшим сознанием и волей вице-преьера, и толкает его к карьерной и житейской пропасти.

Создавая подобную пару персонажей, которые одновременно оказываются протагонистами и антагонистами, Проханов намеренно раздваивает привычного имперского героя, чтобы в уста одного (Верхоустина) вложить имперскую теорию, философию имперского созидания, а в действиях другого (Лемехова) показать примеры конкретного имперостроительства, развёрнутого на современных заводах, примеры собирания имперских сил в единую гвардию.

Но соединение этих персонажей в некий монолит невозможно, и потому в первой части романа Верхоустин подводит Лемехова к трагической ошибке, а сам исчезает. Этим и определяется сюжетно-композиционная непредсказуемость романа.

ИМПЕРСКАЯ СИНУСОИДА

Сюжет и композиция романов «пятой империи» Проханова имеет, как правило, полупараболический характер. Герой и события в начале повествования находятся в нулевой

точке отсчёта. Но события произведения развиваются по нарастающей, когда герой накапливает имперские силы из самых разных источников, минует пропасти, обезвреживает потенциальные опасности, обнаруживает соратников и успешно противостоит врагам. В итоге в финале романа случается энергетический всплеск, преображение и героя, и действительности, открытие дальнейших путей имперского созидания.

Так происходит и в первой части «Крыма». Лемехов приносит к алтарю новой империи и русское оружие, и русское слово, и русскую историю, и русскую святость. Концентрирует вокруг этого алтаря энергии материальные, душевные и духовные. Так, на военных заводах, которые посещает Лемехов, создаётся двигатель «Пушкин», подводная лодка «Державная», самолёт «Россия». Сотрудники заводов не научились верить в истинное русское чудо — чудо Циолковского и Гагарина. Это люди, которым «на Земле тесно», которым для имперских устремлений необходима скорость света.

Возрождённый в Сталинграде фонтан «Детский хоровод» становится живоносным источником, у которого в День Победы немощные обретают исцеление. Эта символическая архитектурная композиция являет собой преграду для вселенского зла: «Хоровод — это символ солнца. Пионеры, ведущие хоровод, — это дети солнца. Дети, ликующие в солнце и радости. Это образ молодого народа, создающего на земле царство правды, красоты и любви. Крокодил — символ зла, чешуйчатый змей и дракон, взятый в кольцо танцующими детьми. Зло охвачено волшебным кругом. Через этот круг злу не перебраться. Оно было запечатано, окольцовано. Тьма, поднимавшаяся из глухих пучин, остановлена солнечным кругом».

Русские фольклорные песни «открывают в человеке забытые коды». В их словах и ритмах живёт надвременная связь поколений, когда время ещё не распрямлялось в ось, а сворачивалось в кольцо. Тогда человек ощущал родство со всем живым и чувствовал биение жизни в камне, воде и ветре.

Пушкин, ставший центростремительной силой романа, возникает в сознании Лемехова как универсальный культурный код, кажется, что пушкинские строчки русским человеком не заучиваются, а живут в нём генетически, передаются по наследству, делают каждого из нас «пушкиноязычным»: «Пушкин, как на клавишах, перебирает все русские коды, представления русского человека о природе, государстве, Бо-

УШАКОВ ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ (1745–1817)

Адмирал, командующий Черноморским флотом (1790–1792). За время боевой деятельности не потерял ни одного корабля и не потерпел ни одного поражения. Тактика Ушакова заключалась в широком сочетании принятого тогда линейного порядка с маневрированием и перестроением в другие боевые порядки. Каждое проведённое им сражение содержало новые тактические приёмы, отвечавшие конкретной обстановке и условиям боевых действий. Новаторский подход Ушакова встречал противодействие со стороны реакционных представителей флота. Однако выигранные сражения были лучшей защитой его передовых тактических взглядов. Ушаков придавал большое значение организации морской пехоты и был способен в совершенстве организовывать взаимодействие флота с сухопутными войсками для проведения десантных операций (шедевром стало взятие им с моря считавшейся неприступной крепости Корфу в 1799 г.). Большое внимание уделял обучению экипажей артиллерийской и ружейной стрельбе, совершенствованию у командиров искусства кораблевождения, сочетания огня и манёвра. В 2004 году решением Архиерейского собора Русской Православной Церкви как праведный воин Ушаков был причислен к лику общецерковных святых.

жем промысле. Его стихи переложены на музыку, которая омывает глубинные чувства и верования русского человека».

Свои молитвы и чаяния Лемехов обращает к Державной иконе Божьей Матери: «“Державная” была хранительницей государства, попечительницей русских государственныхников». Он прикладывает к ней челом, ощущает её тепло и дыхание, ощущает Покров Богородицы, распростёртый над Россией.

И все эти силы существуют не обособленно, а перетекают одна в другую, сливаются в едином имперском реакторе, сияют в гранях имперского кристалла: «...создавая новое оружие и возводя алтари, мы делаем одно и то же дело. Оружие отражает врага видимого, а храмы и монастыри заслоняют от врага невидимого. Наши зенитные ракеты и антиракеты прикрывают от ударов наши города, а монастыри и храмы развешивают над Россией незримый покров Пресвятой Богородицы, непроницаемый для злых атак».

Ключевым эпизодом в романе становится поездка Лемехова в Сирию, где ему Божественным промыслом в эпицентре теракта удаётся выжить. Но именно здесь он видит воплощение «стратегии хаоса», чувствует «ревушую волну хаоса, сметающую государства, рвущую заклепки, на которых держатся мировые устои». В воюющей Сирии Лемехов будто заражается бациллой распада. Так начинается нисходящая фаза в сюжете и композиции романа.

По-прежнему полный имперских сил, главный герой возвращается в Россию, и мир вокруг него начинает рушиться. Его место в правительстве занимает первый заместитель, оказавшийся предателем, отношения с любимой женщиной разрываются, родительский дом, хранящий воспоминания об отце и матери, сгорает. Всё это «было похоже на то, когда в юности он старался представить две параллельные линии, которые пересекались в бесконечности. Из этой аксиомы проистекала пугающая геометрия мира, безумная математика жизни, где всё перевёртывалось, имело иные очертания, иные имена и формы, иные понятия и смыслы».

Лемехов пытается найти свою трагическую ошибку, видит её то в ненамеренном противостоянии президенту, то в измене жене, то в убийстве на охоте медведя — тотемного зверя русского леса. Все попытки скрепить разрушающийся мир, избежать падения бесполезны. Лемехов становится одиноким скитальцем, блуждает по стране, лишается дара речи.

Но пропасть оказывается не бездонной, и Лемехов обретает новые силы для возрождения. Так начинается вторая фаза восхождения в романе. Лемехов находит энергетические колодцы в деревенском доме, где собираются люди, чтобы пойти в крестный путь и укрыться в пещере в ожидании Апокалипсиса. Они берут с собой заветные «часы русского времени и русских сроков», каждый произносит последнюю исповедь, надевает белые одежды. Но когда стрелки на часах встречаются, ожидаемого катаклизма не происходит, и остается лишь свет исповедального преображения.

Новые силы Лемехов находит в реликтовой природе Якутии, в её бездонных серебряных реках и непроходимых лесах. Они хранят тайну мироздания, в них оживает и возникает перед Лемеховым убитый им на охоте в другом конце Русского мира медведь, прощающий охотника.

Новые силы Лемехов находит в Аркаиме — колыбели старых и новых цивилизаций, живущей «по часам, которые отсчитывают вечность»: «Здесь нисходят на землю потоки бездонного Космоса, которые питают империи. Здесь зародились великие империи прошлого. Здесь зародится великая империя будущего. Сюда в скором времени явится лидер, которого Аркаим вдохновит на создание новой империи».

Такие синусоидные сюжет и композиция — от восхождения к падению и вновь к восхождению — воплощают ключевые категории прохановской философии: пропасти русской истории и свет пасхального возрождения отечества. Русская история являет собой световод, по которому из империи в империю через все пропасти, преграды и катаклизмы перетекает Божественный свет. Потоки света пробиваются «сквозь тьму, пронзают ослепительными вспышками чёрные тромбы истории. Выполняют божественный завет о неизбежной победе света над тьмой, вечной жизни над смертью. Смерть одолима, не только здесь, на Земле, но и в бесконечной Вселенной, где гибнут звёзды и умирают планеты. Смерть одолима, ибо мир сотворён как источник света, и тьма не объёмлет его».

Жизнь Лемехова — это показанная в ускоренном темпе жизнь империи, имперский конспект. В Лемехове Проханов явил все этапы имперского развития: зарождение, становление, укрепление, расцвет, падение и воскрешение. Потому Лемехов — это особый тип героя нашего времени — человек-государство, человек-державя, человек-империя.

Его сердцебиение звучит в ритме имперского времени, его жизнь переплетена с им-

перскими временами и сроками: «Его судьба исчислена и расчерчена небесным чертёжником, помещена в круг всеведущим геометром, который выбрал его мерой всех вещей, поставил в центр Вселенной и вращает вокруг него громадную карусель мироздания. Его судьба на учёте. Она важна, ею ведают высшие силы. Его ожидает впереди великое свершение, и где-то на спирали времён отмечено мировое событие, связанное с его именем».

Его тело уподобляется пространству империи, вбирает в себя державный простор: «Он утомился и лёг на землю. Раскрыл руки крестом. Одна рука уходила на восток, через великие равнины и реки, сибирские города и озёра, к Китаю, который вздымал свои небоскребы, развёртывал могучие армии, выплёскивал в мир сгустки раскаленной энергии. Другая рука уходила на запад, касаясь готических храмов, великих европейских столиц, священных камней, которые веяли красотой и вечной распрей, предвестницей войн и нашествий. Его ноги протянулись к Ирану, к зелёным изразцам и зеркальным мечетям, к атомным центрам и танкерам, плывущим в горячих водах. Его голова покоилась на подушке полярных льдов, под радугами негасимых сияний». И это пространство теперь приросло благодатной землёй, когда-то отрезанной от истерзанной плоти России. Имя этой земле — КРЫМ.

КРЫМ НЕБЕСНЫЙ, КРЫМ ПРЕДВЕЧНЫЙ

В романе, наверняка вопреки ожиданиям читателя, не показаны события, непосредственно связанные с присоединением Крыма. Действия романа не разворачиваются на полуострове, никто из персонажей не обращается к его славной божественной и боевой истории. Но в этом парадоксе нет постмодернистской игры с читателем, нет расчёта на приём обманутого ожидания ради сохранения интриги.

В романе Проханова Крым присутствует метафизически. Автору важно явить Крым как предчувствие, показать Россию накануне присоединения Крыма, запечатлеть её моление о Крыме, её усилия, направленные на воссоединение с Крымом. Крым мифологическим островом Буяном возникает перед Россией. Крым — огромная подводная лодка или сказочный кит перед самым всплытием, и в романе уже видна рябь на воде.

«Крым» звучит как предсказание в пушкинских стихах, как неразборчивое и пугающее пророчество провидца. Кажется, «Крым»

анаграммой готов возникнуть из «Аркаим» — стоит лишь поворожить над звуками. «Крым!» — произносит русская природа раскатом грома. «Крым» — выводит Якутия в наскальных письменах: «Одна строка с её каменной вязью, озарённая солнцем, ярко светилась. Строка начиналась с буквицы. В этой буквице пламенили цветы, наливались плоды, перелетали волшебные птицы. В этой буквице синело море, плыли корабли, сияли дворцы и храмы. Она была обетованной землёй, куда стремилась душа... И вдруг прозвучало из скалы, или из тучи, или из глубины сердца: «Крым». Не тот, что был нанесён на карты, а Крым Небесный, Крым Предвечный».

Крым дан русскому человеку как милость Божия, как образ русского рая, как воздаяние за все пережитые мучения после утраты советской Родины, как мост через историческую пропасть на пути к новой империи. Но прежде всего Крым — это великое испытание нашей веры и державной воли. На новом витке световода русской истории Крым — это судьба.

/ Иван ОХЛОБЫСТИН /

Аристократический выбор

Если кто-то и может говорить о воспитании, то это такие, как Проханов. У него оба сына побывали на Донбассе, причём на линии фронта. Я мечтаю так же воспитать своих детей. И я уверен, что мои дети обяжут продолжать эту воспитательную нотку своих детей. И мы так скуём нацию быстрее, чем такая их пьяных из ночных клубов.

Многое то, что нужно было раньше сделать, мы, как поколение, не сделали — не привили своим детям Волю к Правде. Невозможность равнодушно наблюдать, как у тебя на глазах убивают людей, как разворачивают целый народ, опоённый кровью себе подобных и оттого незрячий.

А Проханов привил эту Волю своим сыновьям, и теперь всё, что он говорит, — для меня правильно.

И говорит он по-человечески, не истязая разум простых людей терминами, но и не складывая с себя академических ограничений.

Нам, как нации, необходимы такие люди. Они смогут воспитать нам новую аристократию.

Им необходимо выделять гранты наравне с заказами Минобороны — на строительство новых университетов. Потому что нет сильнее оружия, чем разум. И пусть наша экономика ослаблена предшествующими историческими перипетиями, надо вкладываться в детей, в будущие поколения по максимуму.

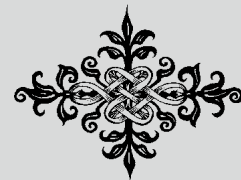
Это логика настоящих родителей — самим страдать, но устроить лучшую жизнь детям.

И наверное, нет никакой особой педагогической тайны, кроме понимания детьми этой жертвы. Я уверен — сыновья Проханова гордятся своим отцом. Потому что это аристократический выбор. А Проханов аристократ, впрочем, как и его сыновья.

АВТОМАТ КАЛАШНИКОВА (АК)

Сконструирован Михаилом Тимофеевичем Калашниковым (1919–2013) в 1947 году, два года спустя принят на вооружение в СССР. Входит в Книгу рекордов Гиннеса как самое распространённое и популярное оружие в мире. В списке изобретений XX века, по версии журнала «Либерасьон» (Франция), АК стоит впереди таких достижений, как космические аппараты и ядерная бомба. АК чрезвычайно прост в производстве, этим определяется его низкая стоимость. Жители некоторых стран могут выбирать между покупкой АК-47 и курицы. АК-47 является штатным оружием воинских частей более 100 стран. Силуэт АК-47 присутствует на гербах Восточного Тимора, Зимбабве и Мозамбика. Имя «Калаш» арабы считают магическим и дают мальчикам. В 1970-х годах АК стал частью массовой культуры некоторых регионов планеты. Согласно международной исследовательской организации Small Arms Survey, «культ Калашникова» и «калашниковизация» стали распространёнными терминами, описывающими оружейные традиции многих стран Кавказа, Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки.

/ Владимир БОНДАРЕНКО /

Русская литература как чудо

Русская великая литература возникла как чудо, не объяснимое ничем. Страны с мощными и древними литературными традициями, что на Западе, что на Востоке, склонили голову перед русскими писателями. Джойс призывал учиться у Лермонтова, Акутагава — у Достоевского, Толстой и Чехов были вне конкуренции.

Поэт Георгий Адамович говорил в Париже на юбилейном вечере замечательного прозаика Бориса Зайцева: «Связь с лучшим, что Россия вообще дала. Потому что если и было какое-то русское чудо, почти внезапно возникшее и вот-вот готовое навсегда оборваться, но это именно наша литература, как сказал Поль Валери. Мы восхищаемся — и Европа восхищается вместе с нами некоторыми созданиями русской музыки, порой даже отдельными, редкими произведениями русского изобразительного искусства, — но я думаю, все должны признать, вдумываться, вслушиваться, вглядываться, что ни русская музыка, ни русское изобразительное искусство не достигают духовного уровня русской литературы. Сейчас мы бережём её наследие, стараемся по мере сил остаться ей верными, и потому присутствие среди нас писателя, который был плотью от плоти её в те дни, когда ещё сравнительно высоко стояло солнце её, служит каким-то оплотом, защитой от срыва и даже предостережением. Это чувство было у Чехова, но относительно к Толстому — Чехов говорил: после Толстого всё пойдёт к чёрту»...

То же самое можно было сказать — после Бунина, затем — после Шолохова, в конце XX века — после Василия Белова и Юрия Кузне-

цова... Значит, без всякой преемственности, без явной переключки друг с другом сама Россия, Русская земля, Русское небо давали силы новым русским гениям.

Я уверен, не экономика, не политика и даже не армия управляют Россией, а русская литература. В конце советского периода у нас была самая могучая в мире армия, с ракетами и бомбами, мы могли не единожды разгромить весь мир, у нас была не самая худшая экономика, цифры упрямо доказывают это, но не туда пошла литература, отвернулась от политики властей, и великая Держава рухнула в три дня. Впрочем, то же самое было и в 1917 году, и на фронтах неплохо дело шло, и заводы работали, но уже «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос», пророчески писал наш гениальный поэт Александр Блок.

Так и хочется иной раз сказать нашим политикам: читайте же русскую литературу, и вы увидите вектор развития. Может, именно в этом и заключается тайный смысл мудрых слов «Красота спасёт мир!». Красота русского слова, которому не нужны ни финансирование, ни дотации, ни даже дотошное растолковывание. Не об этом ли писал ещё один русский пророк Михаил Лермонтов:

*Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.*

*Не кончив молитвы,
На звук тот отвечаю,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.*

Красота слова всегда сопряжена и с его смыслом. Не случайно же именно Михаила Лермонтова как русского пророка и патриота цитировал президент Владимир Путин. «Вот недавно мы отмечали день рождения Лермонтова, он писал: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ». Он был оппозиционером? Конечно! Один из родственников попросил его смягчить текст стихотворения на смерть Пушкина. Он был оппозиционером, но он был патриотом, он был офицером, очень смелым, храбрым, под пули шёл», — отметил он и процитировал фрагмент стихотворения. Я не считаю этот текст лермонтовским, есть много сомнений, но то, что у великого поэта было много дерзких высказываний о власти, — это факт. «Он, конечно, был оппозиционером к власти, но я считаю, что он был патриотом», — добавил Путин. «Это очень тонкая грань. Она внутренняя, её трудно увидеть внешне. В чём она заключается? Оппозиционер, даже очень жёсткий, в конечном итоге до конца борется за интересы своей Родины...» — сказал Путин. В этом и заключается чудо русской литературы, что её красота не абстрактна, а вполне национальна и значима.

Великую русскую литературу не объяснишь никакими филологическими трудами, этим она и отличается от общего потока книг. Вроде бы и ритм тот же, и рифмы не хуже, и сюжет выстроен, но не берёт за душу, и не требует ответа. Потому и бесятся иные нынешние деятели современной литературы типа Маруси Климовой, возмечтавшей изгадить всю русскую литературу, что и пишут складно, и книжки издаются регулярно, но никакой загадки в них нет, никакого волнения души, вот и остаётся от ненависти и ревности обывательское желание назвать Пушкина идиотом, перечеркнуть Толстого и Платонова. От невозможности прикоснуться к русскому чуду.

В дни поражений и трагедий даже самые именитые писатели, к примеру, Евгений Замятин, признают, что будущее русской литературы, да и всей России, в её прошлом, но проходит время, и из самого невероятного сора вырастают новые русские шедевры, Сергей Есенин и Владимир Маяковский, Андрей Платонов и Михаил Булгаков. И жизнь продолжается. Ибо без литературы как бы и нет истории, без запечатлённого словом времени улетучивается само время, целые столетия сливаются в неразличимую массу, целые народы уходят в темноту и небытие.

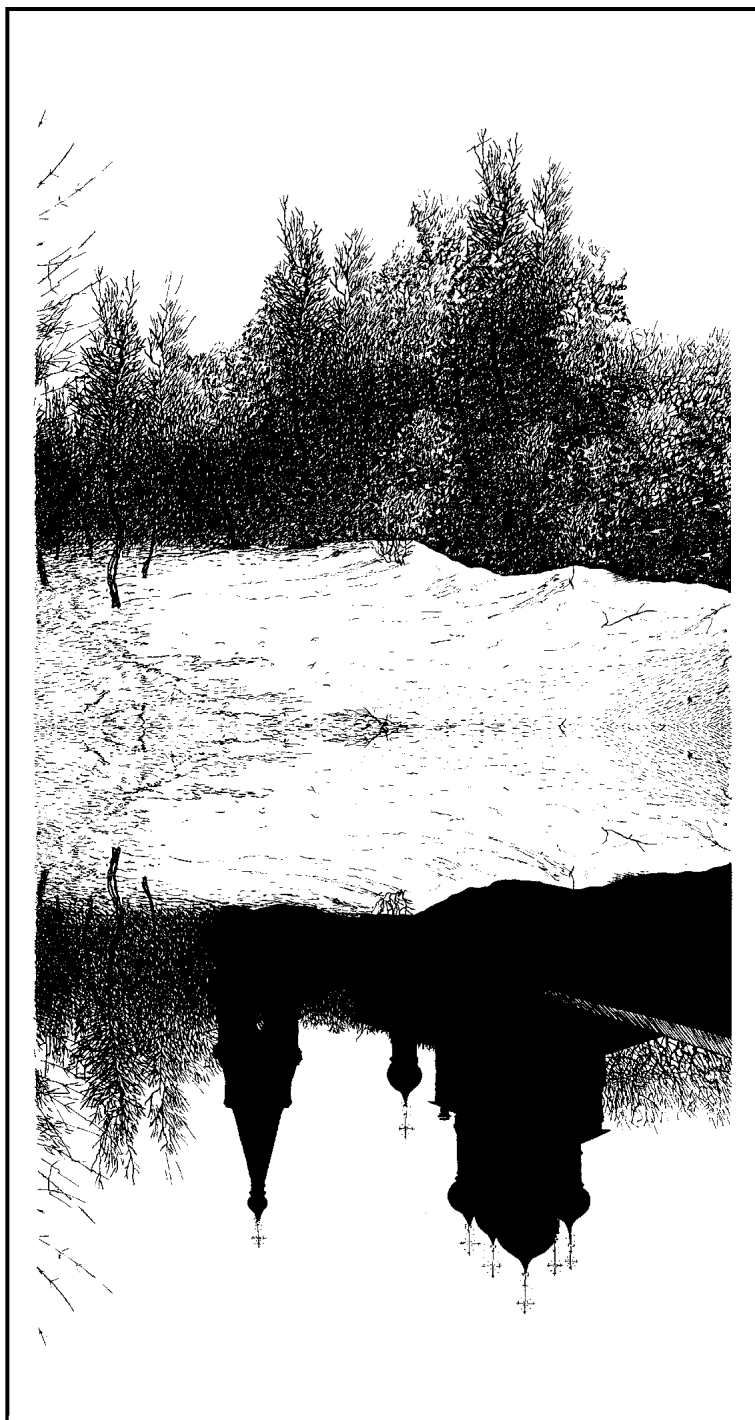
Заканчивается та или иная эпоха, уходят в прошлое властители и мгновенно растворяются даже из памяти, если они не были выхвачены из тьмы великим русским словом. В блокадные годы поэтесса Анна Ахматова клятвенно обещала от имени всех сограждан:

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём.*

Потому и стараются все временщики и разрушители России прежде всего уничтожить величие русской литературы, вывести литературу за скобки живительного процесса. Нет литературы, и народу нечему внимать, незачем идти, нет звука, на который надо отвечать. Да и язык сам уничтожается, коверкается, примитивизируется. Нынешняя литература как бы пишется языком Элочки-людоедки. И опять все надежды обращены в прошлое. И вновь из нашего великого прошлого вытянется наше великое будущее. Как пишет Тимур Зульфикаров: «Русская тысячелетняя Культура от золотых райских икон, от народных хрустальных песен и плачей, от парчовых царских златотканых одежд до алмазного Пушкина; от хмельного Гоголя до яростного Толстого и многострастного Шолохова вышла свято из Золотого Яйца Византии! Оглянись вспять, русский человек, на свою тысячелетнюю историю — и радостно увидишь, как полыхает над всей русской, весёлой, хмельной, кудрявой культурой несметный Павлиний Хвост Византийского праздника и мудрости. Дивный расписной этот Хвост так велик, что распростёрся над всей необъятной землёй русской, и несколько лучезарных, диковинных перьев его упали и на заснеженную северную равнину близ снеговых ледяных морей...»

Вновь надо нынче, спустя сто лет после блоковского «венчика из роз», русскому писателю прорвать кольцо тьмы, начертать на тайных скрижалях, непонятных порой ему самому, путь в будущее. Понять природу русского мессианства без литературы никак нельзя. Может быть, и выдуманная русская история у нас началась вместе с великой литературой, до этого периода — почти одни мифы и легенды. И значит — есть литература, есть и Россия. Нет литературы, — как бы нет и самой России.

Сейчас, в самый сложный кризисный период, когда и во внешнем мире, и во внутреннем

Дмитрий Воронцов: «Озеро Светлояр». Рисунок пером. 1997

растёт число ненавистников России, когда молодёжь, увь, бежит и в западные, и в восточные страны, бизнес сворачивается, промышленность и сельское хозяйство влачат жалкое существование, — в экономике вряд ли возможно какое-то чудо, ждать нечего. Повести за собой народ может только новое Русское слово, новая литература, наполненная новым и одновременно древним смыслом.

Экономисты и инженеры, военные и даже философы на роль миссионеров не годятся, русское мессианство способны возглавить только талантливые и бесстрашные писатели.

Один из таких миссионеров, писатель Александр Проханов, пишет: «Страшную трагедию переживают русские! И не только потому, что Западу нужны наши земли и ресурсы, а потому, что русские — мессианский народ, и они постоянно предлагают миру альтернативные пути жизни. Они постоянно укоряют Запад и остальное человечество, что оно живёт напрасно, что мир не должен быть устроен так, как он устроен. Что в мире не должен господствовать чистоган, что он должен быть справедливым, что все должны любить друг друга! Задача построить такое общество всё время преследует русских, и русские постоянно стараются создать такое альтернативное общество.

И говорят миру укоризну! А мир эту укоризну воспринимает как оскорбление. И посылает то Наполеона, то еще бог знает кого... Чтобы понять русское мессианство, нужно знать, кто такой старец Филофей, который провозгласил концепцию «Москва — Третий Рим». Он говорил, что государство все свои умения должно употреблять не только на то, чтобы создавать укрепления, пушки, коптильни и молотильни... Его главная миссия — защищать светлую веру!..»

О том же пишет по-своему, обращаясь к другой, молодой аудитории, писатель Сергей Лукьяненко в романе «Шестой дозор». Любой русский мировоззренческий проект последних веков — это попытка альтернативного пути для всего человечества.

Столыпинский проект, сталинский проект, путинский проект?

Убрать из русских русскость — это значит обречь всё человечество на поражение и гибель. Вот потому и приравнивают ныне многие вороватые чиновники русскость к экстремизму, дабы защитить себя от народного подъёма, от развития русской цивилизации. В манифестной, агитационной, плакатной форме русскость уже практически запрещена повсеместно. Хотя от русской всечеловечности не пострадал пока ещё ни один народ в мире. Это же самые цивилизованные народы принесли миру и рабство в США, и истребление всех аборигенов в Австралии и других колониальных странах, и фашизм по всей Европе. Да и Маркс с Энгельсом родились не на берегах Волги. Мы, русские, лишь в каком-то смыс-

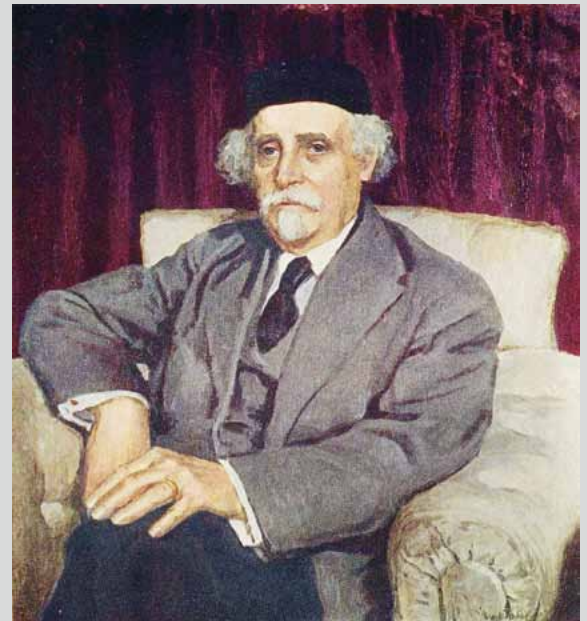
ле русифицируем, очеловечиваем все эти так называемые цивилизованные проекты. Потому и великая русская литература всегда была и будет направлена на спасение человека. Мы можем заимствовать у западных писателей форму, тот или иной приём, даже жанр, но наполняем этот жанр, форму, размер своим национальным содержанием. Мы же не скрываем: и классический роман, и баллада, и тот же рок — впервые появились не у нас, но русский роман, русская баллада, русский рок уже ни с какими другими не спутаешь. У того же Александра Проханова нахожу: «Где мы черпаем силу? Православная вера сегодня охватывает далеко не весь народ, а только небольшой его фрагмент. Многие относятся к религии индифферентно, кто-то с сарказмом, кто-то с сомнениями; лишь небольшая часть народа является реально воцерковленной. Русская культура в целом являлась верой, когда православная вера умолкала. Скажем, в XIX веке вера была тучной, она затихла. И тогда вместо неё выступила на первый план культура. Серебряный век, вся русская поэзия — это один непрерывный псалом, непрерывная молитва, которую русский человек возносит в небеса. Он славит небеса, молит Господа о спасении, молит, чтобы раскрылись ему тайна и смысл его пребывания на Земле.

И ещё русская природа! Мы же все в природе. Ни один народ так не богат своей природой, как наш. Весь Есенин — непрерывная песнь природе. Сколько там оттенков! Там цветомузыка ручьёв, таинственная благодать осенних лесов и рощ, там русские дороги...

Вот три силы: православие, русская культура и русская вера. И в них мы черпаем свои силы!..»

Может, в этом и заключается сила русской литературы, что взятая откуда угодно и в какое угодно время та или иная форма заполняется мистическим, мессианским содержанием. После пустоты нулевых годов, так радовавшей наших либералов, вновь, как из-под земли, появилась сейчас новая русская литература.

Вначале это были бунтарские пробы пера, то самое лермонтовское оппозиционерство, но сейчас уже появились одно за другим: «1993» Сергея Шаргунова, «Обитель» Захара Прилепина, на мой взгляд, — первая большая литература двадцать первого века. Будут и новые книги. А с большой литературой начнёт подниматься и большая Россия. Так тому и быть! Русское чудо продолжается.

Игорь Грабарь. Портрет академика Н. Д. Зелинского. Холст, масло. 1935

ПРОТИВОГАЗ

31 мая 1915 года немцы произвели газовую атаку на русском фронте. Потери составили от 7 до 8 тысяч человек. Возникла острая необходимость в изобретении противогазовых средств. В том же году русский химик-органик, заведующий Центральной лабораторией Министерства финансов в Петербурге **Николай Дмитриевич Зелинский** (1861–1953) предложил использовать для этой цели фильтр из активированного угля. Он обнаружил, что уголь, подвергшийся вторичному обжигу после использования для очистки спирта, является мощным средством поглощения ядовитых газов. Прототипом противогаза служили марлевые маски с мелкозернистым углем, распределённым между слоями марли. Коробка первого противогаза имела прямоугольную форму, в верхнюю горловину впаивался резиновый шланг с отростком для протирания очков. Между тонкими металлическими сетками коробки помещался уголь, активированный по методу Зелинского. Автор отказался патентовать своё изобретение, так как не считал возможным наживаться на человеческих несчастьях. Право на производство противогазов Россия передала союзникам, и уже в 1916 году противогаз был принят на вооружение армиями Антанты.

/ Сергей ШАРГУНОВ /

Род Выпрямкина

Рассказ

У него были тёмные, жёсткие волосы и благородная смугло-бледная кожа; на лице красовались зазорные родинки, как чайники поверх чая с молоком.

Его звали Василием, а фамилия была будто с нервным изломом посередине — Выпрямкин. Недавно отметил день рождения. Гуляли узкой компанией в городском ресторане «Бакс». Статный, немного остекленев, с жаркими распахнутыми глазами и растянутой улыбкой — ровными рядами крупные зубы — встал над столом, и рука взмыла со стопкой: «Двадцать девять... Кто виноват и что с этим делать?» Кудлатый приятель загорланил: «Любо!», Василий отмахнулся, водка пролилась в горшочек с дымной свининой. «Эй, ты что, ты что, ау!» — зазвенела жена Таня, запрокинувшись к нему, такая же черноглазая, как и он, вся такая живая.

Автомойку в посёлке Каменоломни он открыл меньше года назад. Жил рядом в Шахтах в пятиэтажке с видом на реку Грушевку, то исчезающую в камышах, то оживавшую по весне.

Мартовским днём — через три дня после дня рождения — появились они. Помощник позвал его: «Тут... тебя... эти...» Димка, скуластый малой, доставшийся от прежнего хозяина, был весь — прилежание: стремительно обмывал машины из шланга, скоблил салоны, вытряхивал коврики и всегда, даже не занятой, имел запыхавшийся видок и голосок. Автомойку передал Василию полгода назад двоюродный Танин брат Костян. Садился за большую, с жертвой драку — и доверил.

— Ну?

Перед ним стояли двое. Молча. Тугие. Оба похожие на боксёрскую перчатку. Один белёсый — бритая башка, другой чернявый, с хохолком. Несвежие лица, чёрные кожанки. Сам их облик выражал напор.

Димка видел, как короткими жестами, не прикасаясь, но словно бы и ударяя, они направили Василия к своей чёрной машине, похожей тоже на огромную перчатку боксёра, и Василий нехотя, но всё-таки сделал туда шаги.

Они что-то говорили, отрывисто, судя по лицам, а Василий, возвышаясь, не отвечал, кривя щёку. Потом он дёрнул плечом, одновременно

что-то ответил, и все расстались. Василий вернулся, раздумчиво поигрывая плечами. А двое вскочили в чёрную машину, затем из окна тот, который чёрный, резко, как бы ободряюще, крикнул: «Будь готов!» И умчали.

— Не наши? — Димка ловил его взгляд.

— Один нет, а другой вроде. Хохол, может...

— Оба, значит, не наши. Гастролёры на...

Василий мелко сплюнул. Димка спросил:

— Чё хотели?

Василий был растерян и спрашивал Димку: как всё это надо понимать. Всё было грубо и плоско до той тошной сонливости, будто его уже ударили по голове. Не хотелось думать, чего они хотели. Они хотели бабла. Завтра. И не позднее. Они, точно бы родившиеся в чёртовых кожанках, и их допотопный накат — всё было из вечернего сериала по телевизору, но было с ним, сейчас, в его городе, откуда он уехал в Новочеркасск, и куда, выучившись на юриста, вернулся, не найдя ничего, где женился на девчонке из соседнего двора, которая родила ему сына, где работал в фирме за копейки и где решил заняться автомойкой, чтобы поднять бабла. Жизнь Василия была, наверно, не особенно затейлива, поэтому не стоило удивляться простоте, с которой хотели отжать у него бабло. И он вслух обдумывал и сам же вслух понимал, что всё отправляется к чертям собачьим — юридические познания, мужество, твёрдость, самооборона, зэк Костян, местные знакомства, гостей-то в родных Шахтах больше, чем когда-то шахтёров. Его зарюют, и никто не вспомнит, прямо как в кино. Димка с бранью и вздохами заговорил про своего корешка-мента, тот учит: с бандитами проще ладить; если в ментовку сунешься, ещё хуже тебе будет.

Раньше Выпрямкины с Костяном созванивались, списывались в «Одноклассниках», у ээка была мобила с выходом в Интернет, но недавно Костян поспорил с лагерным начальством, поместили в штрафной изолятор, ждать неделю связи. Не у кого просить совета. Друзей особо в городе не водилось, а те, что есть, — только выпить и поржать умельцы.

— И чё ты им сказал? — спросил помощник, всё ещё ловя его взгляд.

Алексей Головченко: «Солнышко на закате». Холст, масло. 2015

— Сказал: «Понял».

— Как?

— «Понял». Чё я мог сказать? Иди, вон тачка приехала, работай давай, иди, — Василий вдруг разозлился.

Он знал немало про свой род — из отцовских рассказов, которые не любил вспоминать.

Он был потомственный казак, и Таня его была казачка, они об этом не говорили между собой, и портреты с шашками и в бурках не висели у них на стенах. На антресолях в старом сломанном рыжем чемодане валялись два альбома. Их не доставали, и неизвестно: действительно они там валялись или куда-нибудь ещё подевались. Жена, видимо, подражала мужу, а Василий переел в детстве пышных, под хмельком разговоров о славном и воскресающем казачестве, и ранняя смерть родных навсегда была связана с этими полуночными разговорами о загадочных оскаленных мужиках верхом на ржущих конях. Парни и мужики на конях казались Василию грубыми дикарями, гопниками из другой эпохи, никак не применимыми к нынешнему миру, он стыдился того, как в детстве от чистого сердца поддался отцу, надевал синий кафтан, подпо-

ясывался, и во взрослом застолье тонко затягивал: «Не для меня-а...» Хотелось нормальной человеческой удачи. Выпряжкина тяготила даже фамилия, казавшаяся нелепой и как-то неприятно связанная с пыльными конями и их громким ржанием.

Он не собирался держать в памяти слышанное от отца. Но деть никуда не мог. То и дело мысли расплывались, как тёмные облака, и в памяти, как крупницы звёзд, резко сверкали эти истории.

Ни коней, ни кобыл в их жизни не водилось, разве у Василия в юности, перед армией, появился мопед, но присловья он хорошенько запомнил, старомодные и пыльные, например: «Конь — душа казака» или «Конь и воду возит, и воеводу», и выражения прицепились, на все случаи: «быть в стремени», «гулять конём», «бегать конём», «не в седле», «наехать конём», «морда — конём не объедешь» (почему не джипом?). Отец со своими рассказами крепко ему въелся в холку, подзамучил, но не вытравишь, и теперь при мысли о бандитах к Василию само собой пришло тоскливое: «Да-а, поведут меня за ноздри».

Историю рода отец изучил дотошно. Он сыпал датами, именами, судьбами, которые, хоть и перемешались, хранились в памяти Василия.

Город, просто названный Шахты, накануне революции назывался нежно Александровск-Грушевский, а три брата и их батько, или тату, целый есаул, Харитон Петрович Выпряжкин, жили не в городе, а на хуторе Пухляковском, бывшем Собачинском, на границе станицы Раздорской. Пасли скот, выращивали хлеб, наказывали воров и трусов. Каждый имел разнообразное оружие, сызмальства отлично им владея. Жена Харитона незадолго до его сватовства, гадая, узнала, что суженый её — годный человек, при хозяйстве, по счёту выбрав кол в тыне: кол оказался с корой, не голый. Главная помощница казака — Богородица, она являлась в этих краях, воздушная, серебристо-лазорева, а всё же верили и в приметы. Харитон после свадьбы в изголовье повесил шашку, под подушку молодой жене пули подкладывал. И трижды рождались сыновья. Не успевал у мальчика показаться первый зуб, Харитон поднимал сына, сажал на коня, и даже чубчик ножницами укорачивал.

Дон казачий всегда окружали враги, племена другой веры, отовсюду резали в кровь острые осколки Золотой Орды... Близко стоял Азов, в старину — турецкая крепость. В Раздорской речные сложности все были поименованы: вон «Алёнкин брод», вон «Сонина коса» — в память девчонок, которые бежали из турецкого плена, едва живые, и утонули, не доплыв до своих. Потом стало тише, но здесь никогда покоя не было — казаки постоянно уходили в походы. Многие переняли от враждебных соседей — суровость, гордость и одновременно широкую щедрость гостеприимства. И страсть — прадед Харитона, как какой-нибудь черкес, украл невесту и умчал с ней на дальний хутор.

Харитон Петрович умер за год до революции совсем не старым, продуло насквозь на коварном речном ветру ранней весны. Революция принесла смятение. Никто не хотел рубить своих, и не рубили бы: затянуло, опьянило незаметно — за бедой беда. Вроде собрали казаки Войсковое правительство, а оно перегрызлось. Стали теснить «иногородние», не станичники, голодные: солдаты, беднота, бандиты, какое тут гостеприимство... Головы кружило всем, и всё быстрее и быстрее. Младший брат Выпряжкин сорвался в Петроград, на съезд Советов, посмотреть — когда вернулся, попал под арест к атаману Каледину. За него попросил старший брат, освободили, но он в Питере уже наглотался «идей». А дальше началась полная неразбериха, всё гуще кровавая Дон: добровольческая армия, наступления и отступления, Алексеев, Корнилов, Антонов-Овсенко, застрелился Каледин, восста-

ния, изуверства, конные атаки, Краснов, Германия пришла, Будённый... Младший Выпряжкин зимой 18-го вошёл в военно-революционный комитет в станице Каменской, оба его брата к тому времени воевали за белых. Поговаривали, это он арестовал Митрофана Богаевского, уважаемого казака, умного, в очках, которого застрелил хромой коммунист Яшка Антонов, сын старого полковника. Старший Выпряжкин между тем на бронепоезде «Ермак» прорвался в тыл красных, взял в плен младшего, но отпустил, второй раз спас, получается, от расстрела. После победы красных этот старший бежал, будто бы долго скрывался на Кавказе, оттуда, по молве, ушёл в киргизские степи — в общем, след его простыл. Меньшого, большевика, всё равно пуля нашла: был тяжело ранен в бою под деревней Желновка и, пролежав месяц, умер. А среднего порубили вместе с белой конницей Павлова во встречном сражении, где обнажились враз двадцать пять тысяч сабель. Порубили не до конца, выжил и всю жизнь скрывал прошлое, счастливо избежав кары. Он воевал в Отечественную, дважды ранило — под Псковом и в Вене, выжил, а умер почтенным ветераном в конце 70-х в своей квартире в Шахтах. Вот он-то, Михаил Харитонович Выпряжкин, и был дедом Василия, который посреди прохладного сентября 2013 года переживал сейчас в Шахтах наезд «иногородних».

Павел Михайлович Выпряжкин был добросовестным инженером на заводе «Гидропривод», подписчиком множества журналов и газет. Как потом вспоминал, прочитал статью в одном издании, затем в другом — про кошмары расказачивания, про забвение корней, про голос крови — и понял: если не я, то никто. Жена, Галина Алексеевна, даром, что учительница младших классов и не казачка, изготовила красные шаповары, остальное было делом техники — даже шапка с круглым высоким околышем. Пару раз он походил так перед домашними (маленький Вася бегал за ним и хохотал, и всё выглядело праздничной шуткой), другой раз, когда брат приехал из Астрахани: «Вот, Николай, смотри и учись! Это наш вид настоящий!» — «Без шашки непорядок!» — добродушно усмехнулся родственник.

Сначала Павел стал просто ходить в сапогах — на людях. «Пускай пока сапоги, сам привыкаю и других приучаю», — говорил он жене. И усы отпустил. Потом он познакомился где-то с Валерием Ивановичем, тоже в сапогах, волосатое лицо, пористый нос-огурец, чуть ли не по сапогам признали друг друга в трамвае и разговорились, тот в гости стал приходить, подарил отксеренный песенник «Русская казачья», изданный в Аргентине, засижи-

вались допоздна, пели, как-то все вместе поехали в станицу Раздорскую, жена Валерия Ивановича, круглая блондинка, была за рулём «жигулёнка», жгли костёр, и Васю отец посадил на худого коричневого коня, который без присмотра пасся в высокой траве на берегу, а взрослые обступили: кто придерживал мальчика, кто животное.

Новая жизнь прибывала стремительным паводком. «Мне отец последние годы столько порассказал! Болван я был, не ценил! — сокрушался Павел. — Голова помнит, а сердце только сейчас ожило!» Он стал чаще ездить в Раздорскую, отыскал след родового куреня на хуторе, списывался с кем-то, в то время как вспомнивших о своём казачестве вокруг делалось всё больше. Пришла пора — надеть красные шаровары.

— На остановке стою, — рассказывал он за ужином, довольный. — Девушка спрашивает: «Ой, чего это они у вас такие интересные?» — «Казак», — говорю. Люди приглядываются. Один старичок завозмущался: «Безобразие! В милицию бы сдать!» Тут гражданин в плаще сразу его заткнул: «Кончилось ваше время, стукачи!» А я народу объясняю, просто митинг какой-то собрал: «Так наши предки носили, — говорю. — Ничего особенного, это вам кажется, что необычно. Скоро привыкнете!» Хлопали... Руку пожимали...

Впрочем, быстро устав от внимания улицы, он стал одеваться, как прежде, лишь сапоги оставил, а казачью форму, правильную (шаровары были синие с красными лампасами), похожую на военную и почему-то пахнувшую дегтярным мылом, выдали ему вместе с шашкой, нагайкой и ремнями в Новочеркасске, куда ездил на круг, сначала дали для круга, после ещё раз съездил и выкупил. «У нас — армия своя, считай! — говорил он хвастливо по телефону брату. — Не в курсе? Много потерял! Всевеликое войско Донское!» Как-то он взял в Новочеркасске Васю, и тот пел среди застолья, встав на лавку, видя вокруг усы, бороды, погоны, яркие цвета...

Мальчику было восемь, когда отец рассорился с Валерием Ивановичем, о чём рассказывал с охотой: «Предатель в одном — предатель во всём, сначала жену молодую нашёл, а теперь этикетки штампует, на бутылки клеит, ликёр называется. Аферист, правильно я говорю?» Больше казаков себе по духу он в городе не находил, а жившие в Раздорах что-то его чуждались. Тогда же он лишился работы — сократили, — и домашние расходы легли на Галину, получавшую в школе совсем немного. Потеря работы заострила интерес Павла к казачьей роковой доле, он стал заглядывать в бутылку и мечтать о походах. Возможно, в нём пробудился настоящий казак.

САМООБОРОНА БЕЗ ОРУЖИЯ (САМБО)

16 ноября 1938 года Всесоюзный комитет по физической культуре и спорту издал приказ № 633 «О развитии борьбы вольного стиля (самбо)». Эта разработанная в СССР уникальная комплексная система самозащиты включает наиболее эффективные приёмы и тактики различных видов спортивных единоборств, боевых искусств и народных видов борьбы. Основоположники самбо — основатель стиля «самоз» **Виктор Афанасьевич Спиридонов** (1882–1944), выпускник японского института дзюдо «Кодокан» **Василий Сергеевич Ощепков** (1893–1937) и один из его учеников **Анатолий Аркадьевич Харлампиев** (1906–1979), самостоятельно изучавший национальные виды борьбы разных народов. В 1938 году Харлампиев возглавил «Всесоюзную секцию борьбы вольного стиля» (будущую Федерацию самбо). Формирование и развитие боевого самбо позволило объективно оценить эффективность самбо на фоне различных видов и стилей боевых искусств, стало мощным стимулом совершенствования самбо. В 2002 году Государственный комитет РФ по физической культуре и спорту издал постановление об утверждении новой дисциплины — боевого самбо.

То он был весел и забавен, то делался молчаливым. Выписывал он теперь всего одно издание — почему-то московскую газету «Литературная Россия», которую мял на столе, крутил, вертел, разворачивал, перечитывал, одновременно нагружая бутылкой, стаканом, обрезками колбасы или засыпая кусочками сухой рыбы: «Вон казаченьки в Сербию подались, за народ православный со всем миром бодаются»; ночью он долго, покашливая, отряхивал газету в мусорное ведро, аккуратно складывал, относил в комнату и клал поверх стопки других номеров. Пил он негромко, правда, любил допоздна просвещать сына: «Ты гля, чё написано: в Приднестровье война идёт. И там казаки! Вот это я понимаю: это казаки!» Вася сам любил босыми ножками прошлёпать ночью на кухню... «Ему завтра в школу, ты обалдел? — врывалась мать. Обычно безропотная, она от раза к разу становилась злее. — На войну собрался! Езжай сейчас прям, надоел, не могу!»

И отец уехал. С кем-то созвонился из Новочеркасска, всё держал в тайне, и однажды на рассвете перед зеркалом в прихожей левой рукой дёрнул книзу оба уса, в правой держа рыжий, тогда ещё не поломанный, но уже облезлый чемодан, и пахнул кислым духом на испуганную жену, в ночнушке выскочившую к нему: «Пашка, ты чего?» — «Чё заказывала!» ...

Он отсутствовал десять дней, которых ему хватило на десять лет рассказов. Добирался до Бендер с трудом, там рыли окопы, в атаку ходил «на румын», стрелял из «калаша», видел много трупов, среди них — детские, видел снайпершу, которую тащили на допрос, — «морда, как у мужика, конём не объедешь», при нём рикошетом убили казака из-под Барнаула, рыл могилы.

Или этот поход, или все вместе, или ещё одна последовавшая отлучка — что-то начисто поменяло Галину. Она стала заводиться с полуслова, розовела и дрожала вся, закипая на невидимом огне, и кричала — страшно, прощально. «Как резаная», — определял Павел.

В сентябре 93-го, следивший внимательно за событиями в Москве, он сначала пробовал добиться одобрения из Новочеркасска, потом, не получив ясного ответа, написал в любимую газету: «Пишет вам опытный воин, прошедший горнило Приднестровья. Вы сообщали, что обороняют Дом Советов сотник Морозов и его казачья застава. В тяжкие для Родины дни и часы восстания рад послужить Отечеству, но не имею средств, прошу помочь в прибытии в столицу». Его отправили в шахтинский горком коммунистической рабочей партии, и, помявшись («Дожил»), он отправился в сырой подвал с горячими

трубами и потным красным флагом на стене, откуда напрямиком на вокзал.

В Москву он доехал, когда всё закончилось, Белый дом тлел, почерневший и оцепленный, Москва пила пиво и лизала мороженое, будто ничего и не было, а сотник Морозов, простреленный из пулемёта, лежал в Скилфе.

Весной 94-го мать увезли в больницу с инфарктом, где она и умерла. Вася в одиннадцать лет остался на отце. Тот устроился сторожем в «загон» — на дискотеку в парке. Несколько раз попадал в драки, разнимая посетителей или выталкивая. Город дичал и беднел, шахты закрывались одна за другой.

В девяносто девятом году тёмным снежным вечером в трамвае, под мухой, он повздорил с мужиком, тоже нетрезвым. Мужик скользнул взглядом по сапогам и выше, по простым ватным штанам и пьяным наитием что-то почуял, как бы угадал подразумевавшиеся красные шаровары: «Слышь, мать твою, ты кто такой?» — «Я казак, твою мать!» — в тон сказал Павел. — «А я шахтёр! Из-за вас, бездельников, нас дела лишили!» — «Да это вы, страну расшатали!» — «Я тебя ща расшатаю!» ... Они вывалились в открывшиеся двери, в пушистый снег, обнявшись, словно пытаясь скатать огромный шар, и начали вбивать друг другу всю свою скорбь кулачищами в лица...

Скоро в городе отменили трамваи. Затем перестали ходить троллейбусы.

Отец умер в 2002-м, заснул и не проснулся, когда Василий служил в армии.

Василий был сильный, выносливый, гордый, но где-то внутри был надломлен какой-то стебелёк.

Слепая растерянность временами плескалась в его чёрных глазах, но он каменел лицом, и глаза возвращали уверенную мглу.

Он слабо учился в школе, хорошо после армии в институте, нашёл работу в Новочеркасске, вернулся в свою квартиру, с каждым годом всё меньше соображая и больше зверея от проносящихся событий: влюблённость, которую он тотчас перекрыл женитьбой, рождение ребёнка, звонкие предьявы жены на тему денег, хреновая работа, упавшая с небес автомойка, поправившая семейный бюджет, но доставившая хлопот.

Он винил отца за то, что тот умер, и, конечно, за смерть мамы. Он брился начисто, каждое утро, а раньше, подростком, с волнением отслеживал, как пробиваются усики, отпускал и расчёсывал чуб.

Он сам себя рассказывал. Он знать не желал своего детства. А оно не сдавалось — папины рассказы варились в его сознании, как «бабья

Алексей Головченко: «Вольному воля». Холст, масло. 2015

каша», которой после Рождества повитухи угощали казачек.

Хотелось жить просто, без лишнего трéпа, и Василий старался делать движения, доведённые до автоматизма, как герой из рекламы — эталон нормальности. Он не любил понтов и вообще всего пустого. А пустое угрожало отовсюду, дуло из щелей. Ему постоянно казалось, что бред может вернуться, проникнуть с разговором, с песенкой, со сновидением и разрушить его жизнь или, кто знает, — жизнь Алёшки. Виня мёртвого отца, он и жалел его, как большого ребёнка, которого не уберёт, и винил себя, что не оказался рядом, и, возможно, то, что не додал отцу, что упрямому отцу невозможно было дать, накопившись, теперь добавилось в отношение к сыну. Алёшку Василий любил безмерно.

Клиент ждал, пока помогут машину, а у ноги его курлыкал и повизгивал карапуз. Василий вышел расторопно на эти звуки. Сердце его сжалось. Услышав чужого ребёнка, он подумал о своём и схватился за карман с «Нокией».

— Таня! Всё хорошо у вас? Чё там Лёшка?

Убьют его — осиротеет сын. Или сыну что-то сделают, не дай бог. Или жене. Надо платить. А что скажет Костян? Наверно, скажет: никому не плати. Не поверит, что наехали, решит: деньги скрысил. Легко сказать из зоны: не плати. А попробуй на воле — отказать. Отчаянье сдавливало виски и щекотало горло.

— Папуля! Приве-е-ет! — мальчик метнулся к дверям, прилип, обнимая за колени цепкими ручками. — Идём играть! Мам, папа пришёл!

— Я слышу, — отозвалась Таня, гремя кастрюлей на кухне.

Ужинали молча, по телевизору, стоявшему на шкафу, показывали «Камеди-клуб». «Да ты ряженный!» — гаркнул блондин-пельмень. — «Сегодня все ряженные, даже мы-ы», — томно протянул другой пельмень, чернявый. Ребёнок гримасничал,

набивая рот и поблёскивая очочками — близурность. Василий взял пульт, переключил. «Плати, сука!» — один в маске держал человека за шкуру, вдавив подбородком в землю, второй в маске целился пистолетом ему в голову. Кино...

Перед сном он играл с сыном.

— Сдавайся! Ты — чечен! Я казак!

— Сам ты чечен. Стой, откуда ты это взял? Тань! Таня! — с кухни шум телевизора. — Таня!

— А?

— Зачем ты ему сказала?

— Ты злой чечен, а я казак, казак, казак, — Алёша рубил его по ногам и спине пластмассовым тупым мечом.

— Это Лермонтов! — крикнула жена. — Я ему читала, он спросил... А чё, нельзя?

— И я казак! — обернувшись к сыну, Василий оскалился, и тот засмеялся, полагая, что игра становится бодрее.

Василий смотрел в окно, и там было синее, тающее, смеркавшееся небо, он сделал шаг, ещё, выглянул: мутная и привычная текла река, готовая отразить очередную ночь и слиться с нею.

Он перевёл взгляд на сына: странная сила рода горела в этих чёрных глазках под круглыми стёклышками.

— Мы оба казаки! Давай так! — решительно сказал Василий.

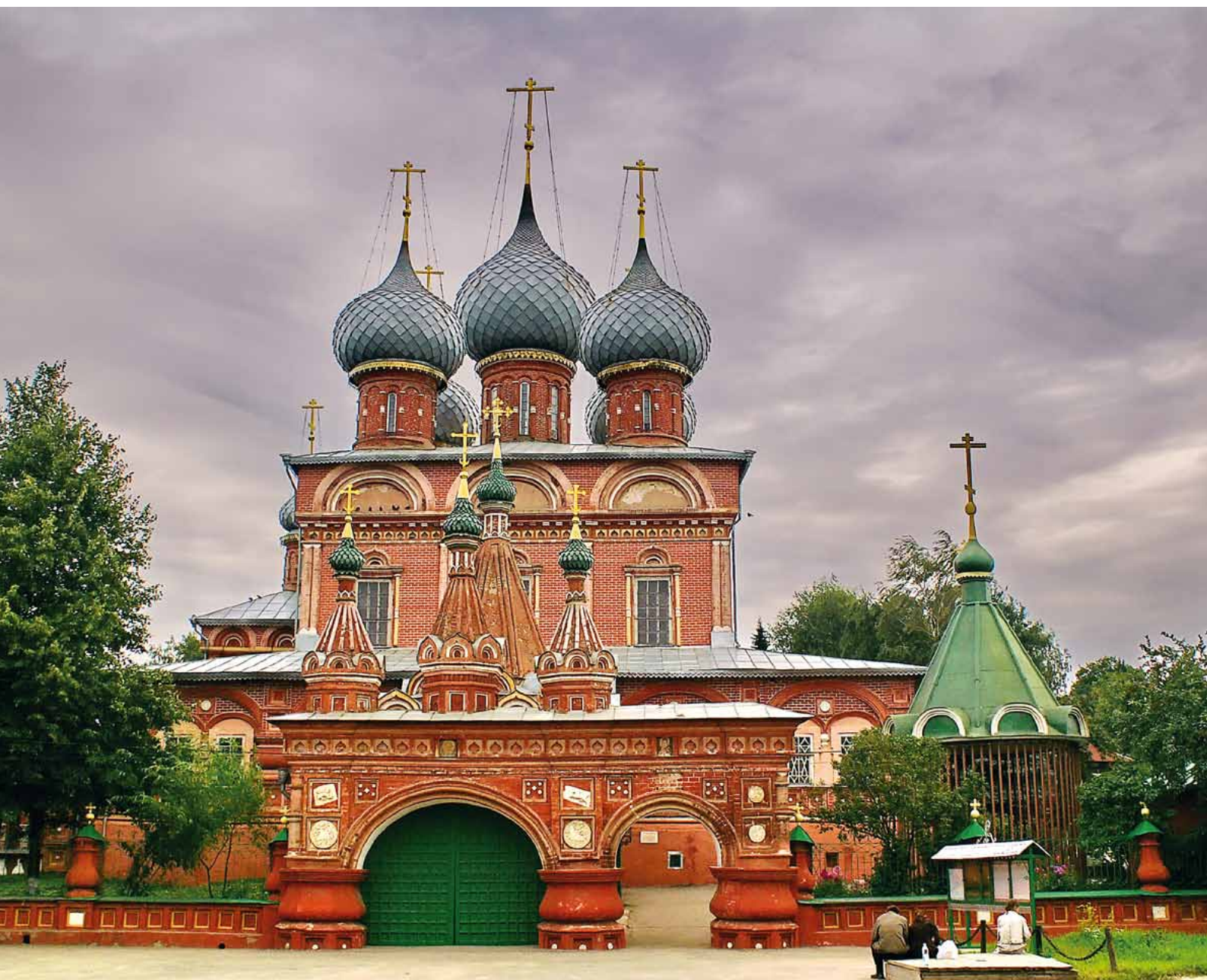
— Ну давай! — согласился мальчик радостно. — А кого рубить? Давай ту подушку! На, ещё кинжал есть!

Увлечённо, бешено они принялись бить по подушке, поднимая лёгкую пыль.

Засыпая, приобняв жену, просунув руку под её прохладной подушкой, Василий ощутил покой.

На рассвете он пробрался на кухню, встал на стул, открыл антресоли.

Там, завёрнутые в шинельное сукно, лежали шашка и карабин.

/ Олег ФОМИН-ШАХОВ /

Неизвестная Родина

*Герметическая символика
Большого Золотого кольца России*

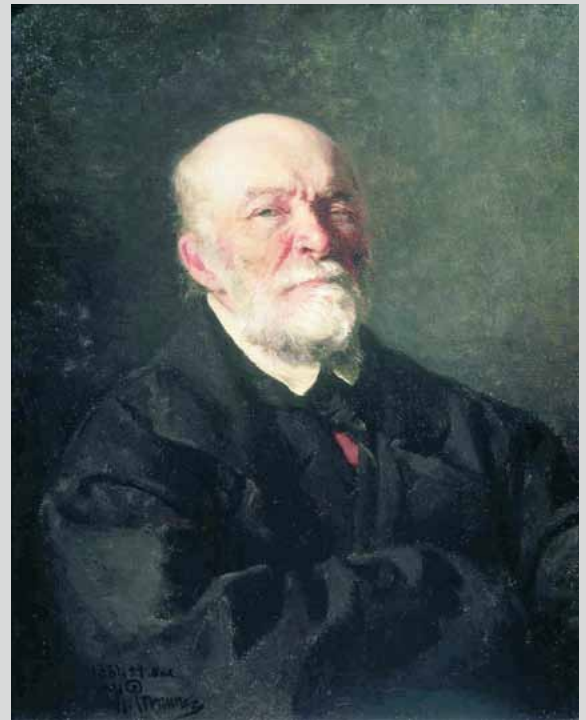

Церковь Воскресения на Дебре. Кострома. XVII в. Храм построен, по преданию, на английское золото, «случайно» оказавшееся на корабле одного из костромских купцов, плававших в Англию. Церковь богато украшена геральдическими сюжетами, представляющими собой с точки зрения герметики «войну гербов».

Пеликан, расклёвывающий свою грудь и кормящий ею своих птенцов. Барельеф XVI в. Въездные ворота храма Воскресения на Дебре. Кострома. На барельефе плохо читаемая надпись: «неясыть пустынная». Пеликан — не только символ одиозных иллюминатов. Это прежде всего символ жертвенности Христа, отдающего Свою кровь Своим детям, чтобы они жили. В герметике философский субъект питает свои производные собственной кровью, подобно пеликану.

Если попытаться отыскать квинтэссенцию русского духа, его культурно-исторического наследия, то мы навряд ли отыщем лучший образец, чем Золотое кольцо России. Конечно, русскую кровь и русский дух не меньше будоражат своим строгим величием цитадели и монастыри Русского Севера, храмы Псковщины и Новгородчины. Но те географически рассредоточены, разбросаны, как зёрнышки скатного жемчуга, по российским окраинам и задворкам. Русская история проходила через них по касательной. А Золотое кольцо России — непрерывная вязь политических, цивилизационных и мистических огнезрачных смыслов — всем ожерельем градов и весей вращалось на оси русской истории.

Илья Репин. Портрет Н.И. Пирогова. Холст, масло. 1881

ПИРОГОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1810–1881)

Создатель первого атласа топографической анатомии (теоретической основы для оперативной хирургии) и основатель русской школы анестезии. В 1847 году, находясь на Кавказе в расположении действующей армии, Пирогов впервые в истории медицины начал оперировать раненых с применением эфирного обезболивания. Он по праву считается основоположником военно-полевой хирургии. В 1855 году во время Крымской войны Пирогов был главным хирургом осаждённого Севастополя, где впервые в истории русской медицины применил гипсовую повязку, тем самым положив начало сберегательной тактике лечения ранений конечностей взамен ампутации. Тогда же Пирогов внедрил новый метод ухода за ранеными: в зависимости от тяжести ранения одни подлежали немедленной операции в военно-полевых условиях, другие, с менее тяжёлыми ранениями, эвакуировались в глубь страны для лечения в военных госпиталях. Русский хирург, анатом и естествоиспытатель Пирогов превратил хирургию в науку, вооружив врачей научно обоснованной методикой оперативного вмешательства.

Печные изразцы. Ипатьевский монастырь. Царские палаты. Кострома. XVIII в. Змей, распятый на древе, — известный символ гностицизма и раннего христианства. Буква «С» — аббревиатура «Soter» — Спас, Спаситель. Ровно под «распятием» изображен шелудивый, лепрозный пёс, привязанный ко древу. Надпись «не приближайся ко мне» отсылает нас к словам, сказанным Христом по отношению к Марии Магдалине (Марье Магдалине по-старому). Лепра обозначает чешуйчатую структуру философской материи. Все сюжеты этого кессона яростно кричат нам, грубо намекают, на самую прямую связь Евхаристии, Царства и Великого Делания.

Термин «Золотое кольцо России» довольно точный, но при этом довольно поздний. В 1967 году литератор и журналист Юрий Бычков написал под этим общим названием ряд очерков о городах Владимиро-Суздальской Руси. В силу ограничений экскурсионного маршрута в него попадают лишь несколько наиболее значимых городов Владимиро-Суздальской Руси: Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострома, Иваново, Суздаль и Владимир. В жертву туристической логистике были принесены: поражающий витиеватостью белокаменных барельефов Юрьев-Польской,

Надвратная икона св. Софии Премудрости Божией. Ипатьевский монастырь. «Зелёная башня». Кострома. XVII в. На иконе София изображена бородатой. Это гностический образ «Sophia barbatos». отождествить бородатую Софию с Христом затруднительно — над Софией мы лицезреем образ Спасителя сам по себе. Ныне стенное письмо сбито либо заштукатурено «до лучших времён».

Нижегородская губ., Городецкий уезд. 1893 г. Мастер – Василий Фёдорович Копалкин. Дом буквально весь покрыт резьбой с герметическими сюжетами. Это настоящий гримуар в дерев (н) е.

Александровская слобода, русалочно-львиная домовая резьба Городца и его округа, Муром, куда в поисках легендарного агрикова меча

Золочёные врата. Вклад Годуновых. Ипатьевский монастырь. Троицкий собор. Кострома. XVI в. Врата с эзотерическими сюжетами – единственное, что осталось от прежнего Троицкого собора, «случайно взорвавшегося» в 1649 г. – в царствование Тишайшего Алексея Михайловича. Аполлон и Платон спорят об Адаме у его гроба. Сверху на них взирает Саваоф. Среди характерных деталей: «плевок луны» – устойчивый герметический образ, и обыгрывание традиционного сюжета – колба с произрастающим из неё крестом; обычно вместо креста изображается дерево, куст (купина) или просто поросль.

рвался спецдесант СС, Касимов со средневековыми мавзолеями и минаретом, не говоря уже о Москве, Нижнем Новгороде, Дмитрове, Коломне и других городах, где сохранились кремли. Нам кажется, куда более правильно говорить о **Большом Золотом кольце России**, чьи города и веси развивались в едином культурно-историческом ареале междуречья Оки и Волги – с некоторыми выплесками за эти географические пределы.

Многие из наших соотечественников хоть раз в жизни бывали в этих городах, чаще всего с экскурсией. «Музейное восприятие» нашей родной старины, транслирующееся через СМИ, массовую культуру, всякого рода путеводители, создаёт у нас заведомые стереотипы. Этот пас-

¹ Пассеизм (фр. passé – прошлое) – пристрастие к минувшему, прошлому и равнодушное (враждебное или неверчивое) отношение к настоящему и будущему.

Нижегородская губ., Городецкий уезд. 1893 г.
Мастер – Василий Фёдорович Копалкин.
Автограф мастера. На наличнике – саламандры, закусывающие свой хвост. Это символ того, что начало философской работы совпадает с её концом. Исходный субъект, Камень Философов, становится Философским Камнем.

сеизм¹ заставляет нас считать наше наследие чем-то ушедшим, не имеющим к нам никакого отношения. Это просто «красиво», это «повод для гордости» — не более того. При всём уважении к музейной отрасли русский человек в таком положении оказывается оторван от собственных корней, от вечного русского настоящего.

Из любого путешествия человек возвращается не тем, что был прежде. Из паломничества к родной старине русский человек по определению должен был бы возвращаться **полностью преобразённым**, «иницированным» в русское. Но этого, как правило, не происходит. Чтобы встреча эта случилась на пути, лучше ехать са-

Нижегородская губ., Городецкий уезд. 1893 г.
Мастер – Василий Фёдорович Копалкин.
Фараонка-мать и фараонка-дочь. В герметике этот сюжет означает непосредственное происхождение второй ртути от первой. Иными словами, в Философском Делании работа происходит с одним веществом, проходящим трансформации.

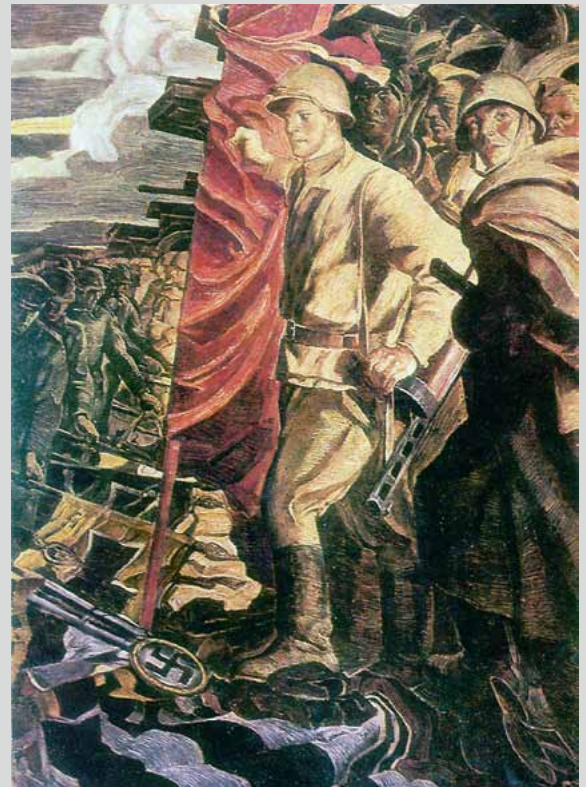

тому, возможно, в одиночку. Пожить внутри перемен русской погоды, внутри ландшафта, а по-русски — простора, из которого вырели русские мысли в камне, в дереве, в красках. Помогать реставраторам или участвовать в раскопках. Только так родная старина перестанет быть просто «музеем», только так будет открыта первая дверь в неизвестную, неотлакированную Родину.

Кому-то этого будет достаточно. А кто-то, углубившись не только в созерцание формы, но и в осмысление её внутреннего наполнения, достаточно скоро поймёт, насколько мы далеки от его подлинного понимания. В этот момент взгляд учёного-феноменолога станет взглядом русского учёного-феноменолога. И тогда, по мере герменевтического «снятия покрывал» с нашего наследия, мы с неизбежностью переосмыслим историческую и духовную роль России в мире, во времени, а в конечном счёте и в вечности.

Нам станет понятно, что слова старца Филофея о нас как о Третьем Риме — не «метафора», что настойчивое изображение Царя Давыда (так по-старому) в белокаменной резьбе княжеских соборов-башен (в классификации искусствоведа Георгия Вагнера) не просто отвлечённый образ идеального Царя и что Древо Иессеово, где показано происхождение Рюриковичей от Единственно Царского Рода — не жуткое святотатство и не дерзкое самомнение зарвавшихся русских князей. Нам станет очевидным, что мы ничего не понимаем в русском православии старше XVII века. Заострив свой взгляд на изображениях в православных храмах, мы увидим не только образы бородатой Софии Премудрости Божией, но и Гермеса Трисмегиста, Аполлона, Гомера, Платона, сивилл. Разумеется, там, где не успели всё закрасить или заштукатурить. Это касается и герметической символики, в изобилии представленной на памятниках русской архитектуры, и в письменных источниках.

После прочтения изданных в России в начале 2000-х годов книг Фулканелли и Канселье, интерпретировавших символику готических соборов и гражданских зданий в герметическом ключе, нужно было бы быть слепым, чтобы не опознать герметическую символику русских соборов, домово́й резьбы, изразца, таких произведений русской книжности, как «Повесть о Соломоне и Китоврасе» и «Сказание о Петре и Февронии Муромских», «Житие святого Фёдора Тирона». Накопленного нами иллюстративного материала хватило бы на десятки публикаций. Но всему своё время. Как сказано в «Летописце еллинском и римском»: «Покажем и сады, человеческими усты глаголюще...»

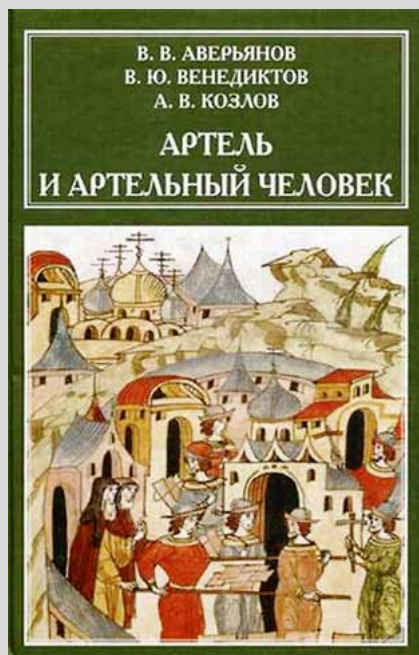

Николай Овечкин. «Знамя Победы» (фрагмент). Холст, масло. 1970

ПОБЕДА 1945 ГОДА

Вторая мировая война — крупнейший в истории человечества вооружённый конфликт. В ней участвовали 62 из 73 существовавших на тот момент независимых государств, боевые действия разворачивались на территории 40 из них. На решающем — советско-германском фронте действовало подавляющее число дивизий вермахта, потерявшего здесь более 73% личного состава, около 75% танков и артиллерии и более 75% авиации. Битва за Москву — самое масштабное по количеству участвовавших войск сражение, проигранное немцами, несмотря на их численное превосходство. Быстрый и полный переход экономики на военные рельсы стал возможным благодаря колоссальному технологическому рывку, осуществлённому СССР в ходе индустриализации 1930-х годов, а также планомерной мобилизации по всем ключевым параметрам. Крупнейшее в истории сухопутное сражение — Сталинградская битва, наряду с битвой на Курской дуге, предредило падение Третьего рейха и превращение нашей страны в сверхдержаву.

Мы принесли на алтарь Великой Победы 30 миллионов человеческих жизней. Победа стала главным символом исторической России и общей судьбы для нашего народа.

В. В. Аверьянов, В. Ю. Венедиктов, А. В. Козлов.

АРТЕЛЬ И АРТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК/Сост., введение В. В. Аверьянов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 688 с.

Вне всякого сомнения, эта коллективная монография является важнейшей вехой на пути изучения самобытных основ русской цивилизации. Артель и община — это базис традиционного общества. В прошлом веке он подвергся достаточно радикальному переформатированию, но артельно-общинные начала сохранялись и продолжают сохраняться как на уровне определённых структур (например, кооперативных), так и в общественном сознании.

В монографии приводится богатейший фактический материал, который подвергнут и аналитической обработке, и концептуальному оформлению. Думается, что любой человек, хоть как-то интересующийся родной историей и началами русской жизни, будет поражён, уже только взглянув на оглавление. Здесь и описание сущностных черт, и подробный экскурс в историю, и классификация. Даже краткое описание глав и разделов заняло бы объём солидной статьи.

Одна из наиболее интересных частей работы — часть V («Артельный человек — альтернативная цивилизация»). Здесь, в историческом ракурсе, показана борьба различных мнений вокруг артели. Весьма важным представляется выделение двух разных подходов, существовавших в русском «кооперативистском» движении. Так, М. И. Туган-Барановский критически относился к русской трудовой артели и вообще к «естественно» сложившимся формам. Мысля в категориях Модерна, он выступал за кооперацию, считая, что главное — это не сама она, но содержащаяся в ней возможность социалистической трансформации общества. С этим был категорически не согласен Е. Д. Максимов-Слободжанин, утверждавший: «кооператизм сопровождает человечество в его исторических путях с отдалённейших времён». В такой оптике артель выступает как естественно сложившаяся общность.

Последний подход уже предполагает нахождение в русле Традиции. На самом же деле оба этих подхода

хоть и различны, но не антагонистичны. В принципе, как не антагонистичны и сами Модерн и Традиция. Артель и община нуждались в некоем проектном раскрытии своего «естественного» потенциала. Весьма любопытно, что примерно такого синтеза в отношении России придерживался (и это отражено в монографии) К. Маркс, согласно которому «община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития».

Парадоксально, но многие русские консерваторы-монархисты (Н. Е. Марков и др.), вроде бы призванные защищать русские начала, выступали против общины, и почти все они просто игнорировали артель и кооперацию. Вне всякого сомнения, это было одной из причин их исторического поражения.

Несомненным достоинством самого исследования является то, что авторы рассматривают русскую кооперативистскую мысль во взаимосвязи с разными концепциями, возникавшими на западноевропейской почве (доктрины Г. Шульце-Делича, Ф. Лассалья и др.).

Безусловно, тема артели и общины неисчерпаема и исследования можно продолжать на самых разных направлениях. Так, отдельного внимания заслуживает русский анархизм, особенно учение князя П. А. Кропоткина, который видел будущее в строе, основанном на многоуровневом взаимодействии самых разных территориальных, экономических, культурных и т. п. общин. По сути, имело место предвидение постиндустриального, информационного, сетевого общества, которое и рождается ныне.

Выход в свет коллективной монографии «Артель и артельный человек» является важным шагом, за которым должны последовать и последуют новые шаги.

DE AENIGMATE/О ТАЙНЕ. Сборник научных трудов.

Составитель А.И. Фурсов. —

М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. — 520 с.

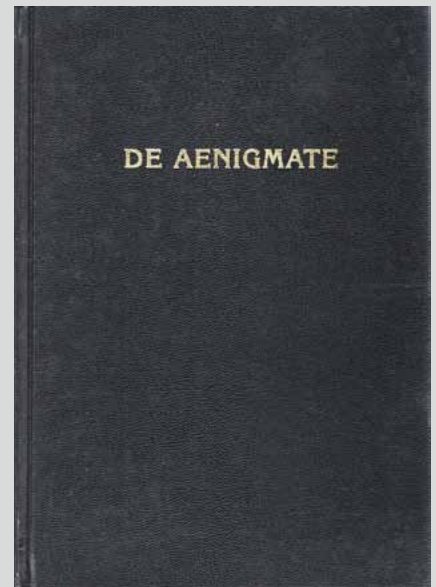
У известного афоризма Фрэнсиса Бэкона «Знание — сила» имеется ещё один вариант перевода: «Знание — власть». Реальная власть всегда связана с тайной. Рассмотрению и визуализации тайных приводных ремней различных исторических и политических процессов посвящён недавно вышедший сборник «De Aenigmate». Он является логическим продолжением сборника «De Conspiratione/О заговоре» (М., 2013). В первом сборнике анализировались скрытые механизмы мировой истории, политики и экономики, деятельность закрытых структур мирового согласования и управления, спецслужб и криминальных синдикатов. Новый сборник продолжает эту традицию, делая особый акцент на древнейших корнях современных проблем. Составитель сборника — историк, обществовед, социолог, член Изборского клуба — Андрей Фурсов пишет: «Общий знаменатель публикуемых в сборнике работ — тайна, загадка, энигма. Энигматика — вот что объединяет статьи, будь то египетские пирамиды, Третий рейх или происходящие в сегодняшнем мире перевороты».

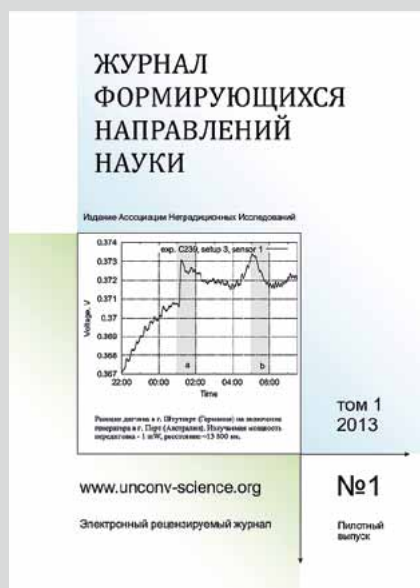
Сборник открывает статья Кирилла Фурсова, представляющая собой панораму новейших гипотез о происхождении и предназначении египетских пирамид. Египетский фактор является одним из ключевых для понимания процессов, протекающих в современном мире. Припомним, что греческая научная культура, лежащая в основании западной цивилизации, основывается на египетской традиции (практически все виднейшие учёные Греции учились в египетских школах). Сюда же можно присовокупить историю с неудачной «монотеистической» реформой фараона Эхнатона, последовавшим за её провалом бегством евреев из Египта и последней книгой Фрейда «Этот человек Моисей и монотеистическая религия» (1939). По версии Фрейда, египетский жрец и один из столпов ветхозаветной традиции не являлся евреем, а сформированное им в процессе странных манипуляций

ядро еврейского социума было частью сорвавшегося на исторической родине египетского проекта. Однако куда более важным является то, что египетская традиция и её влияние на актуальные исторические процессы не афишируется, а система египетских представлений для бытового уровня сводится к изображениям пантеона экзотических богов.

Борьба скрытых смыслов и сил, восходящая к седой древности, продолжается в увлекательном историко-детективном диптихе Владимира Карпеца: «Кто загадывает «священные загадки» и как их разгадывать» и «Винзоры против Рюриковичей». Далее следует материал Андрея Фурсова, посвящённый тайным завязям Первой мировой войны, в котором автор, заглядывая за событийный фасад того времени, мастерски взламывает хитрый шифр тайно-явного, породившего «короткий XX век» (1914–1991 гг.). Предельной информационной насыщенностью, граничащей с энциклопедизмом, отличаются материалы военного аналитика Александра Рудакова «Проект «Подземный рейх»» и «Проект «Арктический бастион»», посвящённые наиболее секретным программам Третьего рейха. О содержании статьи доцента МГИМО МИД РФ Ольги Четвериковой лучше всего говорит само её название: «Теневая история Евросоюза: планы, механизмы, результаты». Современной специфике и технологии политических переворотов посвящён материал профессора МГИМО МИД РФ Елены Пономарёвой, логически завершающий сборник. Автор проливает свет на «совершенно новые, доселе невозможные и даже невиданные технологии по смене политических режимов», что позволяет своевременно обезопасить наше общество от реализации подобных сценариев.

В целом сборник «De Aenigmate» прекрасно вписывается в проект создания принципиально новых форм знания о человеке, обществе и мире, отражающего действительные и действенные реалии и преодолевающего кризис социальных наук второй половины XX века.

ЖУРНАЛ ФОРМИРУЮЩИХСЯ НАПРАВЛЕНИЙ НАУКИ (<http://www.unconv-science.org>)

В 2013 году в России появилось ещё одно рецензируемое научное издание – электронный Журнал формирующихся направлений науки (ЖФНН). Это первый и единственный в России научный журнал, целиком посвящённый новациям и их авторам. Одна из главных его целей – поддержка и популяризация исследований в пограничных и междисциплинарных областях современной науки, находящихся на стыке квантовой физики, информатики, энергетики, биофизики, медицины, психологии. Практически каждый материал, опубликованный в ЖФНН, отличается нетривиальным подходом. Эффекты, с которыми работают его авторы, зачастую сложно воспроизводимы и не имеют общепризнанного теоретического обоснования в рамках господствующей научной парадигмы.

Современная физика (и не только она одна) вплотную подошла к рубежу, за который невозможно продвинуться без коренного переосмысления научной картины мира. Редактор ЖФНН В.А. Жигалов пишет: «Растёт количество экспериментальных данных и уже работающих на их основе технологий, которые не в состоянии объяснить общепринятые теории. Взять, к примеру, вихревые теплогенераторы, которые производят больше тепла, чем потребляют электроэнергии. Многочисленные испытания свидетельствуют о том, что эффект существует: коэффициент преобразования энергии в некоторых чудо-установках составляет от 120% до 400%. Объяснить это пока никто не берётся, но тем не менее в практику энергетики России такие устройства постепенно просачиваются – многие хозяйственники среднего звена с удовольствием используют их, поскольку они позволяют сэкономить существенные средства».

Неэлектромагнитные эффекты и не-локальные взаимодействия, эксперименты по влиянию сознания людей на приборные датчики, низкоэнергетические ядерные реакции, поиск новых

фундаментальных дальнедействий, новые источники энергии – эти и многие другие перспективные направления находятся в фокусе внимания авторов ЖФНН. К сожалению, подавляющее большинство таких направлений развиваются без всякой государственной поддержки, за счёт исключительно энтузиазма самих исследователей. Учёные, имеющие дело с эффектами, не получившими пока общепринятого объяснения, оказываются, как правило, в очень непростом положении. С одной стороны, как показывают экспериментальные исследования, многие выявленные эффекты уже сегодня могут быть использованы в качестве реальных технологий. С другой стороны, без надлежащего теоретического «сопровождения» их как бы и не существует.

В этой связи стоит вспомнить строки из письма Генриха Гиммлера, адресованного в 1938 году министру культуры Бадена Отто Ваккеру: «Есть многие вещи, которые мы не в состоянии понять. Но их необходимо использовать, в том числе силами дилетантов». Уже 6 лет спустя ракетные войска рейха на регулярной основе обстреливали баллистическими ракетами Лондон и Антверпен, в то время как у союзников и в помине не было сколько-нибудь близких аналогов. В своё время к числу таких «дилетантов» принадлежал основоположник теоретической космонавтики, учёный-самоучка К.Э. Циолковский. Ещё в 1903 году им была описана современная космическая ракета, но на его труды обратили внимание только после выхода в свет книги будущего отца немецкого ракетостроения Германа Оберта «Ракета в межпланетное пространство», которую он издал за свой счёт в 1923 году. Сегодня в условиях набирающего обороты кризиса такой уникальный проект, как ЖФНН, жизненно необходим для организации комплексного научного, а главное, технологического прорыва, без которого немислимо будущее российской науки и самой русской цивилизации.

Комогорцев А.Ю., Непомнящий Н.Н.
«АНЕНЕРБЕ» И ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА. —
 М.: Кучково поле, 2014. — 576 с.

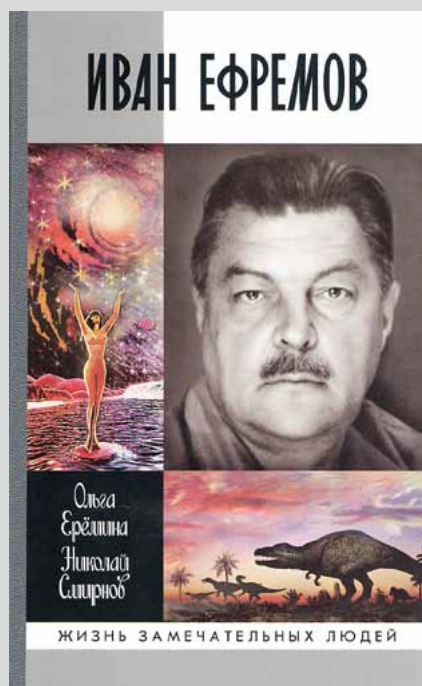
Какое отношение «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков» (институт «Аненербе», 1935–1945 гг.) имело к масштабному научно-техническому прорыву, грянувшему в Германии на рубеже 30–40-х годов прошлого века и определившему облик послевоенной мировой техносферы? По какой причине специалисты этого института курировали все программы по созданию «оружия возмездия»? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, авторы книги проанализировали ключевые программы германского ВПК, большинство которых до сих пор представлены в искажённом виде; в первую очередь это касается существенно недооцененного «Уранового проекта». Опираясь на документы из советских и зарубежных архивов (некоторые из них публикуются в России впервые), авторы приходят к выводу, что в Третьем рейхе были созданы несколько видов оружия нового поколения: атомная бомба, крылатая и баллистическая ракеты, а также семейство летательных аппаратов, основанных на новом понимании принципов электромагнетизма. Из документов советских спецслужб, опубликованных в книге, следует, что эти и другие технологии удалось воплотить благодаря сохранившимся до наших дней знаниям и техническим устройствам, принадлежавшим древней высокоразвитой цивилизации. Их поиском и освоением занимались сотрудники института «Аненербе». Всё началось с лёгкой руки советского разведчика (прототипа Исаева — Штирлица) Якова Блюмкина, продавшего технические характеристики и сведения о местонахождении нескольких таких устройств представителю германской военной разведки Вернеру фон Штильхе и впоследствии приговорённому за это к расстрелу. Речь идёт о «ваджаре» (гигантских щипцах, предназначенных для плавки металлов) и электромагнитном оружии «шу-дзи», хранящихся в Тибете, а также «оружии богов», спрятанном в подземных городах в районе земли Королевы Мод. Авторы оговаривают, что не гарантируют под-

линность некоторых публикуемых документов. Однако сам факт существования в древности высокоразвитой в технологическом отношении цивилизации не вызывает у них сомнения, о чем наглядно свидетельствуют приведённые в книге примеры. Несомненно и то, что начиная с 1920-х годов в Советской России проявляли пристальный интерес к наследию древних цивилизаций. Первые усилия в этом направлении связаны с именем начальника Специального отдела ОГПУ Глеба Ивановича Бокия, под началом которого некоторое время работал Блюмкин.

Для учёного большое значение имеет убеждённость в принципиальной осуществимости той или иной технологии. В этой связи вспоминается фантастический рассказ Раймонда Джоунса «Уровень шума», в котором группе учёных демонстрируется сфабрикованная видеозапись якобы действующего, но утраченного антигравитационного устройства. Им предлагается с нуля воссоздать эту технологию, что они и реализуют, несмотря на то, что до этого момента антигравитация относилась к числу принципиально нерешаемых научных проблем. Для воплощения такого подхода даже при отсутствии конкретных образцов специалистам из «Аненербе» достаточно было выявить и проанализировать под определённым углом зрения исторические источники, сохранившие фрагменты «древней науки». Чем они, в частности, и занимались.

Авторы книги подчёркивают исключительную ценность и актуальность опыта «Аненербе» для современной России. Естественным катализатором его возникновения послужили санкционные ограничения на развитие традиционных военных технологий в Германии, наложенные после её поражения в Первой мировой войне. Чтобы их обойти, руководство страны было вынуждено вкладывать средства в развитие «нетрадиционных» технологий. В настоящий момент архивы института «Аненербе» находятся в России. Не пришла ли пора разыграть эту карту?

Еремина О.А., Смирнов Н.Н. ИВАН ЕФРЕМОВ. —

М.: Молодая гвардия, 2013. — 682 с.

(Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1440).

Очередная книга из серии ЖЗЛ, посвящённая Ивану Антоновичу Ефремову (1908–1972), — пожалуй, первая фундаментальная работа о жизни и творчестве выдающегося советского учёного, фантаста и мыслителя. Многогранная и поистине энциклопедическая личность Ефремова требовала к себе столь же разностороннего подхода, и авторы книги достойно справились с этой задачей. Основоположник тафономии — нового направления в палеонтологии, позволяющего на основании палеогеологических данных предсказывать места обнаружения ископаемых, Ефремов более известен как автор фантастических романов «Туманность Андромеды», «Таис Афинская», «Лезвие бритвы», «Час быка». Он вскрыл незримые связи между такими на первый взгляд далёкими областями науки, как палеонтология и исследования космического пространства: «Палеонтология — наука, погружённая, казалось бы, в недра планеты, — служит окном в космос, через которое мы научимся видеть закономерности истории жизни и появления мыслящих существ».

Авторы книги постарались ответить на вопрос, как человек, занимающийся мезозойской эрой, пришёл к фантастическим полотнам, воссоздающим даже не завтрашний, а послезавтрашний день человечества; как палеонтолог стал футурологом. Для современного человека, воспитанного на либеральных и «демократических» ценностях, коммунизм, как бы он ни назывался, остаётся, прежде всего, утопическим тоталитарным проектом. Но коммунистическое общество будущего, описанное Ефремовым, едва ли можно назвать тоталитарным. Это общество свободных, равноправных, гармонично развитых людей. В нём нет всеобщего контроля, насилия, господствующей идеологии. Разумеется, ефремовский коммунизм отличен от его политического собрата. Более правильно говорить о «ноосферном коммунизме» Ефремова как о космической культуре Земли, вобравшей в себя многонациональные историко-

культурные традиции населяющих её народов. Главная притягательность ефремовского коммунистического общества состоит не во всеобщем благополучии, не в разумной экономической структуре и даже не в здоровой и многолетней жизни, но в гарантированной возможности творческого труда, возможности для каждого найти полное применение всем своим способностям.

Сегодня как никогда актуально звучат слова, написанные Ефремовым в 1971 году: «Думать, что можно построить экономику, которая удовлетворит любые потребности человека, тенденция к чему пронизывает всю западную (е.г. американскую), да и нашу, в вульгарном и буквальном понимании «каждому по потребностям», фантастику — это непозволительная утопия. <...> Единственный выход — в строжайшем самоограничении материальных потребностей, основанном на понимании места человека и человечества во вселенной как мыслящего вида, абсолютном самоконтроле и безусловном превосходстве духовных ценностей перед материальными. Понимание того, что разумные существа — инструмент познания вселенной самоё себя. Если понимания этого не произойдёт, то человечество вымрет как вид просто в ходе естественного хода космической эволюции как неприспособленный/неприспособившийся для решения этой задачи, будучи вытеснено более подходящим (возникшим не обязательно на Земле). Это закон исторического развития столь же непреложный, как законы физики». После смерти Ефремова роман «Час быка» был фактически запрещён, а прочие произведения не издавались, имя учёного нельзя было упоминать даже в специальных трудах по палеонтологии. До сих пор не ясны подлинные причины такого отношения к наследию выдающегося учёного и писателя. Архивы Ефремова и сегодня по-настоящему не осмыслены. Хочется надеяться, что данная книга станет важной вехой в этом направлении.

В этом номере наряду с концептуальными материалами, посвящёнными Русскому чуду, представлено созвездие неоспоримых «русских чудес», вспышек сверхновых нашего национального духа — 33 ЯВЛЕНИЯ РУССКОГО ГЕНИЯ, — свет которых освещает не только русскую, но и общемировую цивилизацию.

- 91 Авиационный синхронный пулемёт Шпитального–Комарицкого (ШКАС)
- 139 Автомат Калашникова (АК)
- 35 Акмеизм
- 61 Взятие Измаила
- 53 Гироскоп
- 27 ГОЭЛРО
- 99 Двигатель внутреннего сгорания
- 113 Дешифровка письменности майя
- 39 Иконоскоп
- 105 Комиссия по изучению естественных производительных сил России
- 41 Кулибин Иван Петрович
- 109 Лампа накаливания
- 121 Мирный атом
- 133 «Мертвая петля»
- 87 Неевклидова геометрия
- 23 Открытие Антарктиды
- 31 Паровой двигатель Ползунова
- 117 Периодическая система химических элементов
- 151 Пирогов Николай Иванович
- 155 Победа 1945 года
- 129 Полупроводниковая электроника
- 143 Противогаз
- 75, 79 Русский космос
- 95 «Русский витязь» и «Илья Муромец»
- 147 Самооборона без оружия (САМБО)
- 65 Сталинский план преобразования природы
- 45 Теория вероятностей
- 83 Теория культурно-исторических типов
- 57 «Троица» Андрея Рублёва
- 71 Ультразвуковые исследования
- 125 Учение о мировых центрах происхождения культурных растений
- 135 Ушаков Фёдор Фёдорович
- 49 Экраноплан

